

ТИТАН ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

БЕЛАЯ ПТИЦА

Трилогия желания

Теодор Драйзер

Титан

«ЭКСМО»

1914

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Драйзер Т.

Титан / Т. Драйзер — «Эксмо», 1914 — (Трилогия желания)

ISBN 978-5-04-116103-3

Вторая часть знаменитой «Трилогии желания» о финансисте Фрэнке Каупервуде, начавшем все сначала после филаделфийской тюрьмы. Бурлящий Чикаго – и большой бизнес, политика, любовь – все подчиняется воле главного героя. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-116103-3

© Драйзер Т., 1914

© Эксмо, 1914

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	46
Глава 11	51
Глава 12	56
Глава 13	62
Глава 14	69
Глава 15	76
Глава 16	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Теодор Драйзер Титан

Theodore Dreiser
THE TITAN

© Савельев К., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Теодор Драйзер — Титан

Москва
2020

Глава 1

Новый город

Когда Фрэнк Алджернон Каупервуд вышел из тюрьмы Восточного округа Филадельфии, он понимал, что с прежней жизнью в городе его детства навсегда покончено. Юность прошла, и вместе с ней канули его грандиозные деловые замыслы. Придется все начинать сначала.

Не стоило повторять, каким образом вторая волна биржевой паники, связанная с банкротством «Джей Кук и К°», помогла ему вновь нажать состояние. Возвращение богатства до некоторой степени смягчило его ожесточение... Казалось, сама судьба позаботилась о его благополучии. Но, так или иначе, биржевые авантюры как способ приобретения капитала теперь внушали ему отвращение, и он решил раз и навсегда покончить с этим. Он займется чем-нибудь другим: городской рельсовый транспорт, земельные сделки – безграничные возможности дает Запад. Филадельфия больше не привлекала его. Хотя теперь он был свободен и богат, он оставался скандальной фигурой, неприемлемой для лицемерных светских и финансовых кругов. Ему придется прокладывать путь в одиночку, без чьей-либо помощи, под пристальным вниманием бывших друзей, которые будут издалека следить за его карьерой. С этими мыслями он уезжал, а его очаровательная любовница, которой исполнилось двадцать шесть лет, приехала на вокзал, чтобы проводить его. Каупервуд с нежностью смотрел на нее; для него она была воплощением женской красоты.

– До свидания, дорогая, – он улыбнулся, когда звонок известил о скором отправлении поезда. – Мы с тобой скоро выберемся отсюда. Не грусти. Я вернусь через две-три недели или сообщу, что ты можешь приехать ко мне. Я бы взял тебя с собой уже сейчас, но сначала нужно осмотреться. Мы найдем подходящее жилье, и ты увидишь, что мы займем достойное положение в обществе. Тучи развеются. Я добьюсь развода, мы поженимся, и все образуется. С деньгами можно все.

Он смотрел на нее спокойно и внимательно, когда она обняла ладонями его лицо.

– Ох, Фрэнк, – воскликнула она. – Я буду скучать по тебе! Ты все, что у меня есть.

– Через две недели! – Он снова улыбнулся, когда поезд тронулся. – Я вернусь или пришлю телеграмму. Будь хорошей девочкой, моя милая.

Она проводила его обожающим взглядом. Жертва любви, избалованное дитя, любимица семьи, пылкая, страстная натура, которая притягивает мужчин, – она откинула головку с прелестными рыжевато-золотистыми локонами и послала ему воздушный поцелуй. Потом она пошла прочь уверенной плавной походкой, заставляя мужчин оглядываться на нее.

– Это она! – обратился один станционный служащий к другому. – Это дочь старого Батлера. Бог ты мой! О такой девушке можно только мечтать!

Это была дань страсти и зависти, что обычно отдают здоровью и красоте. Тому, на чем держится мир.

До этой поездки Каупервуду никогда не приходилось бывать западнее Питтсбурга. Какими бы успешными ни были его невероятные финансовые авантюры, они ограничивались косным и благоразумным филадельфийским мирком с его устоявшейся кастовой системой, претензиями на социальное превосходство и традиционное лидерство в коммерческой жизни Америки, консервативным богатством, безвкусовой респектабельностью и предпочтениями, которые из этого вытекают. Каупервуд помнил, как он едва не покориł этот уютный мирок и не присвоил его святыни, пока не наступил крах. Он почти добился своей цели, однако теперь он стал Измаилом, изгнанником, и бывшим преступником, хотя и миллионером. Но подождите! Это гонка для проворных и битва для сильных, снова и снова повторял он себе. Он еще испытает мир на прочность и постарается выдержать его давление.

На второе утро перед Каупервудом наконец замаячил Чикаго. Он провел две ночи в вульгарно обставленном пультмановском вагоне, изобилием бархатной обивки и зеркал не возмещавшем неудобства путешествия, прежде чем появились окраины столицы прерий. Соседние пути разветвлялись и становились все более многочисленными, телеграфные столбы обрастали густой паутиной проводов. Где-то вдали виднелись отдельные дома, в которых жили предприимчивые люди, построившие себе жилье подальше, чтобы когда-нибудь пользоваться скромными преимуществами, которые принесет разрастающийся город.

Местность была плоской, с чахлыми кустиками бурой прошлогодней травы, слегка колыхавшимися под утренним ветром. Внизу едва проступала новая зелень как знак приближающейся весны. Ясный воздух скрывал очертания города за легкой дымкой, словно муху, застывшую в янтаре, и придавал ему трогательную выразительную красоту. Будучи преданным любителем искусства, стремившимся разбираться в его тонкостях и глубоко сожалевшим об утрате своей коллекции, собранной в Филадельфии, Каупервуд ценил любые красивые проявления природы.

Густота железнодорожных путей увеличилась. Здесь собрались тысячи грузовых вагонов со всех концов страны: красные, желтые, голубые, зеленые и даже белые. (Как он помнил, Чикаго был конечной станцией более тридцати железнодорожных направлений.) Низкие одноэтажные и двухэтажные домишки, видно, недавно построенные и часто некрашенные, были закопчены и покрыты пятнами сажи. На переездах терпеливо ожидали вагоны конки и двухместные коляски с грязными колесами. Он замечал, что дороги ровные и немощенные, а тротуары – в ямках и неровностях, с невысокими ступенями и переходами перед домами, длинными дощатыми настилами, уложенными прямо в пыль прерии. Что за город! Вскоре показался рукав неширокой, кичливой и оживленной реки Чикаго с пыхтящими буксирами, маслянистой темной водой и высокими красными, коричневыми и зелеными башнями элеваторов, огромными черными угольными доками и желто-бурыми складами пиломатериалов.

Здесь кипела жизнь, и он сразу почувствовал это. Бурлящий город рос и строился буквально на глазах. Даже в самом воздухе присутствовало нечто бодрящее и энергичное. Как это отличалось от Филадельфии! Она тоже была деловитым городом, и когда-то Каупервуд считал ее удивительным городом, удивительным миром. Но этот город, хотя и являвший собой еще неприглядное зрелище, был лучше. Он выглядел более молодым и многообещающим. В лучах утреннего солнца, лившихся между двумя угольными бункерами, пока поезд стоял перед разводным мостом, пропускавшим в обе стороны с десятков громадных барж с зерном и древесиной, он видел группу ирландских грузчиков, отдохавших на берегу перед лесным складом, стена которого подступала к воде. Это были здоровенные мужчины в синих и красных спецовках, подпоясанных широкими ремнями, с короткими трубками в зубах: славные, крепкие и загорелые представители своего ремесла. Он невольно задавался вопросом: почему они выглядят так привлекательно? Этот грязный и примитивный город самым естественным образом предлагал волнующие живописные картины. Настоящая песня! Здешний мир был молод и открывал новые просторы для жизни. Вряд ли стоит уезжать отсюда на Северо-Запад, но это он решит потом.

Он имел при себе рекомендательные письма к влиятельным гражданам Чикаго, которые собирался предъявить. Он хотел познакомиться с некоторыми банкирами, хлеботорговцами и комиссионерами. Чикагская торговая биржа представляла для него интерес, поскольку он отлично разбирался в этом бизнесе, именно здесь совершались крупнейшие сделки по купле и продаже зерна.

Поезд миновал облезлые задворки и приблизился к грязным дощатым платформам под наскоро возведенными крышами. Пока паровозы изрыгали дым, а пассажиры деловито сновали взад-вперед, Каупервуд выбрался на Кэнэл-стрит и подозвал кэб, первый в длинном ряду ожидающих экипажей, что свидетельствовало о потугах на столичный дух. Он заранее выбрал

«Гранд Пасифик» как богатый местный отель, поэтому распорядился отвезти его туда. По пути он разглядывал городские улицы, как искусствовед, изучающий картину. Маленькие вагоны конки, выкрашенные желтым, голубым, зеленым и коричневым, которые он видел повсюду, запряженные усталыми тощими лошадами со звякавшими колокольчиками на шее, показались ему очень трогательными. Вагончики были хрупкими конструкциями, в основном из лакированной фанеры с латунными вставками и стеклянными окошками, но Каупервуд понимал, какое богатство они предвещали при дальнейшем развитии города. Он понял, что уличные трамваи на конной тяге или без нее – его призвание. Мысль о трамвайных линиях и безграничных возможностях для манипуляций с ними нравилась ему больше, чем банковское дело и организация биржевых торгов.

Глава 2

Разведчик

Фрэнк Алджернон Каупервуд находился в Чикаго, с развитием которого вскоре окажется неразрывно связана его жизнь. Кто еще стяжает славу завоевателя этой западной Флоренции? Это был город певучего пламени, воплощение Америки, город-поэт в штанах из оленьей кожи, грубый и неотесанный титан, – Роберт Бернс посреди других городов! Он раскинулся у мерцающего озера, как король в лохмотьях, как ворчащий мужлан, слагающий собственный эпос, как бродяга с железной хваткой будущего Цезаря и драматическим талантом Еврипида в душе. Город-бард, воспевающий великие деяния и возвышенные надежды, в тяжелых башмаках, глубоко увязших в трясине обстоятельств. Гордись своими Афинами, о Греция! Италия, воспевай свой Рим! Это был Вавилон, Троя или Ниневия давно минувших дней. Здесь ненасытный Запад сходил с исполненным надежд Востоком. Здесь голодные люди, набивавшие кровавые мозоли в своих лавках и на полях, из грязи воздвигали свою империю.

Из Нью-Йорка, Вермонта, Нью-Гемпшира и Мэна стекались разношерстные толпы энергичных, терпеливых, решительных людей, незнакомых с азбучными истинами этикета, но жаждущих вещей, об истинной ценности которых они не догадывались, даже если бы получили их, людей, стремившихся к величию, но не ведавших путей к его достижению. Сюда прибывали мечтательные джентльмены с Юга, лишенные наследства, исполненные надежды выпускники Йеля, Гарварда и Принстона, предприимчивые рудокопы из Калифорнии и Скалистых гор с мешочками золота и серебра. Здесь почти каждый был ошеломленным иностранцем, сбитым с толку звуками чужеземной речи: венгры, поляки, шведы, немцы и русские создавали свои общины, опасаясь инородцев.

Здесь имелись чернокожие, мошенники, шулеры и прочие романтические искатели приключений. Город с небольшой горсткой местных уроженцев; город, наполненный отбросами общества из тысячи других городов. Сияли огни публичных домов; в барах звенели банджо, цитры и мандолины. Все возвышенные мечтания и низменные страсти находили уладу в новообретенном чуде столичной жизни на Западе.

Первым известным чикагцем, к которому обратился Каупервуд, был председатель правления Национального банка Лейк-Сити, крупнейшего финансового учреждения в городе с капиталом более четырнадцати миллионов долларов. Банк находился на Дирборн-стрит в Мунро, всего в двух кварталах от его отеля.

– Узнайте, кто он такой, – распорядился Джуд Эддисон, председатель правления банка, увидев Каупервуда, входящего в его приемную.

Через внутренние стеклянные двери в своем кабинете мистер Эддисон мог видеть всех, кто входил в приемную, прежде чем они встречались с ним. Лицо и манеры посетителя сразу же произвели на него впечатление. Долгое знакомство с банковскими домами и финансовыми учреждениями придавало особый лоск непринужденности и уверенности в себе, которой Каупервуд обладал от природы. Он выглядел необычайно энергичным для человека тридцати шести лет и при этом создавал впечатление учтивости, солидности и проницательности. Его глаза были ясными, как у ньюфаундленда или шотландской овчарки, такими же простодушными и обаятельными. Однако мягкий, излучающий глубокое понимание взгляд мог вдруг безжалостно метать молнии, он был обманчиво непроницаемым, но притягивал к себе внимание самых разных людей.

Секретарь вернулся с рекомендательным письмом Каупервуда, и тот не замедлил последовать за ним. Мистер Эддисон невольно встал, так он поступал далеко не всегда.

– Рад знакомству, мистер Каупервуд, – вежливо произнес он. – Я заметил вас, когда вы вошли. Как видите, у меня здесь из окна хороший обзор. Садитесь, прошу вас. Не хотите ли яблочка? – Он открыл левый ящик стола, достал несколько красивых красных яблок и протянул одно из них посетителю. – Я всегда съедаю яблоко по утрам.

– Спасибо, не стоит, – добродушно отозвался Каупервуд, привычно стараясь угадать характер и склад ума собеседника. – Благодарю за любезность, но я никогда не ем между завтраком и обедом. В Чикаго я проездом, но решил явиться к вам с письмом. Я полагаю, что вы можете рассказать об этом городе – меня интересует выгодное вложение капитала.

Пока Каупервуд говорил, Эддисон, коренастый, грузный, румяный, с седеющими каштановыми бакенбардами, кустившимися до самых ушей, и жесткими, пронзительными серыми глазами, жевал яблоко и беззастенчиво разглядывал посетителя. Как это бывает, он нередко судил о людях с первого взгляда и гордился этой своей способностью. Для такого консервативного человека, как он, было едва ли не глупо поддаться обаянию Каупервуда, человека, превосходившего его в интеллектуальном плане, но не из-за письма Дрекслея, где Каупервуд был рекомендован как «непревзойденный финансовый гений», который может принести большую пользу Чикаго, если обоснуется в городе, а из-за чарующего взгляда собеседника. Хотя внешне Каупервуд сохранял полнейшую невозмутимость, от него веяло огромной человеческой силой, покорившей сердце его собрата-банкира. Оба они были себе на уме, но уроженец Филадельфии больше повидал на своем веку. Эддисон был добросовестным прихожанином и образцовым гражданином; Каупервуд не мог бы разделить взгляды Эддисона на мир. Каждый из них был безжалостен и старался брать от жизни все, но Эддисон был слабее, поскольку боялся рисковать. Человек, стоявший перед ним, утратил чувство страха. Эддисон рассудительно жертвовал на благотворительность, лицемерно следовал общественным установлениям, притворялся, что любит свою жену, которая давно ему надоела, и втайне предавался незамысловатым удовольствиям. Человек, стоявший перед ним, пренебрегал любыми правилами, тайл свои замыслы, умел манипулировать близкими людьми и всегда действовал в свою пользу.

– Ну что же, мистер Каупервуд, – начал Эддисон. – Мы здесь, в Чикаго, высокого мнения о себе, но не говорим об этом в открытую, чтобы не прослыть слишком высокомерными. Мы вроде младшего сына в семье, который знает, что он лучше других, но до поры до времени скрывает свои амбиции. Мы не слишком воспитаны, а разве вам приходилось видеть любезного подростка? Но мы совершенно уверены, что станем любезными и приятными. Каждые полгода мы вырастаем из старых штанов, поэтому выглядим не слишком модно, но вы обнаружите, мистер Каупервуд, когда осмотритесь, под этой одеждой скрываются сильные мышцы и крепкие кости. Тогда вы не будете обращать особенного внимания на наши наряды.

Открытые и совершенно искренние глаза мистера Эддисона прищурились, и на мгновение их взгляд стал жестким, а в его голосе появились металлические нотки. Каупервуд видел, что он действительно влюблен в свой город. Чикаго был его искренней любовью. Секунду спустя в уголках его глаз собрались морщинки, складки возле губ разгладились, и он улыбнулся.

– Буду рад поведать вам обо всем, что в моих силах, – продолжал Эддисон. – Здесь есть много интересного.

Каупервуд дружелюбно улыбнулся в ответ. Он стал расспрашивать о состоянии разных производств и ремесел. В Чикаго все было иначе, чем в Филадельфии: состояние дел здесь было шире и свободней. Стремление расти и практично использовать местные возможности были присущи Западу, что нравилось ему независимо от того, собирался ли он развивать свою активность в деловой жизни Чикаго. В любом случае здешний климат был благоприятным для его намерений. Ему предстояло преодолеть свое тюремное прошлое и освободиться от жены и детей, по крайней мере в юридическом смысле, поскольку он не хотел бросать их на произвол судьбы. Каупервуд желал приобщиться к энергии и смелости, которые царили в Западных штатах, ради той силы и свободы, с которой он игнорировал общепринятую мораль. «Мои

желания – превыше всего» – таков был его девиз, но для этого ему предстояло противостоять предрассудкам других людей. Он чувствовал, что этот банкир не станет податливой глиной в его руках, но склонен к взаимовыгодному знакомству.

– Город произвел на меня весьма благоприятное впечатление, мистер Эддисон, – сказал Каупервуд через некоторое время, хотя признавался самому себе, что это не совсем так; он сомневался, что сможет примириться с жизнью среди котлованов и строительных лесов. – Правда, после приезда я увидел немного, но, кажется, жизнь здесь бьет ключом и у Чикаго есть будущее.

– Полагаю, вы прибыли сюда через Форт-Уэйн, – отозвался Эддисон. – Вы видели самые худшие районы, разрешите мне показать вам более благоустроенные. Кстати, где вы остановились?

– В отеле «Гранд Пасифик».

– Как долго вы намерены пробыть здесь?

– Не более двух дней.

– Давайте посмотрим... – Мистер Эддисон извлек часы из жилетного кармана. – Думаю, вы не будете возражать против встречи с обществом уважаемых горожан. У нас есть небольшой буфет в клубе «Юнион-лиги»¹, куда мы время от времени заглядываем. Если желаете, мы могли бы прийти туда к часу дня. Мы обязательно найдем там нескольких видных юристов, судей и бизнесменов.

– Это будет замечательно, – без обиняков согласился Каупервуд. – Более чем щедрое предложение с вашей стороны. Между тем я собираюсь встретиться еще кое с кем, а потом... – он встал и посмотрел на собственные часы, – ...я найду клуб «Юнион-лиги». Не подскажете, где находится офис «Арнил и К°»?

При упоминании оптового поставщика говядины, который был одним из крупнейших вкладчиков банка, Эддисон одобрительно наклонил голову. Этот человек, как минимум на восемь лет моложе него, казался ему будущим финансовым магнатом.

После встречи с солидным и хватким консерватором Арнилом и изворотливым директором фондовой биржи Каупервуд направился в клуб «Юнион-лиги». Там он нашел разношерстную компанию от тридцати пяти до шестидесяти пяти лет, собравшуюся вокруг стола в отделанной резным черным орехом зале, увешанной портретами знатных граждан Чикаго и с намеком на художественный вкус в виде оконных витражей. Тут были мужчины высокие и приземистые, полные и худые, темноволосые и блондины, многие лица напоминали хищных животных. Слабаков в этом избранном обществе не наблюдалось.

Мистер Арнил и мистер Эддисон показались Каупервуду дальновидными деловыми людьми. Его заинтересовал некто Энсон Мэррилл, худощавый господин с манерами, говорящими о привычке жить среди роскоши и многочисленных слуг. Эддисон назвал Мэррилла известным в Чикаго мануфактурщиком.

Еще одной знаменитостью был мистер Рэмбо, пионер строительства железных дорог. Представляя их друг другу, Эддисон шутливо заметил:

– Мистер Рэмбо, мистер Каупервуд из Филадельфии пробует выяснить, где он тут может потерять деньги. Не могли бы вы продать ему кусок тех пустошей, которые приобрели на Северо-Западе?

Рэмбо, худощавый и бледный чернобородый господин со сдержанными манерами, одетый, как заметил Каупервуд, с большим вкусом, чем многие из присутствующих, окинул его внимательным взглядом и улыбнулся приятной, слегка застенчивой улыбкой. Ответный взгляд

¹ «Юнион-лига» – система мужских республиканских клубов полузакрытого типа, созданная в годы Гражданской войны в США (1861–1865) в поддержку президента Линкольна и против демократов, среди которых были сильны антивоенные настроения (*Примеч. пер.*).

ему было трудно забыть: глаза Каупервуда говорили больше, чем любые слова. Вместо того, чтобы отделаться незначительной шуткой, мистер Рэмбо решил объяснить ему кое-что о положении дел на Северо-Западе.

Для человека, недавно вышедшего победителем из тяжелейшей жизненной передраги, испытывавшего на себе все нюансы порядочности и предательства, сочувствия и бюрократизма влиятельных людей в одном городе Америки, настроение влиятельных людей в другом большом городе Америки не имело особого значения. Каупервуд уже давно понял, что человеческие качества одинаковы в разных обстоятельствах; ни климат, ни природа, ни что-либо иное не влияют на них. Для него примечательным свойством рода человеческого была странная алхимия, позволявшая людям становиться всем или ничем в зависимости от времени и обстоятельств. Иногда в редкие моменты, свободные от деловых прожектов, он размышлял об истинном предназначении жизни. Если бы он не был великим финансистом и выдающимся организатором, он мог бы стать адептом философии индивидуализма, но такое призвание, если он вообще думал о нем, казалось ему довольно банальным. Он имел дело с материальной стороной жизни, скорее с малозначащими идеями, предназначенными для управления материальными вещами и достижения богатства. Сейчас он находился здесь, чтобы разобраться в потребностях и огромных возможностях Среднего Запада, чтобы покрепче ухватиться за источники власти и богатства и укрепить свое положение. Во время своих утренних визитов Каупервуд узнал о размерах и особенностях скотобоен и мясной торговли, о доходах крупных железнодорожных и паровозных компаний, о бурном развитии рынка недвижимости, зерновых спекуляциях, гостиничном деле и строительстве. Он узнал о крупных промышленных компаниях, производивших автомобили, лифты, сноповязалки, моторы и ветряные мельницы. Судя по всему, любая новая отрасль хорошо приживалась в Чикаго. В разговоре с директором товарной биржи он узнал, что немногие местные акции торговались на фондовой бирже. Основной объем торгов приходился на спекуляции пшеницей, кукурузой и прочими зерновыми культурами. Акциями крупных компаний Восточных штатов играли на Нью-Йоркской фондовой бирже по арендованным телеграфным линиям, а не наоборот.

Глядя на этих любезных и обходительных людей, каждый из которых говорил обтекаемыми фразами и держал в тайне свои грандиозные планы, Каупервуд размышлял, сможет ли он здесь преуспеть. Ему предстояло решить трудную задачу. Никто из этих людей, дружелюбных и открытых в разговорах на общие темы, не знал, что он лишь недавно вышел из тюрьмы. Как бы отнеслись они к нему, зная об этом? Никто из них не подозревал, что Каупервуд был женат и имел двоих детей, но собирался развестись и жениться на девушке, которую уже выбрал на эту роль.

– Вы серьезно подумываете посетить северо-западные штаты? – заинтересованно спросил мистер Рэмбо к концу ленча.

– Таков мой план после того, как я закончу дела здесь.

– Тогда разрешите познакомить вас с компанией интересных людей, которые направляются в Фарго и Дулут. Большинство из них чикагцы, но есть и жители восточных штатов. У нас заказан отдельный вагон, который отправляется в четверг, и я буду рад, если вы присоединитесь к нам. Сам я еду до Миннеаполиса.

Каупервуд поблагодарил его и принял предложение. Затем последовал долгий разговор о Северо-Западе, древесине и пшенице, продаже земли и скота и перспективах развития промышленности.

Городское и финансовое развитие Фарго, Миннеаполиса и Дулута было главной темой беседы. Мистер Рэмбо, управлявший сетью железных дорог в этом регионе, был убежден в его будущем. Каупервуд почти инстинктивно улавливал суть вопроса. Его интересовали главным образом трамвайные линии, газовое освещение, банки и земельные сделки.

Он покинул клуб, сославшись на другие деловые встречи, и оставил о себе большое впечатление. Мистер Эддисон и мистер Рэмбо, как и другие господа, были искренне убеждены, что он был одним из самых интересных людей, с которыми они встречались за последние годы. И при этом он почти ничего не говорил – только слушал.

Глава 3

Вечер в Чикаго

После визита в банк Эддисона и неформального ужина в его доме Каупервуд решил, что больше не станет скрывать свое прошлое от этого человека. Эддисон был известным банкиром и обладал большими связями. Кроме того, он нравился Каупервуду. Убедившись, что Эддисон расположен к нему, если не очарован его личностью, он нанес банкиру утренний визит через два дня после возвращения из Фарго, куда съездил по предложению мистера Рэмбо. Он решил признаться о былых зловключениях, будучи уверенным, что расположенность Эддисона к нему не изменится. Он подробно рассказал, как был осужден за формальную растрату в Филадельфии и отбыл срок в тюрьме Восточного округа. Кроме того, упомянул о предстоящем разводе и намерении снова вступить в брак.

Эддисон, не обладавший сильным характером, был по-своему волевым человеком, и откровенное признание Каупервуда восхитило его. Это был более смелый поступок, на который он был бы способен сам. Драматизм услышанного поразил его воображение. Человек, волею судьбы оказавшийся ни с чем, нашел в себе силы начать все сначала с прежней энергией и целеустремленностью. Банкир знал многих весьма уважаемых людей в Чикаго, чья успешная карьера не выдерживала никакой критики при тщательном изучении, но никто не беспокоился по этому поводу. Не все дельцы принадлежали к высшему обществу, однако все они были достаточно успешными. Так почему же Каупервуд не заслуживал достойного места среди них? Он внимательно смотрел на Каупервуда, восхищаясь его плавными жестами и красивым лицом с щеточкой усов. Потом он протянул руку.

– Мистер Каупервуд, – произнес он, стараясь найти подходящие слова. – Не стоит и говорить, как я рад вашему искреннему признанию. Я рад, что вы решили обратиться ко мне. Вам больше не нужно упоминать об этом. В тот день, когда вы вошли сюда, вы показались мне неуверенным человеком; теперь я уверен в этом. Нет нужды извиняться передо мной. Я не прожил бы в этом мире больше пятидесяти лет, если бы не приходилось пускать в ход клыки. Пока это будет вас устраивать, вы будете желанным клиентом моего банка и желанным гостем в моем доме. Мы будем обсуждать планы в зависимости от обстоятельств. Мне бы хотелось, чтобы вы приехали в Чикаго исключительно потому, что вы мне нравитесь. Уверен, что, если вы решите поселиться здесь, мы будем полезны друг другу. Забудьте об этом разговоре; я никому не расскажу о нем. Вам предстоит вести свою битву, и я желаю вам удачи. Можете рассчитывать на любую поддержку с моей стороны, а когда вы разберетесь со своими семейными делами, приезжайте и познакомьте нас с вашей женой.

Покончив с делами, Каупервуд сел в поезд на Филадельфию.

– Эйлин, – сказал он, когда они встретились на перроне, куда она пришла встретить его, – думаю, что Запад – это лучший выход для нас. Я доехал до Фарго, но не думаю, что нужно уезжать так далеко. Там нет ничего, кроме индейцев и дикой прерии. Тебе понравилось бы жить в ветхой хижине, Эйлин? – шутливо спросил он. – Ты стала бы завтракать жареными гремучими змеями и луговыми собачками? Как думаешь, тебе бы это понравилось?

– Да, – радостно ответила она и взяла его под руку, когда они сели в закрытый экипаж. – Я смогла бы это выдержать, если ты можешь. Я готова отправиться с тобой куда угодно, Фрэнк. Там я заказала бы себе красивое индейское платье, расшитое кожей и бусами, и шапку из перьев, какие они носят, и еще...

– Вот оно что! Ну конечно! В хижине рудокопа нужна красивая одежда.

– Ты бы не стал долго любить меня, если бы я прежде всего не носила красивую одежду, – с жаром возразила она. – Ох, как же я рада, что ты вернулся!

– Трудность в том, что эти края не такие многообещающие, как Чикаго, – продолжал он. – Думаю, нам все-таки следует жить в Чикаго. Я вложил часть капитала в Фарго, и мы будем иногда ездить туда, но поселимся в Чикаго. Я больше не хочу отправляться туда один; это невозможно, – он сжал ее руку. – Если мы не сможем быстро пожениться, я все же буду представлять тебя как мою жену.

– Ты не получал новых известий от мистера Стэджера? – спросила Эйлин. Она вспомнила о попытках Стэджера получить разрешение на развод у миссис Каупервуд.

– Ни слова.

– Очень жаль, – вздохнула она.

– Не грусти. Дела могли обернуться еще хуже.

Было бы пустой тратой времени представить даже кратко последующие годы, в течение которых произошли перемены, включая окончательный отъезд Каупервуда из Филадельфии в Чикаго. В первое время это были поездки сначала в Чикаго, а потом и в Фарго, где его секретарь Уолтер Уэлпли по доверенности управлял строительством делового квартала, короткой линией конного трамвая и ярмарочной площади. «Строительно-транспортная компания Фарго» – так называлась фирма, основанная президентом Фрэнком А. Каупервудом. Заключение контрактов контролировал Харпер Стэджер, его бывший адвокат и юрист из Филадельфии.

Какое-то время Каупервуд жил в чикагском отеле «Тремонт», до поры, ввиду присутствия Эйлин, избегая частых деловых встреч с влиятельными людьми, с которыми познакомился в свое первое посещение города. Тем временем он постепенно разбирался в делах биржевых контор Чикаго с целью заключить партнерское соглашение с каким-нибудь опытным, но не слишком честолюбивым брокером, который сможет познакомить его с особенностями, персонажами и коммерческими предприятиями Чикагской фондовой биржи. Однажды он взял Эйлин с собой в Фарго, где она с высокомерным и скучающе-безразличным видом обозревала растущий город.

– Фрэнк! – воскликнула она, когда увидела деревянную четырехэтажную гостиницу и длинную неказистую улицу в деловом квартале с беспорядочными рядами кирпичных и деревянных складов, зияющими пустотами между домами на обочине грунтовых дорог. Эйлин, в модном дорожном костюме, с ее самоуверенностью, тщеславием и склонностью к преувеличению, являла собой странный контраст со сдержанными манерами, неброской одеждой и безразличием к собственной внешности, отличавшей большинство мужчин и женщин этого молодого города. – Ты же не мог всерьез думать, что мы будем жить здесь, правда?

Эйлин гадала, когда же ей представится возможность завести светские знакомства и заблестать в полную силу. Предположим, ее Фрэнк станет очень богатым и заработает много денег, гораздо больше, чем в прошлом, какую пользу это принесет ей здесь? До его банкротства в Филадельфии, до того, как ее заподозрили в тайной связи с ним, он наконец-то стал жить на широкую ногу и начал устраивать блестящие приемы. Если бы она тогда была его женой, то без труда вписалась бы в высшие круги филадельфийского общества. Но здесь... Боже милосердный! Она с отвращением вздернула носик:

– Что за жуткое место!

Таково было ее единственное мнение о самом энергичном и быстро растущем городе на северо-западе США.

Но когда речь шла о Чикаго с его кипучей и бьющей через край жизнью, Эйлин совершенно преображалась. Помимо решения множества финансовых проблем, Каупервуд следил за тем, чтобы она не чувствовала себя одинокой. Он рассказывал ей о местных магазинах и предложил делать покупки в них, чем она с энтузиазмом и занималась, разъезжая в открытой коляске в сногшибательных нарядах, в большой коричневой шляпе, так шедшей к ее смуглому лицу с румянцем и рыжевато-золотистым волосам. Когда Эйлин впервые довелось увидеть исполненные красоты Прери-авеню, Норт-Шор-драйв, Мичиган-авеню и новые особняки

на Эшленд-бульвар, окруженные зелеными лужайками, надежды, устремления и привкус будущего Чикаго взыграли в ее крови точно так же, как раньше у Каупервуда. Все эти богатые дома были новыми, а знатные люди Чикаго лишь недавно стали богачами, как и они сами. Она забыла, что до сих пор еще не была женой Каупервуда, однако чувствовала себя его настоящей супругой. Улицы, большей частью с тротуарами из розоватого плитняка, окаймленные молодыми, недавно высаженными деревьями, лужайки с подстриженной зеленой травой, окна домов с яркими маркизами и кружевными занавесками, колыхавшимися от июньского ветерка, мостовые с серым скрипучим щебеночным покрытием, – все это будоражило ее воображение. Прогуливаясь, они обогнули озеро по Норт-Шор-драйв, и Эйлин, созерцавшая голубовато-зеленые воды, далекие паруса, парящих чаек и новые яркие дома, прониклась уверенностью, что однажды она будет хозяйкой одного из этих великолепных особняков. Как надменно она будет держаться, как красиво она будет одеваться! У них будет роскошный дом – без сомнения, гораздо лучше, чем старый дом Фрэнка в Филадельфии, – с огромным балльным залом и просторной столовой, где она будет устраивать танцы и давать званые ужины и где их с Фрэнком будут принимать как равных.

– Как ты думаешь, Фрэнк, у нас будет такой же замечательный дом, как эти? – с деланой тоской в голосе спросила она.

– Я расскажу тебе, в чем состоит мой план, – сказал он. – Если тебе нравится эта часть Мичиган-авеню, мы купим здесь земельный участок и придержим его. Как только я обзаведусь необходимыми связями и крепко стану на ноги, мы построим по-настоящему красивый дом. Не беспокойся, мне нужно только уладить вопрос с разводом, а потом мы приступим. А пока лучше жить, не привлекая особого внимания.

Дело было около шести вечера, но летний день все еще был прекрасен. Дневной зной шел на убыль, тень от домов на западе падала на мостовую, и плотный воздух пьянил, как вино. Насколько мог видеть глаз, вокруг были конные экипажи, единственное достойное развлечение для высшего света в Чикаго, где до сих пор было еще мало возможностей иным способом продемонстрировать свое богатство. Сюда торопились домой из офисов и фабрик искатели почестей и богатства, ибо это было единственное место показать себя, Аппиева дорога чикагского Саутсайда. Общественные слои еще не выстроились в четком порядке. Звонкая упряжь из стали, украшенная серебром или накладным золотом, была видимым признаком успеха или надежды на успех. Состоятельные мужчины, шапочно знакомые по бизнесу и торговле, с важным видом кивали друг другу. Нарядные дочери, благовоспитанные сыновья и очаровательные жены приезжали в центр города на рессорных двуколках, в фаэтонах, каретах и новомодных экипажах, чтобы отвезти домой усталых после работы родственников или друзей. Воздух трепетал от невысказанных обещаний, молодых надежд и безмятежной радости, которая порождается безбедной жизнью. Статные, грациозные и хорошо откормленные лошади в одиночку и парами шагали друг за другом вдоль газонов по длинной широкой улице, кичащейся особняками с богатым декором.

– О! – воскликнула Эйлин, увидев уверенных в себе, хорошо одетых мужчин, разодетых дам, юных девушек и подростков, церемонно раскланивавшихся друг с другом. Это романтическое зрелище восхитило ее. – Как мне нравится жить в Чикаго! Думаю, здесь гораздо приятнее, чем в Филадельфии.

Каупервуд, который испытал крах в родном городе, несмотря на свои выдающиеся способности, стиснул зубы. Его усы в этот момент как-то по-особенному топорщились. Пара гнедых, которой он правил, была великолепна: сухощавые и нервные лошади с холеными мордами. Он, как истинный знаток, сидел с прямой спиной; своей энергией и темпераментом подгонял животных. Эйлин горделиво восседала рядом с ним.

– Разве она не красавица? – заметила одна из женщин, проезжавших навстречу.

«Что за потрясающая девица!» – думали или говорили вслух многие мужчины.

– Ты ее видела? – громко спросил младший брат у своей сестры.

– Не обращай внимания, Эйлин, – произнес Каупервуд с твердой решимостью, не признающей поражения. – Скоро мы будем частью этого общества. Не волнуйся. Ты получишь в Чикаго все, что захочешь, и даже больше.

Лошади через поводья почувствовали его возбуждение и пританцовывали, как жеребята, они тихонько ржали и мотали головами. Эйлин распирало от надежд, тщеславия и желаний. О, каково быть миссис Фрэнк Алджернон Каупервуд здесь, в Чикаго, иметь великолепный особняк, рассылать любезные приглашения, которые нельзя оставлять без внимания!

«О боже! – Она мысленно вздохнула. – Поскорее бы все сбылось!»

Так жизнь даже в пору наивысшего расцвета все равно соблазняет и терзает бесконечными, порой недостижимыми мечтаниями.

О юность, надежды и дерзания!

О, страх, летящий на крылах мечтаний!

Глава 4

«Питер Лафлин и К^о»

Партнерские отношения, которые в конце концов сложились у Каупервуда с маклером товарной биржи Питером Лафлином, совершенно удовлетворяли его. Лафлин, высокий, костлявый, провел большую часть жизни в Чикаго, приехав туда подростком из западного Миссури. Он представлял собой обычного старомодного маклера с лицом Эндрю Джексона² и телосложением Генри Клея, Дэви Крокета или «Длинного Джона» Уэнтворта³.

Каупервуда с ранней юности интересовали колоритные персонажи, да и они испытывали интерес к нему. Если немного потрудиться, он мог подстроить свое восприятие мира под психологию практически любого человека. Во времена первых блужданий по Ласаль-стрит⁴ он наводил справки об успешных биржевых торговцах и давал советчикам небольшие комиссионные за посредничество. Так однажды утром он познакомился с Питером Лафлином, который торговал пшеницей и кукурузой на товарной бирже, имел офис на Ласаль-стрит рядом с Мэддисон-авеню и вел скромную биржевую игру акциями зерновых и восточных железнодорожных компаний по поручению клиентов и не забывая себя. Лафлин был проницательным и осторожным американцем, вероятно шотландского происхождения, обладал типичными американскими недостатками: был неряшлив, имел привычку жевать табак, сквернословил. Судя по его виду, Каупервуд почти не сомневался, что у него есть досье на каждого из более или менее известных уроженцев Чикаго, и это само по себе представляло большую ценность. Кроме того, старик был откровенный, прямодушный, непритязательный и совершенно не амбициозный, то есть обладал качествами, поистине бесценными для Каупервуда.

Один или два раза за последние три года Лафлин крупно погорел на частных «корнерах»⁵, и ходили слухи, что теперь он стал чересчур осторожным. Однажды Каупервуд пришел к нему с намерением открыть небольшой брокерский счет в его конторе.

– Генри, – услышал он голос старика, обращавшийся к молодому, не по годам серьезному клерку, когда вошел в просторный, но довольно пыльный офис Лафлина, – раздобудь мне бумаг «Питтсбурга и озера Эри». – Увидев ожидавшего в прихожей Каупервуда, маклер произнес: – Чем могу быть полезен?

Каупервуд улыбнулся.

«Значит, он называет акции бумагами, – подумал он. – Хорошо! Думаю, мы с ним столкуемся».

Он представился бизнесменом из Филадельфии и поделился своим интересом к разным чикагским предприятиям, намерением инвестировать в любые перспективные акции, а также желанием вложиться в какие-либо общественные корпоративные бумаги, которые будут повышаться в цене по мере расширения и развития города.

– Ну что же, если бы вы появились здесь лет десять – пятнадцать назад, то нашли бы в земле много полезных вещей, – заметил Лафлин. – Тут были газовые компании, пока Отуэй и Апперсон не прибрали их к рукам, а потом все эти конные трамваи. Я был тем, кто втолковывал Эдди Паркинсону, как будет здорово, если он организует линию Норт-Стейт-стрит. Он пообещал мне кучу бумаг своей компании, если дело выгорит, но так и не сдержал обещание.

² Эндрю Джексон (1767–1845) – седьмой президент США, один из основателей Демократической партии. (Примеч. пер.)

³ Генри Клей (1777–1852) – американский юрист, политик и государственный деятель. Дэви Крокет (1786–1836) – американский офицер и политик, фольклорный персонаж в США. Джон Уэнтворт (1857–1858) – мэр Чикаго, известный борьбой с местными бандами. (Примеч. пер.)

⁴ Ласаль-стрит – главная торговая улица Чикаго в описываемое время. (Примеч. пер.)

⁵ «Корнер» – скупка ценных бумаг на вторичном рынке со спекулятивными целями. (Примеч. пер.)

Впрочем, я и не ожидал этого, – благоразумно заметил он, и глаза его блеснули. – Я слишком давно работаю на бирже. Так или иначе он больше не при делах. Михоэлс и Кеннели ободрали его как липку. Да, если бы вы были здесь десять – пятнадцать лет назад, то могли бы войти в долю. Впрочем, теперь и думать об этом нечего. Их бумаги торгуются почти по сто шестьдесят за штуку.

Каупервуд улыбнулся.

– Хорошо, мистер Лафлин, – сказал он. – Насколько я понял, вы уже давно ведете дела на бирже и много знаете о том, что здесь происходило в прошлом.

– Да, с тысяча восемьсот пятьдесят второго года, – ответил старик. Густая поросль его неухоженных волос напоминала петушиный гребень, выступающий подбородок наводил на мысли о Панче и Джуди, а слегка крючковатый нос и высокие скулы контрастировали со впалыми смуглыми щеками. Его глаза были ясными и пронзительными, как у рыси.

– По правде говоря, мистер Лафлин, я приехал в Чикаго, чтобы найти человека, который мог бы стать моим партнером, – продолжил Каупервуд. – Я сам занимаюсь банковским и брокерским делом в Восточных штатах. У меня есть фирма в Филадельфии и оплаченные места на Нью-Йоркской и Филадельфийской биржах. Я также веду некоторые дела в Фарго. Вы можете найти сведения обо мне в любом торговом агентстве. У вас есть место на Чикагской товарной бирже, и, без сомнения, вы проводите некоторые сделки на биржах в Нью-Йорке и Филадельфии. Если вы пожелаете присоединиться ко мне, то новая фирма сможет непосредственно заниматься всеми делами. Сам я могу оказывать эффективную помощь. Я подумываю постоянно обосноваться в Чикаго. Как вам нравится мое предложение?

Когда Каупервуд хотел кому-то понравиться, у него была привычка складывать ладони и постукивать поочередно кончиками пальцев. При этом он ослепительно улыбался, его глаза излучали теплый, почти гипнотический свет.

В данный момент жизни старый Питер Лафлин хотел получить нечто подобное. Он был одиноким человеком, который не смог верить свой изменчивый темперамент в руки какой бы то ни было женщины. По сути, он вообще никогда не понимал женщин, и его отношения с ними ограничивались кратковременными предосудительными связями, которые неохотно поддерживались некоторой суммой. Он жил на Вест-Харрисон-стрит возле театра «Трупп» в трех небольших комнатах, где иногда сам готовил себе еду. Его единственным спутником был маленький спаниель, добродушная и ласковая сучка по кличке Дженни, которая спала в его постели. Дженни была послушной и любящей подругой, терпеливо ожидавшей в его кабинете, когда его не было по вечерам. Он разговаривал с собакой, как с человеком, наверное, даже более откровенно, и принимал в ответ ее взгляды и виляние хвостом. Просыпаясь поутру обычно около пяти – стариковский сон короток, – он первым делом натягивал штаны, так как гигиена не была его привычкой, иногда делал визит к парикмахеру в центре города и обращался к Дженни.

– Пора вставать, Дженни, – говорил он. – Сейчас мы заварим кофе и приготовим какой-никакой завтрак. Я же вижу, что ты не спишь.

Дженни любовно наблюдала за ним краешком глаза, ее хвост постукивал по кровати, ухо приподнималось.

Лафлин споласкивал лицо и руки, повязывал старый галстук-ленточку простым узлом и зачесывал волосы назад. Дженни вставала и принималась оживленно скакать, словно говоря: «Видишь, какая я молодец?»

– То-то и оно, – приговаривал Лафлин. – Ты всегда опаздываешь. Не хочешь вставать первой, да, Дженни? Хочешь, чтобы твой старик сначала это сделал, верно?

В морозные дни, когда колеса экипажей скрипели по снегу, а уши и пальцы сильно мерзли, старый Лафлин, облаченный в поношенное тяжелое пальто и шапку с ушками, доставлял Дженни в свою контору в потемневшей сумке вместе с ценными «бумагами», о которых

он размышлял в данный момент. Только в особенно холодные морозные дни с Дженни ездили в вагоне конки. В другие же дни они прогуливались, потому что Лафлину нравилось ходить пешком. Он приходил в свою контору в половине восьмого или в восемь утра, хотя дела обычно начинались после девяти, и обычно оставался там до половины пятого или до пяти вечера, читая газеты или занимаясь расчетами, пока не было клиентов. Потом он выгуливал Дженни или наносил визит кому-либо из коллег. Дом, биржевой зал, контора, соседние улицы – только это было его средой обитания. Он был безразличен ко всему, включая театр, музыку, книги, живопись, и даже женщины интересовали его односторонне. Его ограниченность бросалась в глаза, так что для любителей всего необычного вроде Каупервуда он был настоящей находкой. Но и Каупервуд лишь пользовался такими чудачками, они не играли постоянной роли в его художественных замыслах.

Как и предполагал Каупервуд, старому Лафлину были неведомы сведения о чикагских финансовых аферах, сделках, возможностях и личностях. Будучи по натуре лишь биржевым маклером, а не управленцем или организатором, он не умел извлекать пользу из своих немалых познаний. Он с равной невозмутимостью воспринимал свои потери и прибыли. Когда он терял деньги, то восклицал: «Чушь! Этого не должно было случиться!» – и щелкал пальцами. Когда он много зарабатывал или проводил выгодную операцию, то с блаженной улыбкой жевал табак и порой восклицал: «Присоединяйтесь, ребята, скоро прольется дождик!» Его нелегко было вовлечь в мелкую игру, он терял или выигрывал только в открытой рыночной борьбе либо затеявая свои мелкие хитроумные делишки.

Вопрос о партнерстве решился не сразу, но и без волокиты. Старый Питер Лафлин захотел подумать, хотя Каупервуд сразу ему понравился. Они встречались несколько дней подряд, обсуждая мельчайшие обстоятельства, и наконец, верный своей интуиции, Питер потребовал для себя равную долю в партнерстве.

– Полно вам, Лафлин, это слишком много, – невозмутимо произнес Каупервуд. Они сидели в кабинете Лафлина, была половина пятого, маклер жевал табак в предвкушении чего-то многообещающего. – У меня есть брокерское место на Нью-йоркской фондовой бирже, которое стоит сорок тысяч долларов, – продолжал Каупервуд. – Даже мое брокерское место на Филадельфийской бирже стоит дороже вашего. И то и другое наш основной актив. Фирма будет носить ваше имя. Как бы то ни было, я готов быть щедр с вами. Вместо трети, что было бы справедливо, я отдам вам сорок девять процентов, и мы назовем фирму «Питер Лафлин и К°». Вы мне нравитесь, и думаю, вы сможете принести немалую пользу. Я знаю, что с моей помощью вы заработаете гораздо больше, чем в одиночку. Конечно, я мог бы обратиться к любому из этих парней в шелковых носках, но мне как-то не хочется. Решайтесь же, и мы начнем.

Старый Лафлин был безмерно рад, что Каупервуд выразил желание сотрудничать с ним. В последнее время до него стало доходить, что молодые лощеные новички на бирже считают его дряхлым чудачком. А теперь смелый, напористый бизнесмен из Восточных штатов, на двадцать лет моложе его и такой же хитроумный, как он, – даже более, опасался Лафлин, – с ходу предложил ему деловое партнерство. Кроме того, Каупервуд с его современным, энергичным и здравомыслящим подходом был подобен дуновению весеннего ветра.

– Меня не особенно волнует имя, – ответил Лафлин. – Можете оформить, как вам угодно; пятьдесят один процент все равно дает вам контроль над фирмой. Ну ладно, не буду спорить. Надо думать, я своего не упущу.

– Значит, договорились, – сказал Каупервуд. – Вам не кажется, Лафлин, что нам понадобится новый офис? Здесь как-то темновато.

– Поступайте, как хотите, мистер Каупервуд. Мне все равно, но буду рад посмотреть, что у вас получится.

Все технические детали были улажены за неделю, а через две недели вывеска «Питер Лафлин и К°, хлеботорговая и комиссионная компания» появилась над дверью просторных,

со вкусом обставленных апартаментов на первом этаже дома на углу Ласаль-стрит и Мэддисон-авеню, в самом центре финансового квартала Чикаго.

– Ты не в курсе, что произошло со старым Лафлином? – обратился один брокер к другому, когда они проходили мимо новой шикарной комиссионной конторы с зеркальными окнами и рассмотрели бронзовую табличку с богатым декором на двери. – Что ему взбрело в голову? Я думал, он почти уже отошел от дел. Что за фирма?

– Не знаю. Думаю, какой-нибудь богач с Востока взял его в партнеры.

– Тогда его дела определенно пошли в гору. Только посмотри на эти зеркальные окна!

Так началась финансовая карьера Фрэнка Алджернона Каупервуда в Чикаго.

Глава 5

О семейных делах

Если кто-то воображает, что этот коммерческий ход со стороны Каупервуда был поспешным или непродуманным, он имеет слабое представление о трезвом и расчетливом уме этого человека. Его представления о жизни и власти, о которых он размышлял тринадцать месяцев в тюрьме Восточного округа, определили его жесткую стратегию: он может, должен и будет властвовать единолично. Ни один человек больше никогда не посмеет ничего потребовать от него, разве что явиться в роли просителя. Теперь он ни за что не решится на опасные махинации вроде той, что провернул со Стинером, человеком, который стал причиной многих потерь в Филадельфии. Своим финансовым гением, мужеством и смелостью он заслуживает лидерства, и он докажет это. Люди будут вращаться вокруг него, как планеты вокруг солнца.

С тех пор как Каупервуду было отказано быть принятым в Филадельфии, он пришел к выводу, что больше не будет рассчитывать на теплый прием в так называемых высших кругах города. Размышляя об этом, он пришел к выводу, что его будущие сторонники будут принадлежать не к числу богатых и влиятельных людей, он будет искать их среди молодых одаренных коммерсантов, которые поднялись с самого дна и не имели надежды проникнуть в светское общество. Таких людей было много. Если благодаря удаче и собственным усилиям он станет достаточно могущественным финансистом, он сможет диктовать свои условия. Индивидуалист, не желающий подчиняться никому и ничему, он не имел ни малейшего представления о подлинной демократии, тем не менее сочувственно относился к людям из низов, хотя и сам не принадлежал к простонародью, и неплохо понимал их нужды и чаяния. Возможно, это отчасти объясняло его желание связаться с таким простодушным и неординарным человеком, как Питер Лафлин. Он выбрал его, как хирург выбирает особый скальпель для операции. Несмотря на свой жизненный опыт, старый Лафлин был обречен стать орудием в сильных руках Каупервуда, энергичным и пронырливым гонцом, готовым принимать указания от более мощного и расчетливого ума. Пока что Каупервуд довольствовался проведением сделок через фирму под названием «Питер Лафлин и К°». В сущности, такой вариант был весьма удачным, поскольку так он мог действовать, не привлекая нежелательного внимания, и разработать операции, которые, он надеялся, прочно укрепят его финансовое положение в Чикаго.

Поскольку важнейшим предварительным условием социального и материального обустройства Каупервуда и Эйлин в Чикаго был его развод с женой, его юрист Харпер Стэджер прилагал все силы, чтобы завоевать расположение миссис Каупервуд, которая доверяла адвокатам не больше, чем своему неверному мужу. Теперь это была сухая, неприветливая и довольно некрасивая женщина, хотя и сохранившая следы былого очарования, некогда привлекшего Каупервуда. Вокруг ее глаз, носа и губ залегли глубокие морщинки. Она выглядела отстраненной, подавленной, ушедшей в себя, обиженной.

Стэджер, похожий на крупного кота и обладавший вкрадчивой, рассудительной манерой речи, был идеальным кандидатом для переговоров с нею. Его учтивое хитроумие и гибкая предприимчивость могли творить чудеса. Он мог бы начертать на своем гербе девиз: «Говори тихо, ступай мягко».

— Моя дорогая миссис Каупервуд, — произнес он, сидя в ее скромной гостиной весенним вечером, — мне не нужно объяснять, каким выдающимся человеком является ваш муж и как бесполезно воевать с ним. Даже признавая его недостатки, — а мы можем согласиться, что они весьма многочисленны, — не стоит пытаться призвать его к ответу.

Миссис Каупервуд раздраженно пошевелилась, и Стэджер нетерпеливо всплеснул тонкими женственными руками.

– Вы знаете, какой характер у мистера Каупервуда и что он не поддается принуждению. Он необыкновенный человек, миссис Каупервуд. Никакой обычный человек не смог бы пройти через то, что ему пришлось вытерпеть, и подняться до своего нынешнего положения. Если вы прислушаетесь к моему совету, то позвольте ему идти своим путем. Дайте ему развод. Он готов и даже стремится обеспечить достойное содержание для вас и ваших детей. Я уверен, что он щедро позаботится о вашем будущем. Но ему все более неприятно ваше нежелание дать ему законное право на развод, и я сильно опасаюсь, что дело дойдет до суда. Если до того, как это случится, я смогу прийти к разумному и удовлетворительному соглашению с вами, то буду чрезвычайно рад. Как вы понимаете, я глубоко огорчен текущим состоянием ваших дел. Мне очень жаль, что так получилось.

Мистер Стэджер со скорбным и огорченным видом возвел очи горе. Он чрезвычайно сожалел об изменчивых веяниях этого бурного мира.

Миссис Каупервуд в пятнадцатый или в двадцатый раз выслушала его речь, стараясь быть терпеливой. Каупервуд не вернется. Стэджер стоял на ее стороне, как и любой другой адвокат. Кроме того, он был безукоризненно вежлив с ней. Несмотря на его сомнительное ремесло, она почти верила ему. Он тактично перечислил десяток дополнительных выигрышных пунктов. Наконец, во время двадцать первого визита он сообщил, что ее муж решил разорвать финансовые отношения с ней, не оплачивать счета и не делать ничего, пока мера его ответственности не будет определена судом. В таком случае он, Стэджер, будет вынужден отстраниться от этого дела. Миссис Каупервуд почувствовала, что должна уступить, и выдвинула ультиматум. Если он обеспечит двести тысяч долларов для нее и детей (таково было предложение самого Каупервуда), а впоследствии окажет финансовое содействие их единственному сыну Фрэнку-младшему, она даст согласие на развод. Ей не нравилось это решение. Она понимала, что это означает триумф для Эйлин Батлер, но в конце концов эту стерву как следует опозорили в Филадельфии, и теперь ей не найдется места в любом приличном обществе. Поэтому миссис Каупервуд согласилась подписать заявление, составленное Стэджером от ее имени. Благодаря махинациям этого вкрадчивого джентльмена оно наконец поступило в местный суд с как можно наименьшей оглаской. Лишь в трех филадельфийских газетах примерно через полтора месяца было опубликовано крошечное объявление о разводе. Когда миссис Каупервуд прочитала его, она сильно удивилась, что дело привлекло так мало внимания; она опасалась гораздо более развернутых комментариев. Ей было невдомек, какие хитрые уловки в общении с судебными служащими и газетчиками использовал юридический советник ее бывшего мужа.

Каупервуд прочитал объявление в один из своих визитов в Чикаго и облегченно вздохнул. Его желание наконец-то сбылось. Теперь он мог жениться на Эйлин. Он послал ей телеграмму с загадочным поздравлением; прочитав ее, Эйлин затрепетала от радости. Скоро она станет законной супругой Фрэнка Алджернона Каупервуда, новоявленного чикагского финансиста.

– Прекрасно! – воскликнула она, читая телеграмму у себя дома в Филадельфии. – Теперь я стану миссис Каупервуд. Какое счастье!

Бывшая миссис Фрэнк Алджернон Каупервуд, размышлявшая о его неверности, банкротстве, заключении, пожарах, сопровождавших падение империи Джея Кука, и финансовом возрождении бывшего супруга, задавалась вопросом о таинстве жизни. Бог должен существовать – так сказано в Библии. Ее бывший муж, несмотря на грех прелюбодеяния, не мог быть совершенно дурным человеком, поскольку он щедро обеспечил ее и его любили дети. Безусловно, пройдя через судебный процесс, он оставался не хуже многих людей, которые избежали наказания и остались на свободе. Однако его осудили, и она всегда сожалела об этом: он был умным, хотя и бессердечным человеком. Теперь она не знала, что и думать. Единственным человеком, на которого она возлагала вину, была тщеславная, легкомысленная и развратная Эйлин Батлер, которая соблазнила его и теперь, возможно, станет его женой. Без сомнения, бог

покарает ее. Он должен это сделать. Поэтому она ходила в церковь по воскресеньям и пыталась верить, что, как бы то ни было, все сложится к лучшему.

Глава 6

Новая царица

В день свадьбы Каупервуда и Эйлин – это произошло в заштатном городишке Далстон неподалеку от Питтсбурга в Западной Пенсильвании, куда они прибыли ради этого события, – он сказал ей:

– Дорогая, я хочу тебе напомнить, что мы с тобой начинаем жить заново. Ты должна понять, что некоторое время мы не будем часто выходить в свет в Чикаго. Разумеется, мы будем встречаться с некоторыми людьми; этого нельзя избежать. Мистеру и миссис Эддисон не терпится познакомиться с тобой, и я уже слишком долго откладывал это знакомство. Но я хочу сказать, что сейчас неблагоразумно принимать приглашения и устраивать званые ужины. Люди неизбежно начнут интересоваться нами. Я собираюсь подождать, построить прекрасный дом, который нам уже не придется перестраивать. Если дела пойдут как следует, весной мы отправимся в Европу, где можно будет позаимствовать хорошие идеи. Я собираюсь устроить большую художественную галерею, – добавил он. – Во время путешествия мы можем присмотреть кое-какие картины.

Эйлин трепетала от радостного предвкушения.

– Ах, Фрэнк, ты такой чудесный! – восторженно сказала она. – Ты можешь сделать все, что хочешь, правда?

– Не совсем, – возразил он. – Но не потому, что мне не хочется. Удача в таких делах тоже кое-что значит, Эйлин.

Она стояла перед ним, как это часто бывало, положив округлые руки ему на плечи и вглядываясь в ясные озера его глаз. Другой человек, более нервный и нерешительный, мог бы отвести взгляд, но он встречал запросы и противоречия этого мира с непосредственной обезоруживающей откровенностью. Правда состояла в том, что он верил в себя и только в себя, поэтому не страшился своих мыслей. Эйлин вопросительно посмотрела на него, но не получила ответа.

– Ты просто тигр, – сказала она. – Громадный лев! Шикарная зверюга!

Каупервуд легонько ущипнул ее за щеку и улыбнулся. «Бедняжка!» – подумал он. Она имела смутное представление о той неразрешимой загадке, которую он представлял даже для себя.

После бракосочетания Каупервуд и Эйлин отправились в Чикаго и временно устроились в лучших апартаментах «Тремонта». Немного позже они нашли довольно скромный меблированный дом на перекрестке Тридцать третьей улицы и Мичиган-авеню, который сдавался в аренду год-два с лошадьми и экипажами. Они незамедлительно поселились там, завели дворецкого, слуг и все остальные атрибуты респектабельного дома. Только из учтивости, а не потому, что считал разумным или необходимым устраивать светские приемы, он пригласил Эддисонов и еще нескольких человек, ожидавших его приглашения: президента Чикагской Северо-Западной компании Александра Рэмбо с супругой и архитектора Тейлора Лорда, к которому он недавно обратился за консультацией и считал достойным быть его гостем. Лорд, как и Эддисоны, принадлежал к светскому обществу, но слыл фигурой незначительной.

Если Каупервуд брался за дело, то доводил его до конца. Они арендовали небольшой прелестный особняк из серого камня с гранитным крыльцом и балюстрадой на высоту лестничного пролета, ведущего к широкой сводчатой двери, цветные витражи обеспечивали исполненную хорошего художественного вкуса атмосферу внутри дома. С тем же вкусом была удачно подобрана мебель. Заботиться о званом ужине Каупервуд нанял ресторатора и декоратора, поэтому Эйлин оставалось только хорошенько принарядиться и ожидать гостей.

– Не стоит и говорить, милая, что сегодня вечером я хочу, чтобы ты выглядела блестяще, – сказал он. – Мне нужно, чтобы ты понравилась Эддисонам и мистеру Рэмбо.

Такого намека для Эйлин оказалось более чем достаточно, хотя на самом деле в нем не было надобности. В Чикаго она вскоре подыскала себе французскую горничную. Она привезла платья из Филадельфии, но у нее имелись и зимние наряды, сшитые Терезой Донован, самой дорогой чикагской модисткой. Только вчера ей доставили золотисто-желтое шелковое платье, богато отделанное зеленым кружевом, необыкновенно шедшее к ее рыжеватым волосам, белоснежным рукам и шее. Ее будуар представлял богатство шелков, атласа, кружев, тонкого белья, духов, роскошных гребней и драгоценностей, – все, что могло послужить женскому искусству создания прекрасного образа. Пребывая в мучительных раздумьях об очередном вечернем туалете, Эйлин всегда становилась необузданно энергичной, так что ее горничной Фадетте приходилось быть особенно расторопной. Свежая после ванны, словно ожившая статуэтка Венеры из слоновой кости, она быстро подобрала шелковое белье, чулки и туфли в тон волосам. У Фадетты была идея по поводу прически. Желает ли мадам причесаться по-новому? Да, мадам готова попробовать, – и вот уже масса густых и блестящих золотистых прядей перекладывается то в одну, то в другую сторону. Нет, не годится. Тогда сплетенные в косу волосы укладываются вокруг головы, и все вновь отвергается. Наконец, локоны опускаются надо лбом и перехватываются двумя темно-зелеными лентами, перекрещиваются и скрепляются алмазной розеткой. Эйлин встает в полупрозрачном пеньюаре из розового шелка с кружевной отделкой и изучает свое отражение в высоком трюмо.

– О, да, – произносит она, поворачивая голову то влево, то вправо.

Затем наступил черед шуршащего поблескивающего платья от Терезы Донован. Эйлин примерила его с некоторым сомнением, пока Фадетта хлопотала над спинкой, корсажем, плечами и вокруг колен, одну за другой внося необходимые поправки.

– О, мадам! – воскликнула она. – О, *charmant*! Идеально подходит к вашим волосам. А здесь такая чудесная полнота, – она указала на бедра, где кружева колыхались легкой баской. – Очень, очень красиво!

Эйлин просияла, но не улыбнулась. Ее снедало беспокойство. Дело было не в ее вечернем туалете, обладавшем всеми мыслимыми достоинствами, а в том, что она была обязана произвести незабываемое впечатление на мистера Эддисона, который, по словам Фрэнка, был известным богатым светским господином, и мистера Рэмбо. Она должна была предстать перед ними красавицей во всем блеске ума и светских манер. Несмотря на деньги и привилегии, с ними связанные, которыми она пользовалась в Филадельфии, она никогда не была принята в высших кругах общества и не устраивала важных светских мероприятий. Фрэнк был самым значительным человеком, когда-либо встречавшимся на ее жизненном пути. Без сомнения, миссис Рэмбо была строгой и старомодной женщиной. Как она должна разговаривать с ней? А миссис Эддисон? Наверняка она чрезвычайно знающа и опытна. Пока Эйлин одевалась, она усердно размышляла и едва не принялась вслух утешать себя. При этом она продолжала наносить последние штрихи в своем прекрасном образе.

Когда Эйлин спускалась по лестнице, чтобы оценить вид приемной и столовой залы, в то время как Фадетта начала наводить порядок в будуаре, она представляла собой великолепное зрелище: задрапированная в зелено-золотистое фигура с роскошной прической, изящными гладкими белоснежными руками и округлыми бедрами. Она чувствовала себя настоящей красавицей и в то же время немного волновалась, опасаясь критической оценки Фрэнка. Она заглянула в столовую, которая силой волшебного искусства ресторатора и декораторов, как ювелирная шкатулка, была разукрашена цветами, серебром, золотом, со снежной белизны скатертью и салфетками. Комната напоминала драгоценное украшение, сверкающее нежными искрами. Она вошла в большую приемную залу, где стояло фортепиано, отделанное золотисто-розовой инкрустацией, и с должной заботой к своему единственному достижению она раз-

ложила ноты песен и инструментальных пьес, которые ей удавались лучше всего, – по правде говоря, Эйлин была посредственной пианисткой. Впервые в жизни она ощущала себя дамой, не девушкой, а взрослой женщиной с серьезными обязанностями, однако не вполне приспособилась к этой роли. Ее мысли были пока еще направлены на художественные, светские и театральные развлечения, что придавало ее мироощущению некую расплывчатость, не допускавшую сосредоточения на чем-то более конкретном, определенном. Она жаждала лишь страстных и необузданных увлечений.

Было около шести вечера, как в замке звякнул ключ, и появился Фрэнк, улыбчивый, невозмутимый и неизменно уверенный в себе.

– Отлично! – воскликнул он, созерцая ее в неярком свете свечей, обрамлявших стены приемной залы. – Что за прелестное видение! Я теперь боюсь прикоснуться к тебе. Сколько же пудры на этих руках?

Он привлек ее к себе, и она с облегчением подставила губы для поцелуя. Было очевидно, что она показалась ему очаровательной.

– Боюсь, достаточно, но тебе придется смириться с этим. Так или иначе, ты должен переодеться.

Она обвила его шею своими гладкими, мягкими руками, и он не смог остаться равнодушным. Это была именно такая женщина, в которой он нуждался, – настоящая красавица. Ее шею украшало простое бирюзовое ожерелье, а пальцы были густо унизаны кольцами, но все равно оставались прекрасными. От нее исходил слабый аромат гиацинта или лаванды. Ее прическа была превосходна, как и насыщенный желтовато-зеленый оттенок ее платья.

– Ты просто очаровательна, дорогая. Сегодня ты превзошла себя. Но я раньше не видел этого платья; где ты достала его?

– Здесь, в Чикаго.

Он приподнял руки Эйлин и развернул ее, изучая шлейф ее платья.

– Тебе не нужны ничьи советы. Ты могла бы открыть школу кройки и шитья.

– Значит, я выгляжу нормально? – поддразнила она, все еще немного сомневаясь в себе.

– Просто безупречно. Лучше и быть не может.

Она приободрилась.

– Хотелось бы мне, чтобы твои друзья думали то же самое. Но тебе лучше поспешить.

Он поднялся наверх, и Эйлин последовала за ним, по пути снова заглянув в столовую. По крайней мере, там все было великолепно. Безусловно, Фрэнк был мастером своего дела.

В семь вечера послышался стук копыт и звуки подъезжавших экипажей, и дворецкий Луи уже распахнул двери. Эйлин снова спустилась в приемную, чуть робея и стесняясь, но стараясь думать о разных приятных вещах и надеясь, что сможет развлечь гостей. Каупервуд рядом с ней был сама уверенность и оживленность. Собственное будущее всегда представлялось ему надежным, и он собирался точно так же обеспечить будущее Эйлин. Напряженный подъем по ступеням общественной лестницы, казавшийся таким трудным для Эйлин, нимало не беспокоил его самого.

Ужин, как это бывает с такими нехитрыми вещами, прошел вполне успешно. Благодаря своим разнообразным интересам и вкусам, Каупервуд мог глубокомысленно и красноречиво обсуждать с мистером Рэмбо состояние железных дорог; как многообещающий студент с наставником, мог беседовать об архитектуре с мистером Лордом, а для разговоров с женщинами вроде миссис Эддисон и миссис Рэмбо он мог найти уместные темы или поддерживать их. К сожалению, Эйлин чувствовала себя не так непринужденно, ибо по своему природному складу и темпераменту она не касалась серьезных предметов и не имела определенного представления о жизни. Многие вещи, о которых она имела расплывчатое понятие, оставались для нее тайной за семью печатями – смутными интуитивными образами. Она ничего не знала о литературе, кроме некоторых авторов, которых культурный человек считал бы низкопробными.

Ее представление о живописи ограничивалось несколькими звучными именами, услышанными от Каупервуда. Единственным искуплением была ее красота, ибо она сама была живым, блистательным созданием природы. Даже такой сдержанный, консервативный и рациональный человек, как мистер Рэмбо, мгновенно постиг место Эйлин в жизни Каупервуда. Это была женщина, которую он сам мог бы высоко оценить, хотя и в определенном качестве. У всех сильных мужчин интерес к противоположному полу обычно сохраняется до конца, иногда направляемый стоической покорностью природе. Они хорошо знают, что подобные эксперименты можно повторять снова и снова, но с какой целью? Для многих это становится слишком обременительно. Однако Эйлин, которая в тот вечер явилась во всем своем блеске и великолепии, затронула древние мужские инстинкты в душе мистера Рэмбо. Когда-то и он был молод. Увы, он никогда не привлекал к себе страстный интерес подобных женщин. Глядя на нее сейчас, он сожалел, что ему не выпала такая удача.

По контрасту с цветущим обликом и роскошным нарядом Эйлин скромное серое платье миссис Рэмбо, воротник которого доходил почти до ушей, выглядело строго и почти укоризненно, но ее любезность и отзывчивость сглаживали это впечатление. Она была родом из интеллектуальной среды Новой Англии и воспитанницей школы Эмерсона, Торо и Чэннинга Филипса, поэтому отличалась большой терпимостью. В сущности, ей понравилась Эйлин и та восточная пышность, которая так шла ей.

– У вас такой милый дом, – с улыбкой сказала она. – Мы уже не раз поглядывали на него. Поскольку мы живем не так уж далеко от вас, нас можно называть соседями.

Эйлин ответила благодарным взглядом. Хотя она не могла угнаться за мыслями миссис Рэмбо, но по-своему понимала и уважала ее. В некотором смысле миссис Рэмбо казалась ей кем-то вроде ее собственной матери, если бы последняя была образованной женщиной. Когда они входили в приемную залу, было объявлено о прибытии Тейлора Лорда. Каупервуд взял его за руку и повел к остальным.

Лорд, высокий, морщинистый господин, несмотря на свою суровость, с восхищением оглядел Эйлин.

– Миссис Каупервуд, позвольте мне быть одним из многих, кто приветствует вас в Чикаго, – сказал он. – После Филадельфии вам сначала будет не хватать некоторых вещей, но в конце концов нам всем начинает нравиться этот город.

– О, я уверена, что мне тоже понравится, – улыбнулась Эйлин.

– Много лет назад я сам жил в Филадельфии, хотя и недолго, – добавил Лорд. – Потом переехал в Чикаго.

Эти слова доставили Эйлин небольшую заминку, но она без труда преодолела свою неловкость. Ей следовало ожидать таких мимолетных замечаний; могли встретиться гораздо худшие препятствия для взаимопонимания.

– Чикаго – замечательный город, – поспешно откликнулась она. – И гораздо более оживленный, чем Филадельфия.

– Рад слышать, что вы так считаете. Мне здесь очень нравится; возможно, поэтому у меня тут столько интересных занятий.

Прелесть ее рук и волос приводила его в восторг. Ощущая, что Эйлин не хватает светской утонченности, он напомнил себе, что красивой женщине нет надобности обладать особым интеллектом.

Дворецкий возвестил о прибытии мистера и миссис Эддисон. Эддисона вовсе не беспокоил визит к Каупервуду; ему даже нравилась мысль об этом. Положение этой супружеской четы в Чикаго было очень прочным.

– Как поживаете, Каупервуд? – с сияющим видом поинтересовался он и положил руку на плечо хозяина дома. – Очень любезно с вашей стороны удостоить нас своим присутствием сегодня вечером, миссис Каупервуд. Я уже почти год уговаривал вашего мужа привезти вас

сюда. Разве он вам не рассказывал? (Эддисон еще не поведал своей жене подлинную историю Каупервуда и Эйлин.)

– Да, разумеется, – беспечно ответила Эйлин, чувствуя, что Эддисон тоже очарован ее красотой. – Мне тоже хотелось приехать. Если я не оказалась здесь раньше, то лишь по его вине.

Внимательно разглядывая Эйлин, Эддисон был вынужден признать, что эта женщина выглядит потрясающе. Значит, вот кто был причиной судебного иска первой жены Каупервуда. Ничего удивительного. Что за прелестное существо! Он сравнил ее с миссис Эддисон, и его супруга оказалась в невыгодном положении. Она никогда не была такой поразительно красивой и прямодушной, как Эйлин, хотя, пожалуй, обладала большим здравомыслием. Ей-богу, если бы сейчас он мог найти такую женщину, как Эйлин! Жизнь засияла бы новым блеском. Тем не менее у него были женщины. Он действовал крайне осмотрительно и всегда добивался своего.

– Приятно познакомиться с вами, – обратилась к Эйлин миссис Эддисон, дородная женщина, увешанная драгоценностями. – Судя по всему, наши мужья стали добрыми друзьями. Нам надо почаще встречаться друг с другом.

Это была напыщенная болтовня ни о чем, принятая в любом светском обществе, и Эйлин чувствовала, что она быстро осваивается в местном обществе. Дворецкий внес огромный поднос с закусками и аперитивами и аккуратно оставил его на угловом столе. Затем подали ужин, и начались разговоры. Обсуждалось развитие города и новая церковь, которую Лорд строил в десяти кварталах отсюда; Рэмбо с юмором рассказал о нескольких сомнительных земельных сделках. Общая атмосфера была веселой и непринужденной. Между тем Эйлин прилагала усилия, чтобы заинтересовать миссис Рэмбо и миссис Эддисон. Последняя ей больше понравилась, но лишь потому, что с ней было проще разговаривать. Эйлин понимала, что миссис Рэмбо умнее и доброжелательнее, но стеснялась ее; в результате ей пришлось обратиться за поддержкой к мистеру Лорду. Он благородно поспешил ей на помощь и разговаривал обо всем, что приходило ему в голову. Все мужчины, кроме Каупервуда, думали только о красоте Эйлин, о белизне ее рук, о ее округлой шее и плечах, о роскошных густых волосах.

Глава 7

Чикагский газ

Старый Питер Лафлин, помолодевший благодаря восхитительным идеям Каупервуда, усердно зарабатывал деньги для нового предприятия. Он приносил с биржи множество интересных слухов и такие проницательные догадки о намерениях определенных групп и отдельных людей, на основании которых Каупервуд мог делать блестящие выводы.

– Черт возьми! Думаю, Фрэнк, я точно знаю, что затевают эти парни! – часто восклицал Лафлин наутро после долгих ночных размышлений в своей одинокой постели на Харрисон-стрит. – Эта шайка со скотного двора («скотный двор» подразумевал товарную биржу, а под «шайкой» он имел в виду большинство великих махинаторов, таких как Арнил, Хэнд, Шрайхарт и другие) снова нацелилась на кукурузу! Если не ошибаюсь, то ждать осталось недолго. Как думаете, а?

Каупервуд, усвоивший тонкости биржевых сделок на Среднем Западе, ранее неизвестных ему, и прилежно расширяющий свою осведомленность, обычно принимал мгновенные решения.

– Вы правы. Рискнем сотней тысяч бушелей. Думаю, цена на Центральной бирже в Нью-Йорке через несколько дней опустится на один-два пункта. Лучше занять короткую позицию.

Лафлин никак не мог понять, каким образом Каупервуд располагает информацией о местных и готов действовать так же стремительно, как и он сам. Он мог понять его опыт торговли акциями восточных штатов и его знание о делах, творившихся на бирже в Филадельфии, но как быть с Чикаго?

– Почему вы так думаете? – как-то раз спросил он Каупервуда, снедаемый любопытством.

– Ну как же, Питер, – непринужденно отозвался Каупервуд. – Антон Видера (один из директоров Хлебного банка) побывал здесь вчера, пока вы проводили время на бирже, и все рассказал мне.

Он описал ситуацию, изложенную Видерой. Лафлин знал Видеру как решительного и богатого поляка, который сделал карьеру несколько лет назад. Было странно, что Каупервуд с такой легкостью знакомится с состоятельными людьми и завоевывает их доверие. Видера никогда не был таким откровенным в отношениях с Лафлином.

– Ха! – воскликнул он. – Что же, если он так говорит, это более чем вероятно.

Лафлин совершил покупку, и фирма «Питер Лафлин и К°» только выиграла от этого.

Но хотя хлеботорговый и комиссионный бизнес в среднем приносил каждому из партнеров по двадцать тысяч долларов в год, для Каупервуда он был не более чем источником информации.

Он хотел взяться за дело, которое гарантированно принесло бы ему высокую прибыль за разумное время и обеспечило капитал, который уберег бы его в любом отчаянном положении, как тогда, после Чикагского пожара. По его словам, нельзя было размениваться по мелочам. Он заинтересовал в своих начинаниях небольшую группу чикагцев, пристально наблюдавших за ним – Джуда Эддисона, Александра Рэмбо, Милларда Бейли и Антона Видеру. Хотя эти люди не могли считаться по-настоящему могущественными фигурами, они располагали свободными средствами. Каупервуд знал, что может обратиться к ним с любым здравым предложением. Ситуация с газоснабжением Чикаго более всего привлекала его внимание, поскольку здесь имелась возможность захватить еще неосвоенную территорию. С получением концессий, – читатель вполне может представить, каким образом, – он мог предстать Гамилькаром в сердце Испании или Ганнибалом у врат Рима с требованием капитуляции и раздела добычи.

В то время существовали три газовые компании, действующие в трех разных городских округах, три подразделения, или «стороны», как они назывались: Южная, Западная и Северная, из которых Чикагская газовая, осветительная и коксовая компания, учрежденная в 1848 году и контролирующая Южную сторону, была самой влиятельной и процветающей. Народная газовая, осветительная и коксовая компания, ведущая дела на Западной стороне, была основана позже Южной и получила шанс обрести самостоятельность из-за безрассудства директоров Южной компании. Они вообразили, что Северная и Западная стороны в предстоящие годы не достигнут должных темпов развития, и рассчитывали получить от городских властей разрешение на расширение своих магистральных сетей в другие районы города. Газовая осветительная компания Северного Чикаго была основана почти одновременно с компанией Западной стороны – в результате заявленного намерения ограничить свою деятельность теми районами, откуда якобы происходили ее учредители.

Первым проектом Каупервуда был выкуп и объединение старых газовых компаний. С этим намерением он стал изучать финансовое и общественное положение главных акционеров этих корпораций. Его идея заключалась в том, что, предложив три к одному или даже четыре к одному за каждый доллар, представленный рыночной стоимостью их акций, он сможет выкупить компании и объединить их. Затем выпустить достаточно акций для покрытия своих обязательств, собрать богатый урожай и одновременно встать у руля предприятия. Сначала он обратился к Джуду Эддисону, который мог стать самым полезным помощником в запуске подобной схемы. Каупервуд нуждался в нем не столько в качестве партнера, сколько в качестве инвестора.

– Скажу вам, что я думаю по этому поводу, – наконец произнес Эддисон. – Здесь вы нащупали превосходную идею. Даже удивительно, что она не пришла в голову кому-то еще. Теперь нужно помалкивать, чтобы вас не опередили. Здесь много предприимчивых людей. Но вы мне нравитесь, поэтому я с вами. Мое личное участие, во всяком случае открытое, в таком деле было бы неразумным, но я обещаю выделить необходимые средства. Мне нравится и ваша идея о холдинговой компании с общим инвестиционным капиталом и под вашим доверительным управлением. Вполне согласен, что вы должны возглавить ее, я считаю, вы можете с этим справиться. Я могу выступать лишь в роли инвестора. Однако вам нужно иметь двух-трех других инвесторов, чтобы заручиться моей поддержкой. У вас уже есть кто-то на примете?

– Да, безусловно, – ответил Каупервуд. – Просто я в первую очередь обратился к вам.

Он упомянул Рэмбо, Видеру, Бейли и кое-кого еще.

– Они подойдут, если вы сумеете убедить их, – сказал Эддисон. – Но даже тогда я не уверен, что вам будет по силам уговорить владельцев компаний продать их доли. Они не инвесторы в обычном смысле слова. Они рассматривают свои компании как частный бизнес. Они основали его, и он им нравится. Они построили газгольдеры и проложили газовые магистрали. Это будет нелегко.

Как и предсказывал Эддисон, Каупервуд обнаружил, что было совсем непросто убедить крупных акционеров и директоров газовых компаний в каких-либо изменениях. Ему еще не приходилось иметь дела с более закрытыми и неотзывчивыми людьми. Его предложение открытого выкупа по цене в три или в четыре раза выше рыночной стоимости акций столкнулось с категорическим отказом. Акции разных газовых компаний торговались по цене от ста семидесяти до двухсот десяти долларов за штуку и с каждым годом неизменно росли в цене по мере расширения границ города и увеличения потребности в газе. В то же время они вместе и каждый в отдельности с большим подозрением относились к смелым предложениям, исходившим от постороннего человека. Кто он такой? Кого он представляет? Он ясно давал понять, что располагает обширным капиталом, но не раскрывал имен своих инвесторов. Директора и управляющие одной компании подозревали директоров и управляющих другой компании в намерении получить контроль над их фирмой и вытеснить с рынка. Зачем продавать свои

доли? Зачем поддаваться искушению большей прибыли от своих акций, когда и так совсем неплохо живется? Поскольку Каупервуд был новичком в Чикаго и не обзавелся надежными деловыми связями, он был вынужден придумать другой план – создание новой фирмы в пригородах для будущей атаки на основную часть города. В таких пригородах, как Лейк-Вью и Гайд-Парк, существовали собственные муниципалитеты, имевшие полномочия для выдачи концессий водопроводным, газовым и трамвайным компаниям, учрежденным в соответствии с законами штата. Каупервуд рассчитывал, что если он организует отдельные и с виду независимые компании в каждом городке и поселке, а впоследствии учредит головную компанию в Чикаго, то сможет диктовать условия старейшим учреждениям. Оставалось лишь получить необходимые разрешения и концессии до того, как соперники уяснят положение дел.

Главная трудность состояла в том, что он был не знаком с газовым бизнесом – с добычей, производством и распределением газа – и никогда особенно не интересовался этим. О трамвайных магистралях, излюбленном источнике его прибыли за счет городского хозяйства, он знал абсолютно все, но эти познания не могли пригодиться сейчас в Чикаго. Он хорошо подумал, кое-что почитал о газовом производстве, но удача неожиданно ему улыбнулась.

Оказалось, прежде компании Южной стороны некогда существовала менее крупная фирма, основанная неким Сиппенсом – Генри де Сото Сиппенсом, который ловкостью рук сумел получить право на производство и продажу газа в центральных районах Чикаго, но впоследствии был так измучен всяческими исками, что в конце концов вышел из дела или его заставили сделать это. Теперь у него была контора по продаже недвижимости в Лейк-Вью. Старина Питер Лафлин был знаком с ним.

– Он малый не промах, – сказал Лафлин Каупервуду. – Когда-то я считал, что он далеко пойдет, но ему выкрутили руки, и он был вынужден все бросить. Однажды на его газгольдере у реки произошел взрыв; думаю, это были его дружки соперники. В общем, он отошел от дел. Я уже несколько лет ничего не слышал о нем.

Каупервуд послал старого Питера поискать мистера Сиппенса, узнать, чем он теперь занимается и интересуется ли его возвращение в газовый бизнес. Через несколько дней Генри де Сото Сиппенс вошел в офис фирмы «Питер Лафлин и К°». Это был маленький человечек лет пятидесяти, в высокой жесткой фетровой шляпе, в коричневом пиджаке (летом он надевал холстинковый) и тупоносых башмаках. Он выглядел как сельский аптекарь или владелец книжной лавки, или – чуть-чуть – как сельский врач или адвокат. Манжеты его рубашки слишком высывались из рукавов пиджака, галстук слишком выпирал из-под жилета, а высокая шляпа была лихо заломлена на затылок, но во всех прочих отношениях он производил впечатление приятного, разумного и интересного человека. У него были короткие рыжеватые бакенбарды, которые топорщились во все стороны, и густые брови.

– Мистер Сиппенс, – любезно произнес Каупервуд, – когда-то у вас была газовая фирма в Чикаго, не правда ли?

– Думаю, мне известно о производстве газа не меньше, чем любому другому, – почти сварливо отозвался Сиппенс. – Я много лет занимался этим делом.

– Ну, что ж, мистер Сиппенс, я подумываю открыть небольшую газовую компанию в одном из пригородных поселков и посмотреть, можно ли будет на этом заработать. Сам я мало понимаю в газовой сфере, но подумал, что может заинтересоваться знающий человек. – Он окинул Сиппенса дружелюбным внимательным взглядом. – Я слышал о вас, как о человеке, имевшем значительный опыт в этой области здесь, в Чикаго. Как думаете, если я открою компанию со значительным вкладом, вы согласились бы взять на себя руководство?

«Мне все известно о газовых компаниях, – собирался сказать мистер Сиппенс. – У вас ничего не выйдет». Но изменил свое мнение до того, как открыл рот.

– Если последует достойное вознаграждение, – осторожно сказал он. – Полагаю, вы представляете, с кем вам придется конкурировать?

– О да! – с улыбкой ответил Каупервуд. – Какое вознаграждение вы сочтете достойным?

– Я не стал бы возражать против шести тысяч в год и хорошей доли в компании, скажем, примерно половины, и тогда, пожалуй, я бы рассмотрел ваше предложение, – ответил Сиппенс, настроенный отпугнуть Каупервуда столь непомерными требованиями. Он получал не более шести тысяч долларов в год от своего нынешнего бизнеса.

– А вам не кажется, что четыре тысячи в нескольких компаниях, скажем, до пятнадцати тысяч долларов в итоге, и около десятой доли в каждой из них было бы лучшим предложением?

Мистер Сиппенс тщательно обдумал эти слова. Было ясно, что его собеседник не наивный новичок. Он проницательно посмотрел на Каупервуда, и ему стало ясно, что этот человек готовится к большой схватке. Десять лет назад Сиппенс осознал громадные возможности газового бизнеса. Он попытался войти в дело, но его завалили исками, шантажировали, лишали финансирования и в конце концов довели до банкротства. Его всегда возмущало, как несправедливо с ним обошлись, и он горько сожалел, что не сумел нанести ответный удар. Он думал, что дни его коммерческих подвигов остались в прошлом, но в предложении этого человека он услышал призыв охотничьего рога возобновить гонку за добычей.

– Ну, что же, мистер Каупервуд, – уже спокойнее и дружелюбнее отозвался он, – если вы покажете, что у вас есть продуманный план, то могу сказать, что я разбираюсь в газовом бизнесе. Я все знаю о подрядах и газовом оборудовании. Я строил газовые заводы в Дейтоне, штат Огайо, и в Рочестере, штат Нью-Йорк. Если бы я приехал сюда немного раньше, то сейчас был бы богатым человеком, – в его голосе звучали нотки сожаления.

– Итак, это ваш шанс, мистер Сиппенс, – вкрадчиво проговорил Каупервуд. – Скоро здесь будет открыта новая крупная газовая компания. Мы заставим этих стариков считаться с нами. Разве это вам это не интересно? Денег будет предостаточно. Нам нужны не средства, а организатор – боец и профессионал, который построит завод, проложит магистрали. – Каупервуд вдруг решительно выпрямился; он пользовался этой уловкой, когда хотел произвести особенно сильное впечатление на собеседника. Казалось, от него исходят энергичные волны силы и воли к победе. – Вы согласны войти в дело?

– Да, мистер Каупервуд! – воскликнул Сиппенс. Он вскочил на ноги, нахлобучил на затылок свою шляпу и стал похож на бойцового петуха.

Каупервуд пожал протянутую руку.

– Приведите в порядок свои дела с недвижимостью. Я хочу, чтобы вы в скором времени обеспечили для меня разрешение в Лейк-Вью и построили газовый завод. Примерно через неделю я все подготовлю к вашему полному удовлетворению. Нам также понадобится хороший юрист или парочка юристов.

Выходя из офиса, Сиппенс восторженно улыбался. Как такое чудо могло произойти через десять лет? Теперь он покажет этим негодяям, где раки зимуют. Теперь за его спиной стоял настоящий боец, похожий на него самого. Но кто этот человек? Что за чудо! Нужно будет выяснить, кто он такой. Сиппенс был твердо уверен, что с этого момента он будет делать все, что захочет Каупервуд.

Глава 8

Время для схватки

После неудачной увертюры с тремя газовыми компаниями, когда Каупервуд посвятил Эддисона в свой план открытия конкурирующих компаний в пригородах, банкир уважительно посмотрел на него.

– Умный ход! – произнес он. – Теперь я вижу, что вы справитесь, и готов поддержать вас!

Эддисон предупредил, что теперь Каупервуду понадобится содействие влиятельных людей в различных пригородных муниципалитетах.

– Все они скользкие типы, – продолжал он, – но одни более жуликоваты, чем другие, зато гарантируют результат. У вас есть поверенный в делах?

– Пока что нет, но скоро будет. Я ищу подходящего человека.

– Разумеется, не стоит и говорить, как это важно. У почтенного генерала Ван-Сайкла есть значительный опыт в таких делах. На него вполне можно положиться.

Появление генерала Джадсона П. Ван-Сайкла с самого начала придало мероприятию двусмысленность. Старый вояка, которому давно перевалило за пятьдесят, был дивизионным генералом во время Гражданской войны, но прославился тем, что оформлял фиктивные права на недвижимость в Южном Иллинойсе, а затем подавал судебные иски для подкрепления своих мошеннических действий перед лояльными сообщниками. Теперь он был состоятельным посредником, бравшим солидные гонорары за свое посредничество, однако не слишком богатым. К генералу обращались лишь за услугами определенного рода, и возникало невольное сравнение его с бараном, обученным возглавлять стадо перепуганного хора овец, загоняемых на бойню. Он всегда хорошо знал, когда нужно тихо отступить на задний план, спасая свою шкуру. Этот прожженный опытный стряпчий имел бог знает сколько поддельных завещаний, нарушенных обещаний, продажных присяжных заседателей, нечистоплотных судей, подкупленных муниципальных чиновников и законодателей. В его голове вращался целый мир хитроумных юридических подтасовок и фальшивых претензий. По причине полезных услуг, оказанных им в прошлом, среди политиков, адвокатов и судей было принято считать, что он обладает некими могущественными связями. Ему нравилось, когда к нему обращались по любому вопросу, главным образом потому, что это давало ему возможность чем-то заняться и развлекало. Зимой, отправляясь на встречу, он надевал старую, серую, сильно заношенную шинель, нахлобучивал пониже над тускло-серыми глазами бесформенную, облезлую фетровую шляпу и неторопливо выходил на улицу. Летом его одежда выглядела столь помятой, будто он постоянно спал не раздеваясь. Он много курил. Черты лица его имели некоторое сходство с генералом Грантом: короткая седая борода и усы, которые всегда выглядели неухоженными; волосы, свисавшие на лоб спутанными седоватыми прядками. Бедный генерал! Он не был ни счастливым, ни несчастным – Фома неверующий, утративший надежду и веру в человечество и без симпатии относившийся к любому человеку.

– Я расскажу вам, как обстоят дела с этими мелкими муниципалитетами, мистер Каупервуд, – с глубокомысленным видом изрек Ван-Сайкл, после того как с предварительными формальностями было покончено. – Они еще хуже городского совета, хотя и там кажется, что хуже некуда. С этими мелкими прохвостами ничего нельзя поделывать без денег. Не люблю слишком сурово отзываться о людях, но эти парни... – он покачал головой.

– Понимаю, – сказал Каупервуд. – Это не самые приятные люди, даже если вы ставите их на довольствие.

– Большинство из них пренебрегают обязательствами, даже если вы думаете, будто они у вас в кармане, – продолжал генерал. – Они перепродают свои услуги. Им хватит бесстыдства

обратиться в газовую компанию Северной стороны и рассказать о ваших планах, прежде чем вы успеете наладить свой бизнес. Потом они начнут требовать еще больше денег, устроят конкурс на торги и так далее. – Старый генерал изобразил скорбную мину и добавил: – Однако среди них есть кое-какие надежные господа, например мистер Данивэй и мистер Герехт, если вы заинтересуете их.

– Меня не слишком заботит, каким образом это будет сделано, – дружеским тоном заметил Каупервуд. – Но я хочу быть уверен, что это будет сделано быстро и тихо. Мне не нужны особые подробности. Как вы думаете, можно ли это устроить без огласки и сколько это будет стоить?

– Трудно судить, пока я не займусь этим вплотную, – задумчиво сказал генерал. – Это может стоить лишь четыре тысячи, а может и все сорок, если не больше. Мне нужно немного времени, чтобы разобраться.

Пожилой джентльмен явно гадал, сколько денег готов потратить Каупервуд.

– Хорошо, тогда сейчас мы не будем беспокоиться об этом. Я готов проявить необходимую щедрость. Недавно я послал за мистером Сиппенсом, президентом Газотопливной компании Лейк-Вью, он скоро будет здесь. Вам нужно будет с ним поладить.

Энергичный Сиппенс появился через несколько минут, и после согласования оказывать друг другу всевозможную поддержку и скрывать имя Каупервуда во всех вопросах, связанных с этим делом, они с Ван-Сайклом удалились. Они представляли собой странную пару: равнодушный и разочарованный пожилой генерал, однако готовый на некие действия, и бодрый, щеголеватый Сиппенс, намеренный совершить эпический акт возмездия старинному врагу. Через четверть часа они уже были закадычными приятелями, и генерал описывал Сиппенсу беспринципное политическое кредо муниципального советника Данивэя и дружелюбную, но жадную до денег натуру Джейкоба Герехта. Такова жизнь.

Поскольку Каупервуд никогда не складывал все яйца в одну корзину, при организации компании в Гайд-Парке он решил заручиться услугами второго юриста и подставного президента, хотя и предложил сохранить Сиппенса в качестве главного технического консультанта во всех трех или четырех новых компаниях. Он размышлял над этим вопросом, когда на сцене появился человек, который был гораздо моложе пожилого генерала, – некий Кент Берроуз Маккиббен, единственный сын бывшего судьи Верховного суда Маршалла Скэммона Маккиббена. Кент Маккиббен, высокий, атлетически сложенный, обладал своеобразной мужской красотой, ему было тридцать три года. В интеллектуальном смысле, то есть в вопросах ведения своего бизнеса, он отличался жесткостью, но при этом имел аристократически-отстраненный и часто мечтательный вид. У него была контора в одном из лучших кварталов Дирборн-стрит, где каждое утро к девяти часам он впадал в состояние отстраненной задумчивости, если какое-либо важное дело не призывало его в центр города. В данном случае он составил документы о праве собственности и договоры для компании по торговле недвижимостью, которая продала Каупервуду участки на Тридцать Седьмой улице и Мичиган-авеню, и когда они были готовы, отправился в его контору с намерением спросить, есть ли какие-то дополнительные подробности, которые Каупервуд пожелал бы принять во внимание. Его проводили в кабинет, Каупервуд окинул его острым испытующим взглядом, и этот человек ему понравился. Сдержанное следование моде Маккиббена пришлось ему по душе. Ему понравилось, как он одет, его скептическая невозмутимость и светские манеры. Со своей стороны, Маккиббен почувствовал запах власти и богатства. Он отметил светло-коричневый с тонкой красной ниткой деловой костюм Каупервуда, его коричневатый галстук и маленькие овальные запонки в манжетах рубашки. Его покрытый стеклом рабочий стол выглядел внушительно. Панели полированного вишневого дерева, стены украшены хорошими гравюрами в тонких рамках с изображением сцен из американской жизни. Пишущая машинка, редкая еще новинка, стояла на видном месте, а биржевой телеграфный аппарат – еще одно новшество – бойко отстукивал последние котировки.

Секретарша Каупервуда была молоденькой полькой по имени Антуанетта Новак, привлекательная брюнетка, умненькая и с хорошими манерами.

– Какого рода делами вы занимаетесь, мистер Маккиббен? – как бы между прочим поинтересовался Каупервуд. Выслушав Маккиббена, он добавил: – Если желаете, загляните сюда на следующей неделе. Наверняка для вас найдется что-нибудь интересное.

Услышав подобное от другого человека, Маккиббен возмущился бы столь расплывчатым предложением. Но сейчас он был чрезвычайно доволен. Он был впечатлен собеседником, и привычная невозмутимость изменила ему. Когда он явился снова, Каупервуд обозначил его перспективы, и Маккиббен клюнул на его приманку.

– Мне хотелось бы попробовать свои силы в этом деле, мистер Каупервуд, – искренне сказал он. – Я никогда не занимался подобными вещами, но вполне уверен, что справлюсь. У меня имеется летний дом в Гайд-Парке, и я знаком с большинством чиновников из местного совета, думаю, мне удастся использовать свои связи.

Каупервуд любезно улыбнулся.

Так была учреждена вторая компания во главе с подставным советом по выбору Маккиббена. Сиппенс, без ведома старого генерала Ван-Сайкла, получил должность технического консультанта. Затем было подано ходатайство о получении контракта, и Маккиббен приступил к тонкой закулисной возне на Южной стороне, постепенно заручаясь доверием различных муниципальных чиновников.

Вскоре появился и третий юрист, Бартон Стимсон, самый молодой, но не менее способный, чем остальные: бледный темноволосый юноша с горящими глазами, который мог бы исполнять роль Ромео. Каупервуд познакомился с ним, когда он выполнял небольшое дельце для Лафлина. Теперь его привлекли к работе фирмы на Западной стороне во главе со стариком Питером Лафлином и техническим директором Сиппенсом. Однако Стимсон был не мечтательным Ромео, но энергичным и амбициозным молодым человеком из бедной семьи, стремившимся пробиться наверх. Каупервуд знал, что хотя умственное развитие для некоторых людей может привести к краху, но для него самого ум был залогом его успеха. Ему были нужны высокообразованные подданные. Он был готов щедро платить им, стимулировать их энтузиазм и обходиться с ними с великосветской учтивостью в обмен на абсолютную преданность ему и его делу. И хотя Стимсон сохранял достоинство и выдержку в любых ситуациях, он был готов преклоняться перед своим хозяином. Такова природа человеческих отношений.

Итак, на Северной, Южной и Западной сторонах одновременно началось необычное оживление: конфиденциальные встречи, негласные переговоры и тайные соглашения. В Лейк-Вью старый генерал Ван-Сайкл и де Сото Сиппенс, совещаясь с пронырливым аптекарем и по совместительству муниципальным советником Данивзеем и владельцем скотобойни, оптовым мясоторговцем Джейкобом Герехтом, любезными, но требовательными господами, вели дружеские беседы в аптеке или складской конторе, где красочно расписывали будущие доходы. В Гайд-Парке мистер Кент Берроуз Маккиббен, элегантный, с иголочки, господин, а также некий Дж. Дж. Бергдолл, длинноволосый, с виду невзрачный наймит благородных кровей, подставной президент Газовой и топливной компании Лейк-Вью, совещались с членом муниципального совета Альфредом Б. Дэвисом, хозяином фабрики плетеных и ротанговых изделий, и владельцем салона Патриком Гилганом, планируя распределение земельных участков, услуг, капитала между акционерами, наличные выплаты и так далее. Между тем в поселке Дуглас и Вест-Парке на Западной стороне чудаковатый и насмешливый Питер Лафлин проворачивал подобные сделки с Бартом Стимсоном.

Противник – три городские газовые компании – оказался не готов к происходящему. В конце концов, когда новости о ходатайстве на получение контрактов, поданном в несколько пригородных муниципалитетов, просочились наружу, каждая из компаний заподозрила остальные в измене, грабеже и посягательстве на чужую территорию. Каждая компания

отправила своих доверенных адвокатов в пригородные поселковые советы, но никто еще не имел ни малейшего представления, кто заправляет всей операцией. До того, как кто-то из них успел подать протест, или заявить о своей готовности заплатить больше, или начать адвокатскую возню, муниципалитеты уже удовлетворили ходатайства новых компаний. Каждый случай рассматривался в открытых слушаниях в один тур голосования, решения были приняты почти единогласно. Мелкие пригородные газеты, не получившие «компенсаций», выразили недоумение и даже разразились громкими воплями. Впрочем, крупные городские газеты отделались замечаниями, что поселковые советы достойно начинают свой путь, следуя по стопам городского совета в своей продажности и беспринципности.

Каупервуд улыбался, когда читал в утренних газетах отчеты о постановлениях, дававших ему право на контракты. В дальнейшем он с удовольствием выслушивал доклады Лафлина, Сиппенса, Маккиббена и Ван-Сайкла о прошупывании почвы и тайных попытках выкупить доли или завладеть полученными контрактами. Вместе с Сиппенсом он разрабатывал планы строительства. Теперь предстояло выпустить облигации для рыночной капитализации компаний, заключить контракты на поставку оборудования, построить газохранилища, проложить газопроводы. Нужно было успокоить общественное мнение, взвинченное газетными публикациями. В этом де Сото Сиппенс показал себя настоящим мастером. Ван-Сайкл, Маккиббен и Стимсон были его советниками в разных районах, он же представлял Каупервуду краткие доклады, получая в ответ одобрительный кивок или решительное «нет». Затем Сиппенс начинал покупать, строить и рыть котлованы. Каупервуд был очень доволен, что решил оставить де Сото Сиппенса при себе на будущее. Со своей стороны, Сиппенс утешался приятной мыслью, что получил шанс покончить по старым счетам и заниматься крупными проектами. Он был по-настоящему благодарен за это.

– Мы еще не покончили с этими мошенниками, – с торжествующим видом однажды заявил он Каупервуду. – Они будут сражаться с нами в судах. Они даже могут объединить усилия. Они взорвали мой газгольдер; то же самое может произойти и с нами.

– Пусть попробуют, – сказал Каупервуд. – Мы тоже умеем взрывать и судиться. Мне нравятся судебные иски. Мы свяжем их по рукам и ногам, они еще будут умолять о пощаде.

Его глаза довольно блеснули.

Глава 9

В поиске победы

Между тем светские дела Эйлин понемногу налаживались. Хотя было очевидно, что они не будут сразу же приняты в высшем обществе, да этого никто и не ожидал, также было ясно, что их нельзя полностью игнорировать. Нескрываемые теплые чувства Каупервуда к его жене во многом обеспечивали гармоничную атмосферу в его фирме. Хотя многие считали Эйлин самоуверенной и грубоватой особой, но рядом с таким выдающимся господином, как Каупервуд, она вполне могла измениться. Такого мнения придерживались миссис Эддисон и миссис Рэмбо. Маккиббен и Лорд относились к ней так же. Если Каупервуд любил ее, а в этом никто не сомневался, то он должен был успешно обучить ее. И он действительно любил ее, хотя и на свой манер. Он помнил, как жертвенно она относилась к нему в былые времена. Прекрасно зная его обстоятельства, преодолевая возмущение своей семьи, она отбросила все условности ради их любви. В ней не было никакой капризности, претензий и мелочных придирок. Он с самого начала был «ее Фрэнком», и он до сих пор остро чувствовал ее стремление быть рядом с ним и принадлежать ему, помогавшее выжить в эти ужасные и прекрасные дни. Она могла ссориться с ним, спорить, подозревать его в заигрывании с другими женщинами, но легкие увлечения, по ее словам, не встревожили бы ее. По ее словам, она была готова простить ему что угодно, если только он будет любить ее. В сущности, и оснований для подозрений он не давал...

– Ты просто дьявол, – шуточно обращалась она к нему. – Я же тебя знаю! Я вижу, как ты стреляешь глазами по сторонам. Полагаю, это из-за той хорошенькой стенографистки, которую ты держишь в своей конторе.

– Не глупи, Эйлин, – отвечал он. – И не надо быть такой грубой. Ты прекрасно знаешь, что я не буду заводить шашни со стенографисткой. Контора – не место для подобных вещей.

– Ах, вот как! Не считай меня дурочкой; я тебя знаю. Тебе сойдет любое укромное местечко!

Тогда он смеялся, и Эйлин смеялась вместе с ним. Она ничего не могла с собой поделать, потому что любила его. В ее нападках не было никакой злости. После таких разговоров он обнимал ее, нежно целуя и приговаривая: «Ты моя милая крошка! Ты моя рыжеволосая куколка! Ты действительно сильно любишь меня? Тогда поцелуй меня!» Ими владела почти первобытная страсть. Пока дела и жизненные обстоятельства не отдалили их друг от друга, он не мог себе и представить более восхитительных отношений с другим человеческим существом. Между ними не было пресыщенности, грозившей перерасти в отвращение. Она всегда была ему желанной. Он мог быть с ней искренним, нежным, поддразнивать ее, не боясь в ответ встретить чопорность или ханжество. Какой бы влюбленной и глуповатой она ни была в некоторых отношениях, она всегда принимала критическое замечание и не отвергала небольшое наставление. Ее интуиция порой подсказывала дельные предложения, полезные им обоим. Больше всего их мысли были заняты новым домом, подряд на строительство которого уже был оформлен, и заботами о расширении светского круга знакомств и упрочении своего положения. Эйлин думала, что жизнь еще никогда не представляла перед ней в таком радужном цвете. Иногда все выглядело слишком прекрасным, чтобы оказаться правдой. Ее Фрэнк был таким любящим и очаровательным, таким щедрым! У нее не было ни малейших подозрений на его счет. Путь даже он иногда поглядывает на других – что с того? В душе он ей предан, и еще не было случая, чтобы он изменил ей. Хотя ей было кое-что известно из его прежней жизни, она не представляла, как он мог бы лгать ей. Она была уверена, что он любил ее и до сих пор не изменял этому чувству.

Каупервуд вложил около ста тысяч долларов в газовые компании и был уверен в обеспечении своего будущего: концессии были выданы на двадцать лет. К тому времени ему будет около шестидесяти, и он, возможно, выкупит свои активы, объединит их или выгодно продаст. Будущее Чикаго складывалось в его пользу. Он решил приобрести картин тысяч на тридцать долларов, если найдет подходящие, и заказать портрет Эйлин, пока она в расцвете своей красоты. Произведения искусства снова стали предметом его страстного увлечения. У Эддисона было четыре или пять хороших картин – Руссо, Грёз, Вауэрман и один Лоуренс, – собранных бог весть откуда. Говорили, что у владельца отеля, торговца недвижимостью и мануфактурой по фамилии Коллард есть поразительная коллекция. По словам Эддисона, король торговли скобяными товарами Дэвис Траск был страстным коллекционером. Каупервуд знал о многих богатых домах, где начинали коллекционировать живопись. Значит, и ему пора этим заняться.

После оформления концессий Каупервуд посадил Сиппенса в собственной конторе и на время передал ему бразды правления. Небольшие арендованные конторы с клерками появились в тех районах, где развернулось строительство газовых предприятий. Старые компании подали всевозможные иски с требованием запретить, отозвать или ограничить концессии, но Маккиббен, Стимсон и генерал Ван-Сайкл сражались с ними с доблестью и упоением троянцев. Это было во всех отношениях интересное зрелище. Пока еще никто по-настоящему не знал о наступлении Каупервуда в Чикаго. Его считали незначительной фигурой. Его имя даже не упоминалось в связи с этой деятельностью. Других людей ежедневно прославляли и восхваляли, что вызывало у него некоторую зависть. Когда же взойдет его звезда? Безусловно, скоро. Поэтому в июне они отправились в свое первое заграничное путешествие – радостные, богатые, бодрые и жизнерадостные, твердо намеренные сполна получить удовольствие от поездки.

Это было замечательное путешествие. Эддисон был чрезвычайно любезен: телеграфировал в Нью-Йорк и распорядился доставить цветы для миссис Каупервуд, когда она поднимется на борт. Маккиббен прислал путеводители. Каупервуд, не рассчитывавший, что кто-то пришлет цветы, сам заказал две великолепные корзины, которые вдобавок к корзине Эддисона, вместе с прикрепленными карточками, ожидали их в вестибюле на главной палубе. Несколько важных лиц, сидевших за капитанским столом, сами подошли к Каупервуду. Они получили приглашения на вечеринки с карточными играми и на закрытые концерты. Однако плавание выдалось бурным, и Эйлин страдала от морской болезни. Ей было трудно показать себя с лучшей стороны, поэтому она лишь изредка выходила из каюты. Она держалась очень надменно и отстраненно со всеми, кроме немногих, кто прислушивался к ней и не возражал. Она начала чувствовать себя важной особой.

Еще до отъезда она скупилась чуть ли не все, что имелось в заведении Терезы Донован в Чикаго. Нижнее белье, ночные пижамы, костюмы для прогулок, костюмы для выезда, вечерние туалеты – всего этого у нее было в изобилии. При себе она имела шкатулку с драгоценностями на сумму не менее тридцати тысяч долларов. Ее туфли, чулки, шляпы и прочие дамские штучки не поддавались подсчету, и это давало Каупервуду основание гордиться ею. Она обладала способностью жить на широкую ногу. Его первая жена была бледной и слабой, в то время как Эйлин буквально лучилась жизненной энергией. Она напевала, прихорашивалась, дурачилась. Некоторые люди чужды самоанализу или размышлению о прошлом. Земля с ее долгой историей для Эйлин была лишь ориентиром, смутным представлением. Возможно, она слышала о существовании динозавров и летающих рептилий, но это не произвело на нее глубокого впечатления. Кто-то сказал или продолжал утверждать, будто люди происходят от обезьян, что было полным абсурдом, хотя и могло оказаться правдой. Зеленоватые громады волн, грохочущие в открытом море, подразумевали некую бесконечность и ужас, но это не имело ничего общего с той бесконечностью, которая существует в сердце поэта. Корабль был надежным и безопасным – сам капитан в голубом мундире с блестящими пуговицами говорил ей об

этом за столом, и она безоговорочно верила ему. Кроме того, рядом с ней постоянно находился Каупервуд, молча и зорко наблюдавший зрелище океанской стихии.

В Лондоне рекомендательные письма Эддисона принесли несколько приглашений в оперу, на званый ужин, на уик-энд в Гудвуде и так далее. Коляски, кебы и фаэтоны всегда находились в их распоряжении. В конце недели они получили приглашение на экскурсию по Темзе в плавучем домике. Хозяева, англичане, рассматривавшие свое приобретение как дорогую игрушку и благоразумное вложение капитала, были вежливы и любезны. Эйлин проявляла неустанный любопытство. Она обращала внимание на слуг, их манеры и ливреи. Вскоре она начала думать, что Америка далеко не так хороша, как ей казалось раньше, там не хватало многих вещей.

– Эйлин, мы с тобой собираемся жить в Чикаго всегда, – увещевал ее Каупервуд. – Не сходи с ума. Разве ты не видишь, что эти люди равнодушны к американцам? Если бы мы решили поселиться здесь, то они бы не приняли нас – во всяком случае, не сразу. Мы всего лишь проезжие иностранцы, которых развлекают из вежливости.

Каупервуд все это видел и хорошо понимал. Эйлин вела себя как избалованный ребенок, но с этим ничего нельзя было поделать. Она одевалась и переодевалась. Англичане глазели на нее в Гайд-парке, где она ездила верхом и управляла экипажем, в гостинице «Кларидж», где они остановились, и на Бонд-стрит, где она совершала покупки. Англичанки, сдержанные, консервативные, многие с невзыскательным вкусом, возводили очи горе. Каупервуд слегка смущался, но не вмешивался. Он любил Эйлин, гордился ее красотой, по крайней мере сейчас. Если он мог обеспечить ей более или менее достойное положение в чикагском обществе, для начала этого было достаточно. После трех недель бурного интереса ко всем достопримечательностям Лондона, которым Эйлин отдала должное, они отправились в Париж.

Здесь Эйлин загорелась ребяческим восторгом.

– Ты знаешь, – с серьезным видом обратилась она к Каупервуду на другое утро по приезде, – англичане совершенно не умеют одеваться. Я думала, что они умеют, но там даже самые большие модники копируют французов. Взять, к примеру, тех людей, что мы видели вчера вечером в Café d'Anglais. Я не видела ни одного англичанина, который мог бы сравниться с ними.

– Дорогая, у тебя экзотические вкусы, – отозвался Каупервуд, завязывая галстук и с живым интересом наблюдая за ней. – Все французские модники и модницы расфуфырены в пух и прах. Думаю, некоторые из молодых парней носят корсеты.

– И что с того? – воскликнула Эйлин. – Мне это нравится. Если ты хочешь быть модным, почему бы не быть очень модным?

– Мне известна эта твоя теория, дорогая, – сказал он. – Но в любом деле можно перегнуть палку. Существует такая вещь, как излишества. Тебе приходится идти на компромиссы, даже если ты не выглядишь так блистательно, как могла бы. Нельзя слишком вызывающе отличаться от других, даже в правильную сторону.

– Знаешь что? – она остановилась и посмотрела на него. – Я думаю, что со временем ты станешь очень консервативным, прямо как мои братья.

Она подошла ближе и поправила его галстук, потом пригладила ему волосы.

– Что же, один из нас должен стать таким для блага семьи, – с полуулыбкой заметил он.

– Впрочем, я не так уверена, что это будешь ты.

– Сегодня прекрасный день. Смотри, как красиво смотрятся эти мраморные статуи. Куда мы отправимся – в Клюни, в Версаль или в Фонтенбло? Сегодня вечером мы собираемся посмотреть на Сару Бернар.

Эйлин была на седьмом небе от счастья. Так прекрасно было наконец отправиться в путешествие с настоящим мужем!

В этой поездке у Каупервуда вновь проснулся страстный интерес к настоящим произведениям искусства и решимость завладеть ими. Он познакомился с известными маршанами и галеристами в Лондоне, Париже и Брюсселе. Его представление о великих мастерах и старых школах живописи значительно расширилось. От одного из лондонских галеристов, который сразу распознал в нем вероятного покупателя, он получил приглашение посетить вместе с Эйлин некоторые частные коллекции. Он познакомился с лордом Лейтоном, Данте Габриэлем Россетти и Уистлером, которым его представили как «заинтересованного иностранца». Эти люди видели перед собой только самоуверенного, воспитанного человека, далекого от новомодных течений. Каупервуд видел в них лишь самовлюбленность художника. Он понимал, что у него мало общего с такими людьми, но есть взаимные интересы. Он не мог быть раболепным почитателем – лишь благосклонным покровителем. Он ходил и смотрел, предвкушая воплощение своих мечтаний о величии. В Лондоне он приобрел портрет Реберна, в Париже – крестьянскую сцену работы Милле, миниатюру Яна Стена, батальное полотно Месонье и пейзаж романтического дворика кисти Изабе. Так началось расширение его познаний о живописи, и появилась основа будущей коллекции, которая стала столь важной для него в последующие годы.

После возвращения в Америку Эйлин и Каупервуд увлеклись строительством нового особняка. Во Франции им понравился один замок, архитектура которого, или скорее ее модификация в оформлении Тейлора Лорда, была принята за основу. По расчетам мистера Лорда, строительство должно было продлиться год, а то и полтора, чтобы получить идеальный результат, но время в данном случае не имело большого значения. Тем временем они старались занять свое место в обществе и подготовиться к тому знаменательному дню, когда войдут в круг чикагской элиты.

В то время чикагское высшее общество представляло собой довольно-таки пестрое собрание. Те, кто внезапно обрел богатство, поднявшись из глубокой нищеты, не могли легко забыть сельские церкви и отказаться от провинциальных привычек. Те, кто унаследовал богатство или приехал из восточных штатов, где богатство имело старинное происхождение, лучше понимали правила светских игр. И наконец, дети нуворишей, которые, наблюдая тяготение американской жизни к роскоши, преисполнялись желанием стать причастными к этому блеску. Они только начинали мечтать о танцах у Кинсли, зимних ярмарках на немецкий манер и летних развлечениях в европейском стиле, но все оказывались в стороне. Первая группа, несмотря на невежество и тупость, имела могущественное влияние, поскольку богатство считается высшим мерилем власти. Приемы, устраиваемые этими людьми, были смешны для остальных; они устраивали эти приемы в будние дни и наносили клоунские вечерние визиты по воскресеньям. Цель заключалась лишь в том, чтобы на людей посмотреть и себя показать. Любые новшества в мыслях или поступках решительно исключались. По сути, это были недалекие мысли и мелкие поступки, квинтэссенция консерватизма. К примеру, пригласить «актрису», как это иногда делалось в восточных штатах или в Лондоне, было немыслимо; даже на певицу или художника смотрели косо. Но если бы европейский принц добрался до Чикаго (чего никогда не бывало) или если бы богач с Востока случайно остановился в городе на пару дней, ожидая пересадки на поезд, то представители высшего круга готовы были лезть из кожи вон ради встречи с ним. Каупервуд ощущал это по прибытии в Чикаго, но он тешил себя надеждой, что если он станет достаточно богатым и могущественным, то они с Эйлин, вкупе с их прекрасным домом, вполне могут стать той закваской, на которой поднимется это пресное тесто. К сожалению, Эйлин всегда слишком явно находилась *qui vivre*⁶ к тем возможностям, которые могли привести к общественному признанию и равенству со светскими особами, если не к превосходству над ними. Подобно дикарке, не подготовленной к защите и отданной на милость пугающим

⁶ *Qui vivre* (лат.) – начеку (букв. «кто идет?»), оклик часового). – Примеч. пер.

капризам погоды, она едва не трепетала при мысли о возможной неудаче. Она понимала, что по своей натуре не склонна к сближению с определенными представительницами светского общества. Жена галантерейщика Энсона Меррилла, с которой она повстречалась в одном из центральных магазинов, поразила ее своей холодностью и отстраненностью. Миссис Меррилл была женщиной тонкого душевного склада, образованной, которой, по ее словам, было нелегко найти достойную приятельницу в Чикаго. Она была уроженкой Восточных штатов, воспитана в Бостоне и не понаслышке знала о великосветских традициях Лондона, который она несколько раз посещала. Чикаго был для нее отвратительной коммерческой дырой. Она предпочитала Нью-Йорк или Вашингтон, но была вынуждена жить здесь. Поэтому она свысока относилась практически ко всем, с кем снисходила до обычного знакомства, слегка кивая при встрече, глядя с прищуром или изогнув тонкую бровь, демонстрируя презрение к банальности происходящего.

Эйлин слышала о миссис Меррилл от миссис Хаддлстоун, жены владельца мыловаренного завода, жившего по соседству с временным домом Каупервудов; они с мужем находились на периферии светского общества. Миссис Хаддлстоун узнала, что Каупервуды были состоятельными людьми, поддерживали дружеские отношения с Эддисонами и строили особняк стоимостью в двести тысяч долларов – слухи всегда увеличивают стоимость недвижимости. Этого было достаточно. По-соседски она нанесла визит, не пользуясь выездом, и оставила визитную карточку. Эйлин же, готовая распространить свое влияние повсюду, сразу же ответила. Миссис Хаддлстоун была миниатюрной женщиной, по-своему умной и очень практичной.

– Кстати, о миссис Меррилл, – заметила миссис Хаддлстоун в тот самый день. – Вон она, возле кассы в отделе платьев. Она всегда носит свой лорнет именно таким образом.

– Вы знакомы? – с любопытством спросила Эйлин, поглядывая на даму.

– Нет, – с достоинством ответила миссис Хаддлстоун. – Они живут на Северной стороне, а разные круги не пересекаются настолько сильно.

Привилегия главных семей Чикаго заключалась в том, что они стояли выше условного разделения на «стороны» и могли выбирать себе компаньонов для общения отовсюду.

– Ах, вот как! – с деланой небрежностью воскликнула Эйлин. Втайне она испытывала раздражение при мысли, что миссис Хаддлстоун сочла необходимым указать ей на миссис Меррилл как на вышестоящую особу.

– Думаю, она подкрашивает брови, чтобы они выглядели потемнее, – продолжала миссис Хаддлстоун, завистливо поглядывая на миссис Меррилл. – Говорят, что ее муж – далеко не самый верный мужчина на свете. Есть другая женщина, миссис Глэдденс, которая живет совсем рядом с ними и которой он очень интересуется.

– Надо же, – осторожно сказала Эйлин. После своего опыта в Филадельфии она решила быть начеку и не слишком увлекаться сплетнями. Стрелы такого рода с легкостью могли полететь в ее собственную сторону.

– Но она, безусловно, принадлежит к самому фешенебельному обществу, – признала спутница Эйлин.

С тех пор у Эйлин появилось честолюбивое стремление так сблизиться с миссис Меррилл, чтобы оказаться безоговорочно принятой в ее общество. Она не знала, хотя и опасалась этого, что ее мечтам не суждено было сбыться.

Но были и другие люди, наносившие визиты в первый дом Каупервуда или завязавшие знакомство с этой семейной парой. Во-первых, супружеская чета Сандерленд Слэдд. Мистер Слэдд был руководителем транспортной конторы одной из железных дорог, входивших в город с юго-западного направления, культурным джентльменом, довольно состоятельным и с определенным чувством вкуса. Его жена была честолюбивым ничтожеством. Уолтер Райам Коттон был оптовым поставщиком кофе, но в свободное время бытописателем местных нравов, а его супруга была выпускницей Вассарского колледжа. Была также чета Симмсов. Сам Норри

Симмс был секретарем и казначеем Трастовой и сберегательной компании Дугласа и влиятельной фигурой в другой финансовой группе, не имевшей ничего общего с Эддисоном и Рэмбо.

В число других входили Станислас Хокман, богатый торговец пушниной, Дуэйн Кингсленд, оптовый торговец мукой, и ювелир Брэдфорд Кэндс. Все эти люди кое-что значили в высшем обществе. Все они имели просторные особняки и значительный доход, поэтому с ними следовало считаться. Разница между Эйлин и большинством женщин сводилась к различию между натурализмом и копией, но это требует некоторого объяснения.

Для истинного понимания женского ума в то время нужно вернуться в Средневековье, когда безраздельно властвовала церковь, а трудолюбивый поэт, едва знакомый с реальной жизнью, окружал женщин мистическим ореолом. С тех пор и юные девы, и дамы привыкли к мысли, что они созданы из иного теста, чем мужчины, что мужчины должны боготворить женщин и считать их услуги поистине бесценными. Розовый флер романтики, не имевший ничего общего с пониманием личной добродетели, тем не менее обеспечил некоторым женщинам право считать себя выше мужчин и даже других женщин. Обстановка, в которой оказалась Эйлин, отчасти была продиктована этой иллюзией. Дамы, которым она была представлена, пребывали в возвышенном мире своих фантазий. Они считали себя совершенными, почти святыми, сошедшими с полотен мастеров, или безупречными героинями романов. Их мужья должны были служить образцом, достойным их высоких идеалов, а другие женщины не имели права на малейшие проступки, порочившие их репутацию. Эйлин в своей живой и непосредственной манере могла бы посмеяться над ними, если бы понимала, в чем тут дело. Лишенная этого понимания, в присутствии этих женщин она чувствовала себя робко и неуверенно.

Хорошим примером в этой связи была миссис Симмс, страстная поклонница миссис Меррилл. Получить приглашение на ленч, чай или ужин с супругами Меррилл было большой удачей для миссис Симмс. Она любила повторять остроты своего кумира, рассуждать о ее необыкновенной образованности и рассказывать, как людям трудно поверить, что она является женой Энсона Меррилла. Все эти избитые светские приемы существовали с допотопных времен. Сама миссис Симмс – довольно-таки невзрачная карьеристка, однако хитренькая, хорошенькая, с манерами. Двоих детей Симмсов, маленьких девочек, обучали всем необходимым в обществе правилам: как встать, как сесть, как улыбаться, как сделать реверанс и тому подобное, к всеобщему восторгу старших членов семьи. Главная нянька была наряжена в униформу, а гувернантка была наглухо закрыта платьем. Миссис Симмс обладала хорошими манерами только для тех, кто был выше ее по положению, и с презрением относилась ко всем остальным, среди которых приходилось существовать.

Впервые принимая Каупервудов на ужин, миссис Симмс попыталась копнуть в филадельфийском прошлом Эйлин и осведомилась, знакома ли она с Артуром Лейфом, Тревором Дрейком, Робертой Уиллинг или Мартином Уолкерсом. Миссис Симмс не знала всех этих господ лично, но слышала о них от миссис Меррилл, этого было достаточно, чтобы упомянуть их имена. Эйлин, насторожилась, готовая мужественно вынести удар, и заверила хозяйку дома в знакомстве с ними, хотя и шапочном, что было совершенной правдой и случилось еще до ее связи с Каупервудом. Это весьма порадовало миссис Симмс.

– Я должна рассказать Нелли, – сказала она фамильярно, намекая на близость с миссис Меррилл.

Эйлин опасалась, что если подобные расспросы будут продолжаться, то скоро во всем городе станет известно, что она была любовницей, прежде чем стать женой, что она послужила причиной развода и что Каупервуд отбыл срок в тюрьме. Спасением могли послужить лишь его богатство и ее красота, но хватит ли этого?

Однажды вечером они отправились на званый ужин к Дуэину Кингсленду, и миссис Брэдфорд с многозначительным видом спросила Эйлин, встречалась ли она когда-либо с ее подругой, миссис Шайлер Эванс из Филадельфии. Это напугало Эйлин.

– Как ты думаешь, некоторые из них могут знать о нас? – спросила она Каупервуда по дороге домой.

– Полагаю, что да, – задумчиво ответил он. – Точно не знаю, но на твоём месте я не стал бы слишком беспокоиться об этом. Если тебя это тревожит, можешь им кое-что сказать. Я не делал секрета из моего тюремного срока в Филадельфии и не намерен хранить это в тайне. Это было несправедливо, и они не имели права так поступать со мной.

– Знаю, мой милый, – сказала Эйлин. – И не вижу большой разницы, даже если бы они узнали об этом. Я уверена, что мы не единственные, кто испытывал трудности с заключением брака.

– Здесь есть одно из двух: либо они принимают нас, либо нет. Если нет, прекрасно, мы ничего не можем поделать. Мы будем двигаться дальше и построим наш дом, а потом дадим им шанс показать себя достойными людьми. Если они окажутся недостойными, здесь есть другие города. Не сомневайся, деньги могут решить проблемы даже в Нью-Йорке. Мы сможем построить там настоящий дворец и быть на равных с остальными, если у нас будет достаточно денег. А их будет достаточно, – добавил он после секундного раздумья. – Ничего не бойся. Я заработаю здесь миллионы, хотят они того или нет, а потом посмотрим, что будет. Не волнуйся. Мало неприятностей в этом мире, которые нельзя уладить с помощью денег.

Он плотно сжал зубы и слегка выпятил челюсть, что всегда выдавало его решимость действовать. Он взял Эйлин за руку и нежно сжал ее.

– Не волнуйся, – повторил он. – Чикаго не единственный город на свете, и через десять лет мы не будем бедняками в Америке. Просто будь храброй, и все обязательно устроится.

Эйлин смотрела на освещенную уличными фонарями Мичиган-авеню, пока они проезжали мимо ряда неосвещенных особняков. Колпаки фонарей сияли белизной, и свет их в темноте сужался тонкой линейкой. Наступила темнота, но воздух был свежим и приятным. О, если бы только деньги Фрэнка могли купить им положение в обществе и дружбу в этом чарующем мире; если бы только это могло случиться! Она не вполне сознавала, до какой степени эта борьба зависит от ее собственной силы или слабости.

Глава 10

Испытание

Новоселье в доме на Мичиган-авеню состоялось в конце ноября 1878 года. К тому времени Эйлин и Каупервуд провели в Чикаго около двух лет. Они познакомились с людьми на скачках, на званых ужинах и чайных церемониях, на приемах в клубах «Юнион» и «Калюмет», где Каупервуд получил клубную карту при поддержке Эддисона, и теперь могли разослать приглашения примерно для трехсот гостей, двести пятьдесят из которых обещали прийти. О теперешних делах Каупервуда мало было что известно, не было никаких слухов о его прошлом, как и особого интереса к нему. У него были деньги, он был обаятельным человеком с приятными манерами. Предприниматели Чикаго, с которыми он встречался в светской обстановке, были склонны считать его интересным и весьма умным человеком. Эйлин слыла красавицей, благосклонно откликалась на внимание к себе, но высший свет по-прежнему не принимал их.

Поразительно, какое впечатление может произвести далеко не самый известный человек, проявляя деликатность и разборчивость. В Чикаго существовала неплохая еженедельная газета светской хроники, которую Каупервуд с помощью Маккиббена поставил себе на службу. Мало что можно сделать в любых обстоятельствах, не имея интереса к себе, но при наличии внешней респектабельности, значительного состояния и непреклонной воли все становится возможным. Кент Маккиббен имел знакомство с редактором Нортон Биггерсом, довольно унылым и разочарованным в жизни человеком сорока пяти лет, седым и опустившимся. В те дни редактор газеты светской хроники считался членом приличного общества, и его воспринимали скорее как гостя, нежели как репортера, хотя уже тогда существовало некоторое недовольство газетчиками.

– Вы знаете Каупервудов, не так ли, Биггерс? – спросил Маккиббен однажды вечером.

– Нет, – ответил Биггерс, который, памятуя о своей выгоде, уделял особое внимание только членам высшего общества. – Кто они такие?

– Он банкир, его контора находится рядом, на Ласаль-стрит. Они из Филадельфии. Миссис Каупервуд очаровательная женщина, молодая и все такое. Они строят дом на Мичиган-авеню. Вам не мешало бы познакомиться с ними. Они уже обзавелись влиятельными знакомыми, Эддисоны принимают их у себя. Думаю, если вы хорошо отзоветесь о них, они это заметят и оценят. Он довольно щедрый человек и вообще хороший парень.

Биггерс наострил уши. Светская журналистика в лучшем случае позволяла зарабатывать на хлеб с маслом, и у него было очень мало способов честно выручить несколько лишних долларов. Многообещающие предприниматели и те, кто находился на пороге светского общества, должны были выложить щедрую сумму за подписку на его газету, если ожидали услышать что-то хорошее и приятное о себе. Вскоре после этой беседы Каупервуд получил подписной бланк из делового отдела «Сатедей Ревью» и немедленно отослал чек на сто долларов лично мистеру Хортону Биггерсу. Впоследствии некоторые кое-какие персоны отметили, что, когда Каупервудов приглашают на званый ужин, это мероприятие сопровождается комментарием в «Сатедей Ревью»; в других случаях ничего подобного не происходило. Судя по всему, Каупервуды были удостоены особого отношения, но почему и кто они такие?

Опасность публичности и даже умеренного успеха в обществе заключается в том, что роскошный образ жизни притягивает скандалы. Когда вы начинаете выделяться, когда ваша жизнь становится особенной, толпы любопытных желают знать, кто вы такой и почему отличаетесь от остальных. Воодушевленность Эйлин в сочетании с финансовым гением Каупервуда превратила новоселье в их новом доме в незаурядное событие, но, учитывая их особые обстоятельства, это было опасным делом. Общественная жизнь Чикаго до сих пор протекала спо-

койно. Здешние мероприятия, как уже упоминалось, были приличными и старомодными. Устроить нечто поистине феерическое было рискованно. Даже если вы не были приглашены, вы волей-неволей были наслышаны о происходящем, и пересуды становились неизбежны. Торжества начались приемом в четыре часа пополудни, который продолжался до половины седьмого, а в девять часов состоялись танцы под музыку знаменитого струнного оркестра Чикаго, сопровождаемые музыкальной программой с выступлением известных артистов. С одиннадцати вечера начался роскошный обед среди китайских фонариков за небольшими столиками, расставленными в трех залах на первом этаже; он продолжался до часа ночи. Дополнительный эффект празднеству придавали развешанные Каупервудом картины, приобретенные за границей, особенно одна из них работы Жерома, который тогда находился в зените своей славы, на которой были изображены обнаженные одалиски, отдыхающие у выложенного пестрой мозаикой бассейна в восточном гареме. Это было довольно-таки фривольное для чикагцев художественное полотно, шокирующее непосвященных, хотя и безобидное для знатоков. Картина была ярким штрихом всей экспозиции. Здесь был также недавно доставленный портрет Эйлин кисти Яна Ван Бирса, голландского художника, с которым они познакомились предыдущим летом в Брюсселе. Он написал этот портрет за девять сеансов позирования. Это был великолепный холст, выдержанный в светлых тонах, с летним пейзажем на заднем плане: пруд с низким каменным бортиком, красный угол голландского кирпичного шале, клумба с тюльпанами и голубое небо с кудрявыми облачками. Эйлин сидела на изогнутом поручне каменной скамьи, ноги ее касались зеленой травы, в руках модель небрежно держала бело-розовый солнечный зонтик с кружевной каймой. Ее сильная цветущая фигура была облачена по последней парижской моде: шелковый костюм для прогулок в бело-голубую полоску, соломенная шляпка с бело-голубой лентой и широкими полями, затенявшими живой, страстный блеск ее глаз. Художник довольно точно уловил ее дух: напористость, самонадеянность и вызов, основанный на неопытности, отсутствие подлинной утонченности. Портрет выглядел, пожалуй, чересчур эффектно, как и все остальное, что было связано с ней, и исподволь возбуждал зависть тех, кто не был так щедро одарен от природы. Тем не менее это было замечательное жанровое полотно. На картине в теплом свете газовых рожков Эйлин выглядела особенно хорошо – праздная, высокомерная, балованная, холимая и лелеемая Красавица. Многие останавливались, смотрели на картину и, шепотом и вслух, обменивались впечатлениями.

День начался с суетливой неуверенности и беспокойных предчувствий Эйлин. По предложению Каупервуда она наняла помощницу по вопросам этикета, худосочную девушку, которая рассылала пригласительные письма, подшивала ответы, выполняла поручения и следила за массой мелочей. Французская горничная Фадетта мучилась с подготовкой двух туалетов, которые должны были появиться уже сегодня: один к двум часам дня, а другой между шестью и восемью часами вечера. Ее восклицания «mon Dieu!» и «par bleu!» раздавались постоянно, пока она искала какую-нибудь деталь туалета, полировала украшение, пряжку или заклепку. Борьба Эйлин за совершенство, как всегда, была непреклонной. Ее раздумья о подходящей нижней юбке были не менее изматывающими, чем труд землекопа. Ее портрет, висевший на восточной стене, служил образцом для подражания; она чувствовала себя так, как будто весь свет будет судачить только о ней. Лучшая местная портниха Тереза Донован дала некоторые советы, но Эйлин остановилась на замечательном темно-коричневом платье из Парижа, ибо оно превосходно демонстрировало красоту ее рук и шеи и очаровательно гармонировало с ее кожей и волосами. Она примерила аметистовые сережки, но поменяла их на топазовые. Ее ноги были обтянуты коричневыми чулками и обуты в коричневые туфли-лодочки с красными эмалевыми пряжками.

Беда Эйлин состояла в том, что она не занималась этими вещами с легкостью, которая служит признаком уверенности в себе. Она не столько возвышалась над ситуацией, сколько позволяла ситуации господствовать над собой. Иногда ее спасала лишь превосходная непри-

нужденность и элегантность Каупервуда. Когда он находился поблизости, она ощущала себя великосветской дамой, вхожей в любое общество. Когда она оставалась одна, ее мужество исчезало, и она готова была покинуть поле боя. Мысли о прошлом никогда по-настоящему не покидали ее.

В четыре часа Кент Маккиббен, подтянутый и щеголеватый в своем вечернем сюртуке, с одного взгляда оценивший усилия, потраченные на представление, занял место в приемной, где поговорил с Тейлором Лордом, который завершил последний осмотр и теперь собирался уехать, чтобы вернуться вечером. Если бы эти двое были близкими друзьями, они бы напрямую обсудили светские перспективы Каупервудов и ограничились вялыми формальностями. В этот момент появилась сияющая Эйлин, ненадолго спустившаяся вниз. Кент Маккиббен подумал, что еще никогда не видел ее столь прекрасной. По сравнению с некоторыми надменными особами, вращавшимися в высших кругах, – худосочными, нестигаемыми, расчетливыми, извлекавшими выгоду из своего устойчивого положения, – она была восхитительна. Очень жаль, что ей не хватает уравновешенности; ей нужно быть жестче, не такой дружелюбной.

– Право же, миссис Каупервуд, – сказал он вслух, – все это выглядит очаровательно. Я как раз говорил мистеру Лорду, что считаю ваш дом настоящим триумфом.

Слова Маккиббена, принадлежавшего к высшему обществу, да еще в присутствии Лорда, стоявшего поблизости, пьянили Эйлин. Она лучезарно улыбнулась.

Среди первых прибывших были миссис Вебстер Израэль, миссис Брэдфорд Канда и миссис Уолтер Райсэм Коттон, которые предложили помощь с приемом гостей. Эти дамы не знали, что они держат в руках свою будущую репутацию прозорливых и разборчивых женщин; они были увлечены роскошной жизнью Эйлин, растущими финансовыми успехами Каупервуда и блеском нового дома. У миссис Вебстер Израэль был странной формы рот, и Эйлин всегда чудилось что-то рыбье, но ее нельзя было назвать некрасивой, а сегодня она выглядела оживленной и привлекательной. Миссис Бредфорд Канда, чье слегка выцветшее розовато-серебристое платье скрывало ее худобу, была очень любезна и уверяла Эйлин: предстоящий прием будет очень значительным. В миссис Уолтер Райсэм Коттон, самой молодой, чувствовался налет образования, полученного в колледже в Вассаре, она была «выше предрассудков». Она полагала, что Каупервуды вряд ли достигнут высоких стандартов, но, поскольку очень стараются, со временем, возможно, превзойдут других соискателей.

Иногда жизнь переходит от частности и отдельности к подобию цветовой тональности на картинах Монтичелли, где детали утрачивают смысл, а блеск целостности затмевает все остальное. Новый дом, с его замечательными створчатыми окнами от пола до потолка на первом этаже, тяжелыми гирляндами каменных цветов и заглубленным полом с растительным орнаментом, вскоре заполнился пестрым живым потоком гостей.

Многие, с кем Эйлин и Каупервуд были вообще не знакомы, получили приглашения через Маккиббена и Лорда; они пришли, и теперь их представляли хозяевам. Соседние переулки и площадка перед домом были заполнены гарцующими лошадьми и украшенными экипажами. Все, с кем Каупервуд имел более или менее близкое знакомство, явились пораньше и, сочтя обстановку живописной и увлекательной, не спешили уходить. Местный ресторатор Кинсли предоставил нескольких вышколенных официантов, расставленных как часовые на посту под бдительным присмотром дворецкого. Новая столовая, выдержанная в гамме древнеримских фресок, сияла хрусталем и ломилась от блюд с искусно расставленными деликатесами. Дамские вечерние наряды всех оттенков серого и коричневого, зелени и багрянца прекрасно вписывались в светло-бежевый колорит прихожей и хорошо сочетались с темно-серым и золотым в отделке главной гостиной, с бледным пурпуром в античном стиле столовой и бело-золотистыми стенами музыкальной комнаты.

Эйлин, поддерживаемая ободряющим присутствием Каупервуда, который в мужской компании обходил столовую, библиотеку и художественную галерею, стояла у всех на виду в

тщеславной красоте, как скорбный памятник, воплощающий суетность всех зримых вещей. Гости, чередой проходившие мимо, скорее любопытствовали, чем были заинтересованы ею и казались скорее завистливыми, чем симпатизирующими, и скорее критичными, чем благожелательными, словно пришли посмотреть на выставку.

– А знаете, миссис Каупервуд, – беззаботно заметила миссис Симмс, – ваш дом напоминает мне модную художественную выставку. Уж не знаю почему.

Эйлин, почувствовавшая скрытую насмешку, не нашлась с остроумным ответом. У нее не было такого дара, она едва подавила гнев.

– Вы так думаете? – язвительно осведомилась она.

Миссис Симмс, довольная произведенным впечатлением, победоносно удалилась в сопровождении молодого художника, подобострастно семенившего за нею.

Судя по этому и другим незначительным эпизодам, Эйлин могла понять, что местное светское общество ее практически не считает своей. Высшие круги до сих пор не удостоивали ее или Каупервуда серьезного внимания. Она почти возненавидела скучную миссис Израэль, которая в то время стояла рядом с ней и слышала обмен репликами; однако миссис Израэль была гораздо лучше, чем ничего. С ней миссис Симмс обошлась равнодушным вопросом «как поживаете?».

Приветствия от прибывающих Эддисонов, Следдов, Кингслендов, Хоксэмов и других ничего не значили; Эйлин так и не обрела уверенность в себе. Однако после ужина, когда молодежь, подбадриваемая Маккиббеном, отправилась на танцы, Эйлин смогла проявить себя во всем блеске, несмотря на неуверенность в себе. Она была веселой, задорной, привлекательной. Кент Маккиббен, бывший мастером тайн и тонкостей бальных танцев, с удовольствием повел ее во главе этой воздушной, сказочной процессии, за ними следовал Каупервуд, предложивший руку миссис Симмс. Эйлин, облаченная в белый атлас с серебряными блестками, с бриллиантами в ушах, на шее, на руках и в волосах, казалась сказочной принцессой. Она была само сияние. Маккиббен был совершенно очарован ею.

– Это такое наслаждение! – шепнул он ей на ухо. – Вы великолепны! Просто мечта!

– Вы можете убедиться, что я вовсе не бесплотна, – отозвалась Эйлин.

– Хотелось бы! – он весело рассмеялся, и Эйлин, до которой дошел скрытый смысл этого обмена репликами, игриво улыбнулась. Миссис Симмс, занятая беседой с Каупервудом, тщетно пыталась услышать, о чем говорит ее супруг.

После этого танца Эйлин, окруженная несколькими разгоряченными, легкомысленными юношами и девушками, повела их посмотреть на свой портрет. Гости постарше обсуждали вино, которое текло рекой, картину Жерома с обнаженными наложницами в одном конце комнаты, буйство красок на портрете Эйлин и развязность некоторых молодых людей из ее окружения. Миссис Рэмбо дружелюбно заметила мужу, что Эйлин, по ее мнению, «жаждет вкушать радостей жизни». Миссис Эддисон, пораженная богатством Каупервудов, по крайней мере по внешнему блеску, сказала мужу, что «должно быть, он очень быстро делает деньги».

– Этот человек – прирожденный финансист, Элла, – наставительно пояснил Эддисон. – Он умеет спекулировать, и у него обязательно будет много денег. Не знаю, сможет ли он вписаться в высшее общество. Будь он один, я бы не сомневался в этом. Она красавица, но боюсь, ему нужна женщина другого рода. Она слишком хорошенькая.

– Я тоже так думаю. Она мне нравится, но едва ли ей удастся правильно отыграть свои карты. Это печально.

Как раз в этот момент появилась Эйлин в сопровождении улыбающихся юношей. Ее собственное лицо тихо сияло от радости, вызванной бесконечными комплиментами. Они направлялись в бальный зал, которым служили объединенная малая гостиная и музыкальная комната. Толпа гостей расступалась перед ней. Воздух был наполнен цветочными ароматами, звуками музыки и голосов.

– Миссис Каупервуд – одна из самых хорошеньких женщин, которых я когда-либо видел, – обратился мистер Брэдфорд Канда к редактору светской газеты Хортону Биггерсу. – Она слишком хороша.

– Вы полагаете, она очаровательна? – поинтересовался осторожный Биггерс.

– Очень хороша, но, боюсь, недостаточно сдержанна и не слишком умна. Здесь подошел бы более серьезный типаж. Пожалуй, она слишком пылкая. Пожилые женщины избегают ее – она заставляет их казаться старухами. Лучше бы она не была такой юной и хорошенькой.

– Именно так я и думаю, – сказал Биггерс. Он вовсе так не думал, ему не хватало умственных способностей для таких обобщений. Но поскольку так сказал мистер Бредфорд, он должен был верить в это.

Глава 11

Плоды дерзаний

На следующее утро за чаем у Норри Симмса и в других местах обсуждалась попытка Каупервудов вписаться в высшее общество города и тщательно взвешивалась проблема их приятя.

– Беда миссис Каупервуд в том, что она не умеет себя вести, – заметила миссис Симмс. – В целом прием довольно вульгарный. Только подумайте, кому пришла в голову мысль повесить ее портрет и этого Жерома напротив друг друга! А потом эта статья в газете сегодня утром! Можно подумать, они уже считают себя избранниками судьбы.

Миссис Симмс немного сердилась за то, что, по ее мнению, Эйлин позволила Тейлору Лорду и Кенту Маккиббену использовать себя, хотя они оба были ее друзьями.

– Как твое впечатление о гостях? – поинтересовался Норри, намазывая масло на рогалик.

– Разумеется, там были далеко не все. Мы с тобой были наиболее знатными гостями, и теперь я жалею, что мы пришли. Да и вообще, кто такие эти Израэлсы и Хоксэмы? Что за ужасная женщина! – она имела в виду миссис Хоксэм. – Никогда в жизни не слышала более глупых замечаний.

– Вчера до нашего визита я разговаривал с Хейгенином из «Пресс», – сказал Норри. – По его словам, Каупервуд обанкротился в Филадельфии, прежде чем переехать сюда, и против него было выдвинуто множество исков. Тебе приходилось слышать об этом?

– Нет. Но его жена утверждает, что знакома с Дрейками и Уолкерами из Филадельфии. Я собираюсь спросить Нелли об этом. Мне интересно, почему ему пришлось уехать из Филадельфии, если его дела шли так хорошо. Люди обычно так не поступают.

Симмс уже завидовал финансовому успеху, который Каупервуд показал в Чикаго. Кроме того, манеры Каупервуда недвусмысленно свидетельствовали о его превосходном интеллекте и силе воли, а это неизменно вызывает негодование у всех, кроме просителей или хозяев, одержавших победу в других жизненных схватках. Симмс был очень заинтересован узнать о Каупервуде что-то более существенное.

Однако до того, как его положение в обществе могло утвердиться так или иначе, перед Каупервудом возникла гораздо более важная проблема, хотя Эйлин, вероятно, так не думала. Отношения между старыми и новыми газовыми компаниями становились все более напряженными; акционеры старых предприятий начали проявлять беспокойство. Они стремились выяснить, кто стоит за новыми газовыми компаниями, которые угрожали перехватить их законные права. Один из адвокатов, нанятых для расследования деятельности Сиппенса и генерала Ван-Сайкла, обнаружил, что муниципалитет Лейк-Вью выделил контракт для новой компании и что апелляционный суд собирается утвердить ее; адвокат решился обвинить членов совета в сговоре и получении взятки. Были собраны доказательства, что Данивэй, Джейкоб Герехт и другие чиновники Северной стороны получали наличные деньги. Подача искового заявления подразумевала приостановку одобрения концессий и давала старой компании время на обдумывание дальнейших действий. Юрист Северной стороны по фамилии Парсонс пристально следил за действиями Сиппенса и генерала Ван-Сайкла и пришел к выводу, что они были подставными лицами, а реальным вдохновителем всей этой бурной деятельности был Фрэнк Каупервуд или же люди, которых он представлял. Однажды Парсонс посетил контору Каупервуда с намерением встретиться с ним; не добившись результата, он продолжил копаться в его прошлом и узнавать о его связях. Эти расследования в конечном счете и привели к судебному процессу на выездной сессии Окружного суда Соединенных Штатов в конце ноября, с обвинением в сговоре между Фрэнком Алджерноном Каупервудом, Генри де Сото Сиппенсом, Джад-

соном П. Ван-Сайклом и другими лицами. Почти сразу же за этим последовали иски, поданные компаниями Западной и Южной стороны со сходными обвинениями. В каждом случае фамилия Каупервуда упоминалась как тайная движущая сила, стоявшая за новыми компаниями, сговорившимися о принудительном выкупе своих акций за баснословную цену. История его злостных в Филадельфии попала в прессу, хотя лишь отчасти; это был сильно переработанный текст, который раньше Каупервуд сам подготовил для газет.

Несмотря на тяжкие обвинения, юристы старых газовых компаний так и не смогли ничего доказать. Но новость о тюремном сроке (независимо от причины) с предыдущим банкротством и последующим скандальным разводом (хотя газеты ограничились лишь сдержанным упоминанием об этом) подстегнула публичный интерес и поместила Каупервуда с его молодой супругой в центр внимания.

Самого Каупервуда уговорили дать интервью, но он сказал, что был всего лишь посредником, а не инвестором трех новых компаний и что выдвинутые против него обвинения были лживыми – не более чем юридической уловкой, предпринятой, чтобы сделать его положение невыносимым. Он пригрозил, что подаст в суд за клевету. Хотя судебные иски в его адрес в итоге закончились ничем (он устроил дела таким образом, что его участие нельзя было проследить, не считая роли финансового посредника), обвинения все же были выдвинуты, и теперь он представал хитроумным манипулятором, имевшим скандальное прошлое.

– Насколько я понимаю, этот Каупервуд начинает зарабатывать себе имя в газетах, – обратился Энсон Меррилл к своей жене однажды утром за завтраком. Он развернул «Таймс» на столе перед собой и смотрел на заголовок, гласивший: «Против нескольких граждан Чикаго выдвинуто обвинение в сговоре. Имена Фрэнка Алджернона Каупервуда, Джадсона П. Ван-Сайкла, Генри де Сото Сиппенса и других перечислены в жалобе, поданной в выездную сессию Окружного суда». А я считал его обычным брокером.

– Мне мало известно о них, кроме того, что я слышала от Беллы Симмс, – ответила его жена. – Что там написано?

Он передал ей газету.

– Я всегда считала их обычными выскочками, – продолжала миссис Меррилл. – Судя по тому, что мне приходилось слышать, его жена просто возмутительна. Правда, я ее ни разу не видела.

– Он неплохо начинает для филадельфийца, – улыбнулся Меррилл. – Я видел его в клубе «Калюмет», и он показался мне довольно проникательным человеком. Так или иначе, он бойко приступает к делу.

Мистер Норман Шрайхарт, который до сих пор тоже не думал о Каупервуде, хотя и видел его в холлах «Калюмета» и «Юнион», начал всерьез задаваться вопросом, кто он такой. Шрайхарт, человек физически сильный, умный и невозмутимый, отличался от Энсона Меррилла. Однажды, вскоре после того, как началось оживление в прессе, он встретился днем с Эддисоном в клубе «Калюмет». Опустившись на большой кожаный диван, он спросил:

– Эддисон, кто такой этот Каупервуд, чье имя сейчас полощут в газетах? Вы знаете всех и каждого. Кажется, вы однажды представили его мне?

– Несомненно, – с добродушным видом ответил Эддисон, который, несмотря на гонения Каупервуда, был скорее доволен, нежели расстроен. Судя по шумихе, сопровождавшей борьбу старых и новых газовых компаний, было очевидно, что Каупервуд весьма искусно справляется со своими делами, а главное, продолжает скрывать имена своих кредиторов. – Он родился в Филадельфии. Несколько лет назад он уехал оттуда и занялся комиссионной хлебной торговлей. Сейчас он банкир. Должен сказать, он довольно хитроумный человек. У него много денег.

– Правда ли, как пишут в газетах, что недавно он обанкротился на миллион долларов в Филадельфии?

– Насколько мне известно, так оно и было.

– А потом он отсидел тюремный срок?

– Думаю, да. Но, полагаю, на самом деле там не было настоящего криминала. Судя по всему, он угодил в жернова какой-то крупной политической и финансовой схватки.

– И ему всего лишь сорок лет, как пишут в газетах?

– Примерно так, насколько я могу судить. А что?

– Ну, удержать старые газовые компании в пределах города – довольно амбициозный план, как мне представляется. Как вы полагаете, он справится?

– Этого я не знаю, – осторожно сказал Эддисон. – Все, что мне известно, я узнал из газет.

По сути, у Эддисона не было желания говорить об этом деле. В настоящее время Каупервуд через посредника пытался достичь компромисса и заключить союз со всеми заинтересованными сторонами. Дело продвигалось с большим трудом.

– Хм! – заметил Шрайхарт. Он задавался вопросом, почему Меррилл, Арни и другие дельцы, как и он сам, не додумались до столь перспективного дела или не выкупили старые компании. Он ушел озадаченный и вскоре, фактически уже на следующее утро, составил план действий. Как и Каупервуд, он был расчетливым, жестким и холодным. Он твердо верил в Чикаго и во все, что было связано с будущим этого города. Теперь, когда Каупервуд обозначил свою позицию, ситуация с газовой отраслью стала совершенно ясной для него. Даже сейчас еще оставалась возможность вступить в игру со стороны и с помощью искусных спекуляций выиграть. Вероятно, самого Каупервуда можно будет отстранить от руководства или перекупить.

Будучи властным человеком, мистер Шрайхарт не верил ни в крупные инвестиции, ни в мелкие вклады. Если он приступал к делам такого рода, то предпочитал единоличное владение. Он решил пригласить Каупервуда в свою контору для деловой беседы. Соответственно, его секретарша составила уведомление в довольно пафосном стиле, приглашавшее Каупервуда «для обсуждения важного вопроса».

Именно в это время Каупервуд считал свое положение в финансовом мире Чикаго вполне устойчивым, хотя все еще испытывал горечь от сплетен и слухов в свой адрес, недавно посыпавшихся на него из разных мест. В таких обстоятельствах ему было свойственно проявлять высокомерное презрение к людям, бедным или богатым в равной степени. Он хорошо помнил, что, хотя их с Шрайхартом представили друг другу, последний раньше не снисходил до того, чтобы обращать на него внимание.

– «Мистер Каупервуд просит меня передать, – написала мисс Антуанетта Новак под его диктовку, – что в настоящее время он крайне занят, но будет рад встретиться с мистером Шрайхартом в своей конторе в любое удобное время».

Это привело властного и самоуверенного Шрайхарта в некоторое раздражение, однако он полагал, что в данном случае разговор на чужой территории не причинит ущерба и, в сущности, будет даже полезен для него. Поэтому во второй половине дня в среду он приехал в контору Каупервуда, где его ожидал самый радушный прием.

– Как поживаете, мистер Шрайхарт? – сердечным тоном осведомился Каупервуд, протянув руку. – Рад видеть вас снова. Кажется, мы однажды встречались.

– Мне тоже так кажется, – отвечал мистер Шрайхарт, широкоплечий, темноглазый, с квадратной челюстью и короткими черными усами над слегка выступающей верхней губой. Его взгляд был жестким и пронзительным. – Если можно доверять тому, что пишут в газетах, вы интересуетесь местной газовой отраслью, – добавил он, сразу переходя к делу. – Это правда?

– Боюсь, на газеты в целом нельзя полагаться, – вежливо заметил Каупервуд. – Вы не возражаете, я был бы не против узнать причину вашего интереса к моему бизнесу?

– Сказать по правде, я сам заинтересовался местной газовой ситуацией, – ответил Шрайхарт, глядя на финансиста. – Это довольно выгодная область для капиталовложений, и несколько членов старых газовых компаний недавно посетили меня с предложением помочь им

объединить свои усилия. (Шрайхарт лгал.) Меня заинтересовали ваши соображения по поводу успешности действий, которыми вы руководствуетесь.

Каупервуд улыбнулся.

– Я вряд ли смогу обсуждать этот вопрос, – сказал он, – если не узнаю о ваших намерениях и связях значительно больше, чем мне известно в настоящее время. Насколько я понимаю, акционеры старых компаний действительно обратились к вам с предложением о помощи в улаживании этого вопроса?

– Именно так, – сказал Шрайхарт.

– И вы полагаете, что сможете подтолкнуть их к объединению? На какой основе?

– Ну, я полагаю, что это будет просто: выделить каждому две или три акции в новой компании вместо одной в каждой из старых компаний. Затем избрать новый совет директоров, назначить новых руководителей, объединить всех в контору под одной крышей, прекратить все эти судебные иски, и все будут счастливы.

Он произнес это небрежным, покровительственным тоном, как будто сам Каупервуд не размышлял о такой возможности несколько лет назад. Каупервуд изумился, когда услышал собственный план, поучительным тоном изложенный ему весьма влиятельным местным бизнесменом, который до сих пор совершенно игнорировал его.

– А на какой основе вы ожидаете вступления новых газовых компаний в эту корпорацию?

– На той же, что у остальных, если только они не слишком сильно капитализированы на свободном рынке. Я еще не обдумал все подробности. По две или по три новые акции за одну старую, в зависимости от капиталовложений. Разумеется, нужно будет принимать в расчет порядок в старых компаниях.

Каупервуд напряженно размышлял. Стоит ли обсуждать такое предложение? У него появилась возможность быстро получить прибыль, продав свой бизнес старым компаниям. Но теперь уже Шрайхарт, а не он сам будет стоять во главе этой спекулятивной сделки. Если же он займет выжидательную позицию – и даже если Шрайхарту удастся слить три старых компании в одну, – у него еще останется возможность выторговать хорошие условия, хотя он был не уверен в этом. Наконец он спросил:

– Сколько акций новой корпорации останется в ваших руках или в руках группы организаторов, после того как старые и новые компании согласятся объединиться на такой основе?

– Ну, вероятно тридцать пять или сорок процентов, – вкрадчиво ответил Шрайхарт. – Труд должен вознаграждаться по заслугам.

– Безусловно, – с улыбкой отозвался Каупервуд. – Но с учетом того, что я достал палку, чтобы дотянуться до этого сочного плода, мне представляется, что весьма щедрая доля должна отойти и мне.

– Что вы имеете в виду?

– Только то, что сказал. Я лично организовал новые компании, которые сделали возможным предполагаемое объединение. План, который вы предлагаете, в точности похож на тот, который я сам предложил некоторое время назад. Управляющие и директора старых компаний разозлились на меня лишь потому, что я будто бы вторгся на территории, которые они считали своими. Если исходить из того, что они готовы действовать через вас, а не через меня, мне кажется, что я должен получить значительно большую долю активов после объединения. Мой личный интерес в этих новых компаниях не очень велик. На самом деле я в большей степени являюсь финансовым агентом. (Это было неправдой, но Каупервуд предпочитал, чтобы его собеседник придерживался такого мнения.)

Шрайхарт улыбнулся.

– Вы забываете, сэр, – произнес он, – что я предоставляю почти весь капитал, необходимый для этой сделки.

– Вы забываете, что я не новичок в этом деле, – парировал Каупервуд. – Я могу гарантировать, что сам обеспечу весь необходимый капитал и предоставлю вам щедрый бонус за услуги, если хотите. Заводы и концессии старых и новых компаний кое-что стоят. Как вы понимаете, Чикаго быстро растет.

– Я это знаю, – уклончиво отозвался Шрайхарт. – Но я также понимаю, что вам предстоит долгая борьба, которая обойдется совсем недешево. Судя по тому, как обстоят дела, вы не можете самостоятельно прийти к соглашению со старыми компаниями. Насколько я понимаю, они не хотят работать с вами. Понадобится человек со стороны вроде меня, влиятельный человек или, лучше сказать, имеющий достойную репутацию в Чикаго и хорошо знающий этих людей, чтобы осуществить такую комбинацию.

– Вполне вероятно, что я смогу найти такого человека, – хладнокровно произнес Каупервуд.

– Я так не думаю; определенно, не в нынешней ситуации. Старые компании вряд ли будут работать с вами, но готовы сотрудничать со мной. Вам не кажется, что лучше принять мои условия и позволить мне довести дело до конца?

– Только не на таких условиях, – ответил Каупервуд. – Мы слишком глубоко вторглись на вражескую территорию и слишком много сделали. Три к одному или четыре к одному – какие бы условия ни получили акционеры старых компаний – это меньшее, на что я могу согласиться при выпуске новых акций, и я должен получить половину того, что останется. Этим мне придется делиться с другими. (Последнее тоже было неправдой.)

– Нет, – Шрайхарт покачал массивной головой. – Это невозможно: риск слишком велик. Возможно, я мог бы предложить вам четверть. Но пока не могу обещать.

– Половину или ничего, – твердо сказал Каупервуд.

Шрайхарт встал.

– Это меньшее, на что вы согласны, не так ли? – поинтересовался он.

– Самое меньшее.

– Тогда боюсь, мы не сможем договориться, – сказал Шрайхарт. – Мне очень жаль. Эта борьба может оказаться долгой и невыгодной для вас.

– Я это предусмотрел, – отозвался финансист.

Глава 12

Новое соглашение

Каупервуду, который вежливо, но твердо отверг предложение Шрайхарта, предстояло убедиться, что взявший меч вполне может от меча и погибнуть. Его собственный бдительный поверенный в делах, следивший за деятельностью законодательного собрания штата, где регистрировались новые компании, в городском и пригородных муниципалитетах, в судах, узнал о серьезном контрударе, который готовил противник. Старый генерал Ван-Сайкл первым сообщил, что компания Северной стороны затевает недоброе. Он пришел ранним вечером в своей потрепанной шинели, болтавшейся на плечах, и в мягкой фетровой шляпе, надвинутой на покрасневшие глаза. В ответ на приветствие Каупервуда он с мрачным видом опустил на стул.

– Полагаю, вам пора подготовиться к предстоящему шторму, капитан, – произнес он, обратившись к финансисту с учтивым титулом, который вошел у него в привычку.

– В чем проблема? – осведомился Каупервуд.

– Настоящей проблемы еще нет, но она может появиться. Кто-то, пока не знаю, кто именно, собирается объединить три старые компании в одну. Было подано ходатайство о регистрации и учреждении «Объединенной газовой и топливной компании Чикаго» в Спрингфилде. Сейчас совещаются директора «Трастовой компании Дугласа». Я узнал об этом от Данивэя, у которого есть свои источники информации.

Каупервуд, в свойственной ему манере, сложил кончики пальцев и начал ритмично постукивать ими.

– Давайте посмотрим. Мистер Симмс – президент «Трастовой компании Дугласа». Он недостаточно опытен и умен, чтобы организовать такую сделку. Вам известны владельцы этой компании?

Генерал достал список с четырьмя именами, ни одно из которых не принадлежало директорам или управляющим старых компаний.

– Пешки, все до одного, – пренебрежительно заметил Каупервуд. – Думаю, я знаю, кто стоит за кулисами, генерал, но это не должно вас беспокоить, – добавил он после недолгого раздумья. – В итоге им придется продать нам свою новую компанию или выкупить наши компании.

И все же ему было досадно, что Шрайхарт преуспел, убедив старые компании объединиться; он собирался в скором времени попросить Эддисона как независимого представителя старой чикагской элиты обратиться к предпринимателям с таким же предложением. Теперь он поспешил в контору Эддисона в «Лейк Нэшнл».

– Вы слышали новости? – воскликнул банкир, как только Каупервуд предстал перед ним. – Они собираются объединиться. Это все Шрайхарт, как я и опасался. Симмс из Дугласовской трастовой компании будет выступать в роли главного акционера. Я получил эти сведения минут десять назад.

– Я тоже, – спокойно отозвался Каупервуд. – Нам следовало действовать немного быстрее, но это не совсем наша вина. Вы знаете условия соглашения?

– Они собираются объединить акционерный капитал под три новые акции за одну старую. Около тридцати процентов холдинговой компании достанутся Шрайхарту; он сможет продать их или удержать при себе, как пожелает. Он гарантирует проценты на вложенный капитал. Мы сами загнали дичь в его силки.

– И тем не менее ему все равно придется иметь дело с нами, – сказал Каупервуд. – Я предлагаю отправиться в городской совет и обратиться с ходатайством о генеральной концессии.

Ее можно получить. Если мы этого добьемся, то поставим их на колени. Мы реально будем находиться в лучшем положении по сравнению с ними, поскольку имеем мелкие компании в качестве поставщиков. Мы можем объединиться сами с собой.

– Это потребует значительных денег, не так ли?

– Расходы невелики. Нам может не понадобится прокладывать трубы или строить завод. Потому что они предложат нам выкуп, продажу или объединение. Тогда мы продиктуем свои условия. Кстати, вы случайно не знакомы с Джоном Дж. Маккенти, который здесь имеет влияние?

Каупервуд говорил о человеке, который одновременно был игроком, тайным владельцем или управляющим нескольких публичных домов, влиял на выборы мэров и членов городского управления, негласным акционером многих салунов и контрактных компаний, – одним словом, святым покровителем преступного мира Чикаго, с которым приходилось считаться законодателям города и штата.

– Нет, – ответил Эддисон. – Но я могу добыть рекомендательное письмо для вас. А что?

– Пока что не затрудняйтесь этим вопросом. Просто обеспечьте мне солидную рекомендацию.

– Это можно будет сделать уже сегодня, – охотно пообещал Эддисон. – Я перешлю вам рекомендательное письмо.

Каупервуд попрощался и ушел, пока Эддисон размышлял над этим неожиданным предложением. Каупервуду можно было доверить рытье ямы, куда упадут любые противники. Иногда он дивился хитроумию этого человека, но никогда не возражал против прямых и решительных действий Каупервуда.

Человек, о котором думал Каупервуд в этот тревожный час, представлял собой выдающуюся личность, типичную фигуру для Чикаго и всего Среднего Запада того времени. Он был приветливым и по-своему обаятельным, с хорошими манерами, чем походил на Каупервуда, но отличался от него неприметной с виду грубостью, абсолютно чуждой Каупервуду; особый склад его характера притягивал обитателей городского дна, где его душа находила отдохновение. Есть особые натуры, не предрасположенные к творчеству и философствованию, бездуховные, неэмоциональные, но все же цельные в своей половинчатости и мутности. Маккинси привезли трехлетним ребенком в Америку его родители-эмигранты, бежавшие от голода у себя на родине. Он рос на окраине Южной стороны в убогом домишке с земляным полом рядом с железнодорожными путями. Его отец дослужился до бригадира после нескольких лет поденной работы на соседней железной дороге, и Джону, младшему из восьмерых детей, с раннего возраста пришлось зарабатывать на хлеб. Он был мальчиком на побегушках в магазине, курьером в телеграфной компании, уборщиком на замену в салуне и, наконец, барменом. Последняя работа была началом его продвижения, так как он попался на глаза одному дальновидному политикану, который надоумил его изучать законы и продвигаться в местное законодательное собрание. В юном возрасте он многое узнал о краже со взломом, вбросах бюллетеней для голосования, торговле голосами избирателей, продажных лидерах, взятках, кумовстве и эксплуатации человеческих пороков – словом, обо всем, что составляет (или составляло?) мир американской политики с его финансовой и политической борьбой. В высших кругах есть стойкое предубеждение, что на самом дне ничему нельзя научиться. Если бы вы заглянули в широкую, но уравновешенную душу мистера Маккенти, то увидели бы незнакомый мир, целые миры преступлений, нежности, ошибок и аморальности, переживаемых со смирением и даже с радостью, – суровый мир примитивного существа, у которого нет ничего, кроме инстинктов и потребностей. Тем не менее этот человек обладал обликом и манерами настоящего джентльмена.

Сорокавосемилетний Маккенти был чрезвычайно важной фигурой. Его просторный особняк в Вестсайде, на перекрестке Харрисон-стрит и Эшленд-авеню, в любое время посе-

щали финансисты, предприниматели, священники и хозяева салунов. Короче говоря, все представители бурной деловой и политической жизни. У Маккенти они могли получать разнообразные советы, предписания, обещания и решения, часто бескорыстно или за признание его авторитета, но многие были готовы платить. Он спасал служащих полиции, когда их следовало с полным основанием отправить в отставку; помогал матерям, чьих заблудших сыновей и дочерей он вытаскивал из тюрьмы и отправлял домой; ограждал содержателей борделей от наглости местных полицейских, требовавших непомерных взяток, политиков и владельцев салунов, чья карьера или имущество могли пострадать в результате гнева недовольных граждан. В трудную минуту он многим казался богом Среднего Запада, всемогущим, всемилостивым и совершенным, когда они смотрели на его гладкое, располагающее лицо, озаряющееся лучезарной улыбкой. С другой стороны, имелись неблагодарные люди, бескомпромиссные борцы или ханжи и реформаторы, строившие планы и заговоры, они были его смертельными соперниками. Для таких случаев у него были подручные, получавшие распоряжения с этого имперского трона и неукоснительно выполнявшие свою работу. Он обладал невзыскательным вкусом, непритязателен в одежде, женат и, по всей видимости, счастлив в браке, исповедовал католическую веру, хотя никто не видел его в церкви – этаким тайный Будда, могущественный и загадочный.

Первая его встреча с Каупервудом произошла весенним вечером в доме Маккенти. Большие окна были занавешены, но открыты, впуская свежий воздух, занавески слегка колыхались от легкого ветерка. По прибытии ему предложили виски и сигару, представили миссис Маккенти, которая вела замкнутый образ жизни и поэтому всегда была рада знакомству со знаменитостями из высших сфер. Наконец, его препроводили в библиотеку. Миссис Маккенти, если он мог бы заметить, обратив более пристальное внимание, была пухленькой и миловидной, вроде состарившейся Эйлин, но сохранила следы бывшей красоты и прекрасно скрывала свидетельства того, что когда-то была проституткой. Так вышло, что именно в тот вечер Маккенти пребывал в самом добродушном расположении духа. Сейчас его не беспокоили текущие политические проблемы. Дело было в начале мая. Деревья на улице только начинали покрываться молодой листвой, ласточки и малиновки счастливо щебетали. Каупервуд, несмотря на свои немалые проблемы, тоже находился в благодушном настроении. Он был жизнелюбив даже в самых сложных обстоятельствах, и, возможно, сложности нравились ему больше всего. Природа была прекрасна и нежна, но проблемы, планы, хитроумные схемы, которые нужно было обдумать и привести в действие, – вот что придавало смысл существованию, вот ради чего стоило жить.

– Итак, мистер Каупервуд, – начал Маккенти, когда они встретились в прохладной и спокойной атмосфере библиотеки, – чем могу служить?

– Что же, мистер Маккенти, – сказал Каупервуд, тщательно подбирая слова и напрягая все недюжинные силы своего ума, – не так уже много, но кое-что. Я хочу получить концессию от чикагского городского совета и хотел бы, чтобы вы помогли мне, если пожелаете. Понимаю, вы можете сказать, что я мог бы напрямую обратиться к членам совета. Я бы так и поступил, но есть определенные люди, которые могут обратиться к вам, желая сыграть против меня. Как я понимаю, вы некоторым образом являетесь в Чикаго арбитром для разрешения подобных конфликтов.

Мистер Маккенти улыбнулся.

– Это лестное определение, – сухо заметил он.

– В Чикаго я скорее новичок, – мягко продолжал Каупервуд. – Я провел здесь лишь несколько лет после переезда из Филадельфии. Как инвестор и финансист я был заинтересован в развитии нескольких газовых компаний, учрежденных в Гайд-Парке, Лейк-Вью и других округах за пределами города, о чем вы, вероятно, могли узнать из недавних газетных статей. Я не являюсь их владельцем, хотя я инвестировал весь проект и вложил большую часть капитала. Я даже не являюсь управляющим этими компаниями – разве что в широком смысле

слова. Возможно, меня лучше называть их организатором и хранителем, поскольку я занимаюсь этим для других людей, как и для себя самого.

Маккенти кивнул.

– Далее, мистер Маккенти. Вскоре после того, как я получил контракты для ведения дел в Гайд-Парке и Лейк-Вью, я столкнулся с интересами владельцев трех старых газовых компаний. Как вы понимаете, они были резко настроены против наших разработок на территории округа Кук, хотя мы на самом деле не вторгались в их юрисдикцию. С тех пор они забрасывали меня судебными исками, запретительными постановлениями и обвинениями во взятках и сговоре.

– Знаю, – вставил мистер Маккенти, – я кое-что слышал об этом.

– Не сомневаюсь, – отозвался Каупервуд. – Столкнувшись с такой враждебностью, я сделал предложение объединить три старые и три новые компании в холдинг, создать новый совет и обеспечить город единой системой газоснабжения. Они не согласились. Полагаю, главным образом потому, что я чужак. С тех пор другой человек, а именно мистер Шрайхарт, – тут Маккенти снова кивнул, – который раньше не имел ничего общего с местным газовым предпринимательством, вступил в игру и предложил объединение старых компаний. Он собирается поступить точно так же, как и предлагал я, но его дальнейшее намерение состоит в том, что после объединения трех старых компаний он вторгнется на нашу территорию и будет сдерживать нас или заставит продать наш бизнес, получая концессии в дальних пригородах. Как вам известно, ходят слухи, что пригороды войдут в городские пределы Чикаго, а это позволит обеспечить технически и объединить три городские компании с нашими предприятиями. Как видите, нам необходимо сделать что-то одно: либо продать свой бизнес на лучших на данный момент условиях, продолжая борьбу ценой больших расходов и не пытаясь нанести ответный удар, либо обратиться в городской совет с ходатайством о концессии на ведение бизнеса в центральных районах города для получения общей концессии на продажу газа в Чикаго наряду со старыми компаниями, но лишь из соображений самозащиты, как любит говорить один из моих сотрудников, – шутливо добавил Каупервуд.

Маккенти снова улыбнулся.

– Ясно, – сказал он. – Но, мистер Каупервуд, не будет ли чрезмерным ваше желание получить новую концессию? Вы предполагаете, что общественное мнение согласится с вашим представлением о том, что городу нужна еще одна газовая компания? Действительно, старые газовые компании не проявляли особой щедрости. Качество моего газа, например, далеко не лучшее. – Он улыбнулся краешком рта, готовый слушать дальше.

– Я вполне понимаю, мистер Маккенти, что вы практичный человек, – продолжал Каупервуд, не обратив внимания на его реплику. – Я пришел к вам не с какой-то туманной историей о моих затруднениях в надежде на ваш интерес или сочувствие. Я понимаю, что обращение в городской совет Чикаго с законным предложением – это одно дело, а добиться его слушания и одобрения – совсем другое. Мне нужен совет и содействие, но я не выпрашиваю их. Если я смогу получить такую концессию, о которой шла речь, это принесет мне немалые деньги. Это позволит мне получить дополнительную прибыль от новых компаний, которые абсолютно устойчивы и востребованы на рынке. Это поможет мне воспрепятствовать недружественному поглощению со стороны старых компаний. Далее, я понимаю, что никто из нас не занимается политикой или финансами ради хорошего самочувствия. Если я смогу получить франшизу, это обойдется мне в сумму от четверти до половины той выручки, которую я надеюсь получить при условии, что мой план объединения новых и старых компаний будет успешным, – скажем, от трехсот до четырехсот тысяч долларов. (Здесь Каупервуд снова был не вполне откровенным, но он мог себе это позволить.) Не стоит и говорить, что я умею распоряжаться большими капиталами. Концессия обеспечит такую возможность. Если вкратце, то я хочу знать, сможете ли вы обеспечить мне поддержку и принять мои условия? Я заранее извещаю вас о своих партнерах. Я открою всю информацию и прочие детали, чтобы вы сами могли убе-

диться в обстоятельствах дела. Если вы в любое время сочтете, что я что-либо искажил, то, разумеется, будете иметь полное право выйти из дела. Как уже было сказано, я не проситель, – заключил он. – Я не собираюсь утаивать факты или скрывать стоимость этого предприятия. Я хочу, чтобы вы оказывали мне поддержку на условиях, которые считаете справедливыми и равноправными. Единственное затруднение для меня в данной ситуации состоит в том, что я не аристократ; в противном случае эта газовая война уже давно бы закончилась. Эти джентльмены, которые проявляют такую готовность к реорганизации через мистера Шрайхарта, враждебно относятся ко мне потому, что я сравнительно недавно поселился в Чикаго и не принадлежу к числу избранных. – Он повел рукой в воздухе. – Наверное, иначе я бы не пришел к вам сегодня вечером с просьбой об услуге. Хотя это не означает, что я не рад находиться здесь или не буду с удовольствием сотрудничать с вами. Просто в силу обстоятельств наши пути не пересеклись раньше.

Пока он говорил, то с умелым простодушием смотрел на Маккенти, и тот, внимательно слушавший собеседника, ощущал присутствие необычной, загадочной, талантливой и чрезвычайно волевой личности. Здесь не было уклончивых фраз или высокомерности, но присутствовала некая утонченность, которая нравилась Маккенти. Хотя его позабавило небрежное упоминание Каупервуда об аристократах, не допускавших банкира в свой круг, оно было приятным для его слуха. Он уловил и суть высказывания, и намерение, стоявшее за словами. В целом Каупервуд для него представлял новый и довольно привлекательный тип коммерсанта. Очевидно, Каупервуд имел компетентных соратников, если верить людям, которые дали ему такие теплые рекомендации. Каупервуду было известно, что Маккенти не имел личного капитала в старых газовых компаниях (хотя он и не говорил об этом) и не испытывал особой симпатии к ним. Для него они были всего лишь далекими финансовыми корпорациями, платившими дань политической системе и ожидавшими политических услуг взамен. Теперь они каждые несколько недель обращались в городской совет, испрашивая одну концессию на газопроводы за другой (с особыми привилегиями на определенных улицах), требуя новых, более выгодных контрактов на освещение, ходатайствуя о строительстве разгрузочных доков на реке и налоговых льготах. Маккенти не уделял особого внимания подобным вещам. Он имел своего представителя в городском совете, напористого и влиятельного здорового ирландца Патрика Доулинга. Он контролировал коррупционные схемы в мэрии, в городском казначействе, в главной налоговой инспекции, фактически со всеми чиновниками городской администрации и присматривал, чтобы все детали этого процесса были должным образом улажены. Маккенти лишь два или три раза встречался с управляющими газовой компании Южной стороны, да и то в неформальной обстановке. Они ему не понравились. Правда состояла в том, что во главе старых компаний стояли люди, считавшие политиканов типа Маккенти или Доулинга недостойными людьми; если они платили им и занимались другими нечистоплотными делами, то лишь потому, что были вынуждены так поступать.

– Ну что же, – произнес Маккенти, задумчиво поигрывая тонкой золотой цепочкой от часов. – Вы предлагаете интересный план. Разумеется, старым компаниям не понравится ваше ходатайство о параллельной концессии, но, когда вы получите ее, они не смогут особенно возражать, не так ли? – он улыбнулся. Выговор мистера Маккенти не выдавал в нем ирландца. – С одной стороны, это можно рассматривать как рискованное дело. Разумеется, они поднимут шум, хотя сами не особенно беспокоились насчет общественного мнения. Но если вы уже предлагали объединиться с ними, то я не вижу возражений. В долгосрочной перспективе это определенно пойдет на пользу всем. Концессия лишь позволит вам заключить более выгодную сделку.

– Вот именно, – подтвердил Каупервуд.

– И вы говорите, что у вас есть средства для прокладки газопроводов по всему городу, готовы держаться своих намерений, несмотря на их несговорчивость?

– У меня есть средства, – ответил Каупервуд. – А если их окажется недостаточно, я добуду еще.

Мистер Маккенти несколько восторженно посмотрел на Каупервуда. Между ними уже возникла взаимная симпатия, они понимали друг друга, но все же прежде всего стояли их личные интересы. Каупервуд был симпатичен мистеру Маккенти, потому что он один из немногих известных ему дельцов не выказывал высокомерия, презрения, не лицемерил.

– Я скажу вам, что сделаю, мистер Каупервуд, – наконец произнес он. – Я приму ваше дело к сведению. Позвольте мне поразмыслить хотя бы до понедельника. Я понимаю, что следует поторопиться с получением муниципального постановления об общегородской концессии, и промедление только затрудняет дело. Почему бы вам не составить ходатайство о предполагаемой концессии и не ознакомить меня с ним? Тогда мы сможем выяснить, что думают по этому поводу некоторые другие джентльмены из городского совета.

Каупервуд едва не улыбнулся при слове «джентльмены».

– Я уже сделал это, – сказал он. – Вот оно.

Маккенти взял документ, удивленный, но довольный этим свидетельством деловой хватки. Ему нравились такая сильная и ловкая предприимчивость, тем более что сам он не обладал такой способностью, а большинство из тех, кого он знал, были слабовольными и спесивыми.

– Тогда позвольте мне оставить это у себя, – сказал он. – Увидимся в следующий понедельник, если пожелаете. Буду ждать вас у себя.

Каупервуд встал.

– Я был решительно настроен лично посетить вас, мистер Маккенти, – сказал он. – Теперь я рад, что сделал это. Если вы дадите себе труд разобраться в этом деле, то убедитесь, что оно выглядит именно так, как я описал. Здесь речь идет об очень больших деньгах обеих заинтересованных сторон, и понадобится кое-какое время, чтобы все устроить как следует.

Мистер Маккенти отлично понял его.

– О, да, – любезным тоном произнес он. – Это уж точно.

Обменявшись рукопожатием, они посмотрели друг другу в глаза.

– Я еще не вполне уверен, но, кажется, у вас очень хорошая идея, – одобрительно сказал Маккенти. – Действительно, очень хорошая. Приезжайте сюда в понедельник примерно в это же время, решение, думаю, будет найдено. Приезжайте в любое время, если вам понадобится какое-либо содействие с моей стороны. Я всегда буду рад встрече с вами. Прекрасный вечер, не так ли? – добавил он, выглянув на улицу, когда они подошли к двери. – Что за чудесная луна!

В небе висел тонкий серп луны.

Глава 13

Жребий брошен

Важное значение этого визита вскоре стало очевидным. На небесах в крупных делах жизненные хитросплетения сводят людей между собой почти необъяснимым образом. Теперь, когда дело было представлено на его рассмотрение, мистер Маккенти был заинтересован во всестороннем изучении ситуации с газовыми компаниями, в частности, не выгоднее ли заключить сделку со Шрайхартом и что-нибудь другое. Но в итоге он сделал вывод, что план Каупервуда был наиболее оправданным с политической точки зрения, главным образом потому, что Шрайхарт оказался недалёковидным и не догадался умаслить пиратов из городской ратуши.

Когда Каупервуд в следующий раз сделал визит в дом Маккенти, хозяин пребывал в боевом настроении.

– Ну что же, – сказал он после теплого обмена приветствиями, – я навел справки. Ваше предложение достаточно справедливо. Подготовьте все, как полагается, и действуйте. Потом представьте ходатайство, и мы посмотрим, что можно будет сделать.

Они долго и подробно обсуждали будущее распределение акционерного капитала, который временно будет находиться на депозите в подконтрольном мистеру Маккенти банке, пока условия соглашения о слиянии со старыми компаниями или устав новой объединенной компании не будут приняты окончательно, и так далее, и тому подобное. Это было довольно затейливое соглашение, которое не слишком понравилось Каупервуду, но достаточное для успеха. Оно требовало непременно участия генерала Ван-Сайкла, Генри де Сото Сиппенса, Кента Берроуза Маккиббена и советника Доулинга на первоначальном этапе. Наконец все было готово для переворота.

Вечером в понедельник в соответствии с протоколом городского совета должны были приниматься подобные решения; ходатайство Каупервуда было публично оглашено, в спешном порядке рассмотрено членами городского совета и получило одобрение. Для публичной дискуссии не было времени, а Каупервуд и Маккенти, разумеется, старались ее избежать. На следующий день Шрайхарт через своих юристов и управляющих старых газовых компаний поспешно обратился в газеты и объявил происходящее чистой воды грабежом, – но что они могли поделать? Для настоящего скандала оставалось слишком мало времени. Городские газеты, зависимые от солидной финансовой группы, стали писать о «нечестной игре со старыми компаниями», о неразумности конкурирующих компаний там, где предпочтительна монополия. И все же общественность, подстрекаемая агентами Маккенти, была еще не готова принять случившееся. Потребитель все еще был на стороне известных ему старых поставщиков газа.

Вечером в понедельник, когда постановление городского совета наконец было утверждено, президент газовой компании Южной стороны мистер Сэмюэль Блэкмен, небольшой худенький человек, с лицом, обрамленным бакенбардами, произнес с глубоким чувством:

– Это скандал! Если мэр поставит свою подпись, его следует отстранить от должности. Сегодня вечером все голоса были куплены – абсолютно все! Это настоящий бандитизм в нашем родном городе; люди, годами строившие свое дело, не могут чувствовать себя в безопасности!

– Вы абсолютно правы в каждом слове, – жалобно поддержал его мистер Джордан Джулс, президент компании Северной стороны, невысокий толстый человек с яйцеобразной бахромой волос вокруг лысины и жесткими голубыми глазами. Рядом с ним стоял высокий медлительный мистер Хадсон Бейкер, президент Западной компании. Все трое пришли, чтобы заявить свой протест.

– Все из-за этого негодяя из Филадельфии. Он – причина всех наших несчастий. Честным деловым людям давно пора понять, с каким типом им приходится иметь дело. Он должен покинуть Чикаго. Только посмотрите на его заслуги в Филадельфии! Там его отправили в тюрьму, и здесь его следует отправить туда же.

Мистер Бейкер, верный соратник Шрайхарта, недавно нанесший ему визит, тоже был крайне огорчен.

– Этот человек – настоящий шарлатан, – обратился он к Блэкмену. – Он мошенник. Ему не место в порядочном обществе!

Несмотря на это, постановление было принято, что стало горькой пилюлей для мистера Нормана Шрайхарта, мистера Норри Симмса и всех остальных, имевших несчастье занять их сторону. Комиссия, состоявшая из представителей трех компаний, нанесла визит мэру Чикаго, но последний, будучи пешкой в руках Маккенти, поставил свою подпись. Каупервуд получил долгожданную концессию и теперь, несмотря на крики и стоны, дал понять, кто здесь главный. Один лишь Шрайхарт продолжал думать, что его личные счета с Каупервудом еще не окончены. Он собирался встретиться с финансистом позже по какому-нибудь другому поводу, но пока, будучи проницательным человеком, был готов на компромисс.

Через некоторое время, постаравшись притушить нанесенную обиду, он стал искать встречи с Каупервудом в обоих клубах, где тот получил членство, но Каупервуд тщательно избегал его общества, так что Магомету пришлось прийти к горе. Однажды, тихим июньским днем, мистер Шрайхарт пришел в контору Каупервуда. На нем был новенький костюм стального цвета и соломенная шляпа. Из нагрудного кармана, согласно последней моде, выглядывал шелковый носовой платок с голубой каемкой, на ногах красовались безупречно начищенные полуботинки.

– Через несколько дней я отплываю в Европу, мистер Каупервуд, – добродушно сказал он. – Так что я решил потолковать с вами: не сможем ли мы достигнуть какого-либо соглашения. Само собой, боссы старых компаний не хотят иметь конкурентов в этой области, и я уверен, что вы не заинтересованы в ведении бесполезной тарифной войны, которая никому не выгодна. Насколько я помню, вы были готовы к компромиссу на условиях равных долей. Придерживаетесь ли вы до сих пор этого мнения?

– Садитесь, садитесь, мистер Шрайхарт, – приветливо произнес Каупервуд, указывая гостю на стул. – Очень рад снова видеть вас. Нет, я не более заинтересован в тарифной войне, чем вы. По сути, я надеялся избежать ее, но, видите ли, со времени нашей последней встречи обстоятельства несколько изменились. Джентльмены, учредившие новую городскую компанию и вложившие свои деньги, совершенно готовы, в сущности, даже хотят, продолжить это дело и развивать законный бизнес. Они совершенно уверены, что могут это сделать, и я согласен с ними. Между старыми и новыми компаниями возможно достижение компромисса, но уже иначе. С тех пор была создана новая компания, выпущены акции и потрачены большие деньги. (Это была неправда.) Этот капитал должен быть учтен в новом соглашении. Полагаю, корпорация весьма желательна, но она будет существовать за счет обмена одной старой акции до четырех новых по номиналу, не по рыночной стоимости.

Лицо мистера Шрайхарта удивленно вытянулось.

– Вам не кажется, что это дороговато? – помрачнев, спросил он.

– Нет, что вы! – отозвался Каупервуд. – Вы же понимаете, что наши новые издержки были отнюдь не добровольными. (Его ирония не ускользнула от мистера Шрайхарта, но тот предпочел промолчать.)

– Я признаю это, но вам не кажется, что поскольку сейчас ваши акции практически ничего не стоят, то можно было бы довольствоваться обменом по номиналу?

– Не понимаю, с какой стати, – ответил Каупервуд. – У нас хорошие перспективы. Соглашение возможно только на равных условиях или вообще невозможно. Я хочу знать, сколько новых акций вы хотите сохранить у себя, после того как старые акционеры получают свои доли?

– Ну, как я и предполагал раньше, от тридцати до сорока процентов от всего выпуска, – ответил Шрайхарт, все еще надеявшийся на выгодную сделку. – Думаю, мы можем прийти к соглашению на этой основе.

– А кто получит этот пакет?

– По всей видимости, учредители, – осторожно сказал Шрайхарт. – Вероятно, мы с вами.

– И как вы потом рассчитываете поделить его? Пятьдесят на пятьдесят, как и раньше?

– Полагаю, это было бы справедливо.

– Этого недостаточно, – отрезал Каупервуд. – После нашего предыдущего разговора я был вынужден принять на себя обязательства и заключить соглашения, не входившие в мои первоначальные расчеты. Лучшее, что я могу предложить, это мое участие на три четверти.

Шрайхарт оскорбленно выпрямился. «Это возмутительно! – подумал он. – Неслыханно! Что за наглость?»

– Это невозможно, мистер Каупервуд, – сквозь зубы процедил он. – Вы пытаетесь сбросить на баланс новой компании огромную массу никчемных акций. Как известно, акции старых компаний торгуются от ста пятидесяти до двухсот десяти долларов за штуку; ваши же акции не стоят ничего. Если вы хотите выручить по две или три к одному за эти бумажки, да еще получить три четверти остатка, я не желаю иметь ничего общего с подобной сделкой. Вы хотите контролировать новую компанию и распылить ее капитал – так поступает только жулье. Лучшее, что я мог бы предложить акционерам старых компаний, – это пятьдесят на пятьдесят. И скажу откровенно, хотя вы не поверите: старые компании не согласятся ни на одну схему, которая передала бы контрольный пакет в ваши руки. Они чрезвычайно возмущены и не собираются успокаиваться. Для вас это будет означать долгую изнурительную борьбу, но они не пойдут на компромисс. В общем, если у вас имеется какое-то действительно разумное предложение, то я с радостью выслушаю его. Иначе, боюсь, эти переговоры ни к чему не приведут.

– Равноценный обмен акций и три четверти остатка, – сурово повторил Каупервуд. – У меня нет желания контролировать новую компанию. Если они захотят собрать средства и выкупить мои активы на этих условиях, то я готов продать свои компании. Мне нужен достойный доход на вложенный капитал, и я собираюсь его иметь. Я не могу говорить за остальных, кто поддерживает меня, но пока я представляю их интересы, они ожидают получить именно такой результат.

Мистер Шрайхарт в гневе ушел прочь. Он рассердился не на шутку. Предложение, сделанное Каупервудом, было настоящим мошенничеством. При необходимости он был готов выйти из капитала старых компаний и предоставить им возможность разбираться с Каупервудом по собственному усмотрению. Но пока он имеет отношение к этому, Каупервуд никогда не добьется контроля над газовыми поставками. Возможно, будет лучше поймать его на слове, собрать средства и выкупить его активы, пусть даже по заоблачной цене. Тогда старые компании смогут продолжать свое дело, как и прежде, и без всяких треволнений. Но что за мошенник! Что за выскочка! Как хитроумно, сильно и стремительно он все провернул! Это крайне раздражало мистера Шрайхарта.

В конце концов стороны достигли компромисса, при котором Каупервуд получал половину резервных акций от всего выпуска и по две акции объединенной компании за каждую акцию своих новых компаний. Одновременно была проведена операция по продаже акционерного капитала старым компаниям, позволившая Каупервуду выйти из этого бизнеса. Это была очень выгодная сделка, и он смог щедро вознаградить не только мистера Маккенти и Эддисона, но и остальных, кто был связан с ним. Маккенти и Эддисон заверяли его, что это был

блестящий ход. Теперь, после одержанной победы, он стал оглядываться по сторонам в поисках новых свершений.

Но эта победа сопровождалась определенными сложностями в другом направлении: теперь будущее Каупервуда и Эйлин в светском обществе оказалось под сомнением. Шрайхарт, имевший значительное влияние в высшем свете и потерпевший поражение от Каупервуда, стал его непримиримым врагом. Разумеется, Норри Симмс тоже принял сторону своих старых партнеров. Но самый тяжкий удар пришел со стороны миссис Энсон Меррилл. Вскоре после новоселья Каупервудов, когда газовые распри и обвинения в заговоре достигли кульминации, она побывала в Нью-Йорке, где случайно встретила свою старую знакомую, миссис Мартин Уолкер из Филадельфии, принадлежавшей к тому кругу избранных, куда честолюбивый Каупервуд уже довольно давно и тщетно пытался попасть. Миссис Меррилл, которая знала об интересе, пробужденном Каупервудами у миссис Симмс и других гостей, ухватила за возможность выяснить что-то определенное.

– Кстати, вам не приходилось слышать о Фрэнке Алджерноне Каупервуде или о его жене в Филадельфии? – поинтересовалась она у миссис Уолкер.

– А что, дорогая Нелли, разве эти люди обосновались в Чикаго? – откликнулась ее подруга, ошеломленная, что такая светская дама, как миссис Меррилл, могла упомянуть о них. – Его карьера в Филадельфии, мягко говоря, была живописной. Он был связан с городским казначеем, укравшим пятьсот тысяч долларов, и оба отправились в тюрьму. Но это было еще не все! Он вступил в связь с юной девицей – кстати, это была мисс Батлер, сестра Оуэна Батлера, который теперь имеет значительное влияние в Филадельфии, а потом... – Она возвела очи горе. – Пока он сидел в тюрьме, его отец умер, а семья распалась. Я даже слышала, что старый джентльмен покончил с собой. (Она имела в виду отца Эйлин, Эдварда Мэлию Батлера.) Когда Каупервуд вышел из тюрьмы, он исчез, а потом кто-то сказал, что он уехал на Запад, развелся с женой и снова женился. Его первая жена с двумя детьми до сих пор живет в Филадельфии.

Миссис Меррилл была шокирована, но не показала виду.

– Довольно интересная история, не так ли? – равнодушно заметила она, думая, как легко теперь будет поставить Каупервудов на место и как она рада, что никогда не проявляла особого интереса к ним. – Вы когда-нибудь видели ее... эту новую жену?

– Кажется, да, но я забыла, где именно. Она вроде бы любила прогулки верхом и часто разъезжала в коляске по улицам Филадельфии.

– У нее были рыжие волосы?

– Ну да. Весьма экзотическая блондинка.

– Полагаю, речь идет об одном и том же человеке. Недавно о них писали в чикагских газетах, я просто хотела убедиться.

Миссис Меррилл уже обдумывала свои остроумные комментарии по этому поводу в ближайшем будущем.

– Полагаю, теперь они стараются проникнуть в чикагское общество? – Миссис Уолкер иронично улыбнулась, как бы выражая мнение чикагского света о Каупервудах.

– Они могли бы попытаться сделать это у себя и добиться успеха, впрочем, не знаю, – язвительно заметила миссис Меррилл. – Но в Чикаго между попыткой и успехом есть большая разница.

Этого было достаточно, чтобы положить конец обсуждению. Когда миссис Симмс в очередной раз неосторожно упомянула Каупервудов, или скорее необычную шумиху вокруг самого имени Каупервуда, ей не преминули напомнить, какого мнения нужно придерживаться.

– Прислушайтесь к моему совету, – сказала миссис Меррилл. – Чем меньше общего вы будете иметь с этими новыми знакомыми, тем лучше. Мне все известно о них. Вам с самого начала не следовало встречаться с ними; они никогда не будут приняты в приличном обществе.

Миссис Меррилл не потрудилась объяснить причину, но миссис Симмс вскоре узнала правду от своего мужа и преисполнилась праведным гневом. По правде говоря, она была немного испугана. «Но кого можно винить в этом?» – подумала она. Кто их познакомил? Разумеется, Эддисоны. Но их влияние в обществе было недостижимо, так что о претензиях к ним не могло быть и речи. Однако Каупервудов следовало немедленно исключить из списков и поставить в известность об этом всех друзей, что и было сделано. Престиж Каупервудов в обществе был поколеблен, хотя и не слишком заметно.

Первый признак наступившей перемены заметила Эйлин: стали реже приносить визитные карточки и приглашения на приемы, которые еще недавно поступали в изобилии. Затем количество гостей, приходивших на ее собственные, слишком поспешно учрежденные, но регулярные приемы по средам, уменьшилось до жалкой кучки. Сначала она не могла этого понять, отказываясь верить, что после столь очевидного триумфа на новоселье в собственном доме недавние почитатели ее красоты вдруг охладели к ней. Из семидесяти пяти или пятидесяти человек, которые могли нанести визит или прислать приглашение, через три недели после новоселья откликнулись только двадцать. Еще через неделю их количество сократилось до десяти, а через пять недель – практически никого. Правда, несколько человек, еще искавших ее внимания, а также Тейлор Лорд и Кент Маккиббен, обязанные ее мужу своим финансовым благополучием, сохраняли верность, но на самом деле это было даже хуже, чем ничего. Эйлин была вне себя от разочарования, обиды и стыда. Есть люди с толстой кожей и железной выдержкой, способные перенести любые испытания, не имея душевных страданий и надеясь на победу, но она не принадлежала к их числу. Несмотря на врожденную смелость, на способность мало прислушиваться к общественному мнению и пренебрежение правами бывшей миссис Каупервуд, она со временем стала осознавать, чем может обернуться ее прошлое для ее будущего. Она могла найти себе оправдание юной страстью и мужской неотразимостью Каупервуда. При других обстоятельствах она могла бы спокойно, без скандала, выйти замуж. Теперь же только прочное положение в обществе должно было оправдать ее в собственных глазах и, как она думала, в глазах своего мужа.

– Можешь убрать сэндвичи в ящик со льдом, – обратилась она к дворецкому Луи после одного из первых неудачных приемов. Она имела в виду щедрый запас деликатесов, перевязанных розовыми и голубыми ленточками на превосходных тарелках севрского фарфора. – Цветы можно отослать в больницу. Слуги могут выпить кларет и лимонад. Пирожные можно подать к ужину.

Дворецкий церемонно кивнул.

– Да, мадам, – сказал он. Потом, словно желая подбодрить расстроенную хозяйку, добавил: – День выдался непогожий.

Эйлин вспыхнула. Она уже была готова поставить его на место, но в последний момент передумала.

– Полагаю, что так, – сухо ответила она и поднялась к себе. Если даже одно неудачное домашнее мероприятие вызывает у слуг сочувствие, значит, дела принимают нехороший оборот. На следующей неделе она убедилась, что дело не в погоде, а в действительной перемене общественного мнения. На этот раз вышло еще хуже. Певцам, которых она пригласила, пришлось заплатить, не воспользовавшись их услугами. Кент Маккиббен и Тейлор Лорд, осведомленные о слухах, уже доносящихся со всех сторон, все-таки пришли, но находились в подавленном состоянии духа. Эйлин сразу же заметила это. Вечер, на который из приглашенных откликнулись, кроме этих двоих завсегдатаев, только миссис Вебстер Израэль и миссис Генри Хаддлстоун, был печальным свидетельством катастрофы. Эйлин пришлось притвориться больной и извиниться перед ними. На третью неделю, опасаясь окончательного краха, она продолжала соблюдать «постельный режим». Потом она увидела, что прислали лишь три визитные карточки. Это был конец. Ее домашние приемы завершились полным провалом.

В то же самое время и Каупервуд получил свою долю недоверия и общественной изоляции, которые теперь были почти повсеместными.

Его первая догадка об истинном положении вещей пришла в связи с одним званым ужином, где им пришлось присутствовать, так как приглашение было получено давно, когда Эйлин была еще не уверена в неудаче своих вечеров. Ужин был устроен супругами Сандерленд Следд, которые не имели особого влияния в светском обществе и до которых еще не дошли безобразные слухи о Каупервудах или хотя бы о перемене в отношении к ним. В то время уже многим, в том числе Симмсам, Коттонам и Кингслендам, было известно, что Следды поступили неосмотрительно и что с Каупервудами нельзя иметь никаких дел.

На этот ужин были приглашены многие светские знакомые Следдов. Но, когда они узнали, что там ожидается появление Каупервудов, то все, выразив сожаление, отказались от приглашения. Кроме Следдов, там присутствовали лишь супруги Хоксэм, не представлявшие ни для кого особого интереса. Это был невыносимо скучный вечер. Эйлин пожаловалась на головную боль, и они отправились домой.

Вскоре после этого случая на приеме у соседей Хаадштадтов, куда они уже давно были приглашены, Каупервуды столкнулись с явной холодностью по отношению к себе, хотя хозяйева оставались дружелюбными. Еще недавно бомонд был рад познакомиться с Каупервудами, потому что всех восхищала красота Эйлин. Но в тот день Эйлин и Каупервуд недоумевали (хотя у обоих имелись подозрения), потому что им никто не был представлен. Многие знакомые ограничивались ничего не значащими фразами и старались держаться подальше. Каупервуд быстро понял затруднительность их положения.

– Думаю, нам лучше уйти пораньше, – обратился он к Эйлин через некоторое время. – Здесь не очень интересно.

Они вернулись домой, и, чтобы избежать разговоров с Эйлин, Каупервуд уехал. Сейчас ему не хотелось обсуждать случившееся.

Накануне приема в клубе «Юнион» он получил первый удар в свою сторону, хотя и косвенный. Однажды утром Эддисон, с которым он беседовал в конторе банка «Лейк Нэшнл», доверительно обратился к нему, и его слова прозвучали как гром с ясного неба:

– Я хочу вам кое-что сказать, Каупервуд. Теперь вы кое-что знаете о чикагском высшем обществе. Вам известно мое отношение к перипетиям вашей жизни, о которых вы мне поведали при нашем знакомстве. Сейчас о вас ходит масса слухов и сплетен, а в клубах, в которых мы с вами состоим, полно лицемеров, возбужденных кривотолками в местных газетах. Несколько акционеров старых компаний, которые являются членами этих клубов, пытаются поставить вопрос о вашем исключении. Они раскопали историю, о которой вы мне рассказали, и теперь собираются предъявить обвинения в клубные советы. В любом случае из этого ничего не выйдет, поскольку они обратились ко мне, но до следующего приема вы будете знать, что делать. Им придется включить вас в список приглашенных, хотя это противоречит их намерениям. (Каупервуд прекрасно понимал, о чем идет речь.) По моему мнению, эта нелепая ситуация рано или поздно забудется. Так обязательно случится, пока от меня что-то зависит, но пока...

Он дружелюбно посмотрел на Каупервуда, и тот улыбнулся в ответ.

– Джуд, по правде говоря, я ожидал чего-то в этом роде, – без смущения сказал он. – Я с самого начала ожидал этого. Не стоит обо мне беспокоиться, я все понимаю. Я видел, куда дует ветер, и знаю, когда нужно свернуть паруса.

Эддисон протянул ему руку и пожал ее.

– Но только не отступайтесь, что бы вы ни сделали, – озабоченно сказал он. – Это будет признанием вашей слабости, а они ждут этого. Я тоже этого не хочу. Стойте на своем, и все развеется, как дым. Думаю, они просто завидуют вам.

– Я и не собирался отступать, – ответил Каупервуд. – У них нет никаких оснований обвинять меня. И я понимаю, что вся эта шумиха утихнет и пыль осядет.

Однако он был глубоко огорчен, что дело дошло до подобного разговора хотя бы и с Эддисоном. Так называемое высшее общество имело способы навязывать свои взгляды и рекомендации.

Но больше всего возмутил Каупервуда, хотя он гораздо позже узнал об этом, некий отворот поворот, который получила Эйлин в доме супругов Симмс, когда ей высокомерно сообщили, что миссис Симмс нет дома, хотя коляски других гостей стояли возле подъезда. Вскоре Эйлин слегла в постель, и Каупервуд (поскольку тогда он не знал о причине) сильно встревожился.

Если бы не триумфальный финансовый триумф Каупервуда над противниками – полная победа в борьбе за контроль над газовыми компаниями, – его положение действительно было бы очень тяжелым. Но Эйлин жестоко страдала; она ощущала, что основной удар был целенаправленно нанесен ей, и ситуация едва ли изменится в ближайшее время. Они в конце концов были вынуждены признаться друг другу, что каким бы прочным и роскошным их дом ни казался со стороны, он готов рассыпаться, как картонный домик. Откровенные разговоры между близкими людьми, тесно связанными друг с другом, всегда бывают трудными. Человеческие души постоянно стремятся обрести друг друга, но редко достигают успеха.

– Ты знаешь, – наконец сказал он ей, когда неожиданно вернулся и обнаружил ее в постели с мокрыми от слез глазами, – я понимаю, что все это значит. По правде говоря, Эйлин, я ожидал этого. Мы с тобой слишком поспешили и преждевременно пожелали стать здесь своими. Но мне не нравится, что ты принимаешь это так близко к сердцу, моя милая. Битва еще не проиграна. Я считал тебя более храброй. Разреши мне напомнить кое-что, о чем ты вроде бы позабыла. Со временем деньги решат все эти проблемы. Сейчас я побеждаю в схватке, и впереди будут другие победы. Я уверен в этом. Так что, милая, не надо отчаиваться; ты еще очень молода. Тебе еще предстоят свои победы. Мы не можем избавиться от этого недоразумения сейчас и здесь, в Чикаго, но когда мы это сделаем, то заставим многих расплатиться по счетам. Мы уже богаты и станем еще богаче. Это решит все проблемы. А теперь тебе нужно сделать хорошенькое личико и выглядеть довольной: в этом мире есть много вещей, кроме светского общества, ради которых стоит жить. Вставай и одевайся, а потом мы поедем ужинать в ресторан. У тебя есть я. Разве это уже не кое-что?

– Да, – тяжело вздохнула Эйлин, но снова опустилась на подушку. Она обвила руками его шею и расплакалась и от радости утешения, и от горечи обиды. – Я хотела этого не только для себя, но и для тебя, – шептала она.

– Знаю, – шепнул он в ответ. – Но сейчас не нужно тревожиться об этом. С тобой все будет хорошо. С нами обоими. Полно тебе, вставай же!

Однако он сожалел о ее слабости, которой от нее не ожидал. Это оказалось неприятным сюрпризом для него. Он решил, что в один прекрасный день выставит светскому обществу суровый счет по этому поводу. Между тем Эйлин постепенно вернула себе привычную бодрость духа. Она устыдилась своей слабости при виде его стоического отношения.

– О Фрэнк! – воскликнула она. – Ты всегда такой замечательный и отважный!

– Ничего особенного, – добродушно отозвался он. – Если мы не победим в этой игре здесь, в Чикаго, то сделаем это в другом месте.

Он думал о блестящем завершении своих дел со старыми газовыми компаниями и с мистером Шрайхартом, и еще о том, сколь тщательно он подойдет к решению других вопросов, когда придет нужное время.

Глава 14

Подводные течения

Уже в первый год их вынужденного затворничества, а также позднее, Каупервуд осознал, что значит жить в изоляции от общества, которое постоянно напоминало ему, что его не считают достойным той среды, пусть она и состоит из посредственных личностей. Впервые пытаясь ввести Эйлин в высшее общество, он допускал, что какое бы скромное положение они ни занимали на первых порах, получив признание, они сами смогут добиться достойного положения и влияния. Однако с тех пор как Каупервудов стали считать отверженными, они, при желании устроить какой-нибудь прием, вынужденно ограничивались незначительными персонами и случайными знакомыми, например, заезжими художниками, певицами и актерами, которых приглашали на званый ужин после спектакля. Разумеется, люди незначительного положения в обществе, такие как Хаадштадты, Хоксэмы, супруги Видера и Бэйли, до сих пор дружески относились к ним и всегда были готовы заглянуть в гости. Время от времени Каупервуд находил возможность пригласить на ужин кого-то из деловых партнеров, любителя живописи или какого-нибудь художника, и в таких случаях Эйлин неизменно присутствовала за столом. Иногда Эддисоны навещали их или приглашали к себе. Но это было довольно тягостное существование, и чем дольше оно длилось, тем яснее становилось, что на этом поле Каупервуд потерпел поражение.

Насколько он мог понять, это поражение на самом деле произошло не по его вине. У него оставалось достаточно личных связей и знакомых, хорошо расположенных к нему. Если бы только Эйлин была женщиной немного иного склада! Он не собирался оставить ее или в чем-то упрекать. Она была предана ему в тяжкие дни и месяцы тюремного заключения. Она поддерживала и ободряла его, когда он нуждался в этом. Он собирался всегда быть рядом с ней и размышлял, что можно предпринять, но длительное отчуждение от общества становилось все более невыносимым. Кроме того, он сам привлекал внимание людей. Он сохранил друзей, которыми обзавелся по приезду в Чикаго, – Эддисон, Бейли, Видера, Маккиббен, Рэмбо и другие. Многие светские дамы сожалели о его исчезновении, но не об утрате общества Эйлин. Иногда кто-нибудь решался и приглашал его одного, без жены. Сперва он неизменно отказывался, но потом иногда стал посещать званые ужины без ведома Эйлин.

Со временем Каупервуд ясно понял огромную разницу по складу ума и характера между ним и Эйлин. Физически и эмоционально они с ней были близки, но она не могла понять многих вещей, которые занимали его, и последовать за ним на те высоты, которые постигал он. Чикагское высшее общество не могло служить образцом высоких качеств, но теперь он сравнивал Эйлин с лучшими представительницами женского пола из Старого Света, так как после своего финансового успеха и остракизма со стороны чикагской элиты он решил снова отправиться за границу. В Риме, бывая в посольствах Бразилии и Японии, где он был принят благодаря своему богатству, а также при недавно образовавшемся итальянском дворе, он встречался с очаровательными представительницами настоящих высших кругов общества: с итальянскими графинями, знатными англичанками, с американками, обладавшими вкусом и умением себя держать в обществе. Как правило, они отмечали его приятные манеры, его проныцательность и ум, по достоинству оценивали его исключительную натуру. Но всегда замечал холодное отношение к Эйлин. Она была слишком яркой, слишком пышно одетой, чуть вульгарной. Ее здоровье и вызывающая красота были своеобразным оскорблением более бледных и невзрачных особ, которые, впрочем, имели другие достоинства.

– Вот вам типичная американка, – услышал он замечание дамы на одном из тех больших придворных приемов, куда допускаются многие желающие и куда Эйлин твердо вознамерилась

отправиться. Он стоял в стороне, разговаривая с новым знакомым банкиром греком, говорившим по-английски, который остановился в «Гранд-Отеле», пока Эйлин прогуливалась с женой этого банкира. Реплику произнесла англичанка.

– Такой вызывающий вид, самодовольство и такая наивность! – продолжала она.

Каупервуд обернулся. Речь шла об Эйлин, а говорившая дама – ухоженная, с приятной внешностью и умным видом. Ему приходилось признать, что многое из сказанного ею было правдой, но как можно так оценивать женщин вроде Эйлин? Она не могла быть достойна осуждения, она всего лишь полнокровная, переполненная жизнелюбием молодая женщина. Для него она была привлекательной, и он не понимал, почему люди с консервативными взглядами так враждебно относятся к ней. Почему они не видели того, что видел он – непосредственность, тягу к показной роскоши, вероятно, происходившую из ее юности, когда она не имела возможности блеснуть в обществе, которой она жаждала и в которой нуждалась? Ему было жаль ее, и в то же время он склонялся к мысли, что теперь ему больше подошла бы другая женщина. Если бы это была женщина с более твердым характером, тонким художественным вкусом, умением находить правильный тон в любом обществе. Насколько лучше обстояли бы его дела!

Из этой поездки он привез картину Перуджино, превосходные работы Луини и Превитали, портрет Чезаре Борджиа кисти Пинтуриккьо, а также две огромные красные африканские вазы, купленные в Каире, деревянную резную позолоченную консоль времен Людовика XV, обнаруженную в Риме, два изысканных канделябра из Венеции, которые он собирался повесить на стены, и пару светильников из Неаполя для библиотеки. Так постепенно расширялась его художественная коллекция.

В то же время изменились его взгляды на женщин и суждения о них. Когда он впервые встретился с Эйлин, у него уже имелись некие представления о жизни и сексе, но главное – уверенность в то, что он имеет право поступать так, как ему хочется. С тех пор как он вышел из тюрьмы и снова начал восхождение к вершинам богатства и власти, он замечал мимолетные взгляды, брошенные в его сторону, недвусмысленные намеки на свою привлекательность. Хотя он лишь недавно стал законным супругом Эйлин, она долгие годы была его любовницей, и первое увлечение – а оно было страстным – пошло на убыль. Он любил ее не только за красоту, но и за верное сердце и пылкость, но способность других женщин пробуждать в нем мимолетний интерес и даже страсть была чем-то таким, чего он не мог понять, объяснить или оценить с моральной точки зрения. Ему не хотелось ранить чувства Эйлин, и он скрывал от нее, что его влечет к другим женщинам, тем не менее это было так.

Вскоре после возвращения из Европы он вошел в дорогой галантерейный магазин на Стейт-стрит, чтобы купить галстук. Входя в магазин, он заметил женщину, которая рассматривала витрины. Она принадлежала к тому типу женщин, которые теперь восхищали его, хотя он наблюдал их со стороны. Она была энергичной, изящной и стройной, с ладной фигурой, темными глазами и волосами, смуглая, с маленьким ртом и немного вздернутым носом – довольно необычная внешность для Чикаго того времени. Вызывающее выражение ее глаз свидетельствовало о жизненном опыте, чувствовалась в ней дерзость, пробудившая в Каупервуде чувство мужского превосходства, желание повелевать и властвовать. На провокационно-высокомерный взгляд, который она метнула в его сторону, он ответил властным взглядом, от которого она словно чуть притихла. Его взгляд не был тяжелым, но настойчивым и наполненным внутренним смыслом. Дама была довольно ветреной женой преуспевающего юриста, поглощенного самим собой и своей работой. После обмена взглядами она напустила на себя равнодушный вид, но немного задержалась, словно внимательно рассматривая кружева. Каупервуд продолжал наблюдать за ней в надежде поймать еще один мимолетний, но заинтересованный взгляд. У него было назначено несколько встреч, на которые ему не хотелось опоздать, но он достал записную книжку и написал на листке название отеля с припиской внизу: «Гостиная, второй этаж, вторник в 13.00». Проходя мимо нее, он сунул записку в ее обтянутую перчаткой опущен-

ную руку. Пальцы автоматически сомкнулись на записке. Она все заметила и поняла. В назначенный день и час она была там, хотя он не назвал своего имени. Эта связь, хотя и очень приятная для него, продолжалась недолго. Дама была интересной, но слишком капризной.

У Хаддлстоунов, прежних соседей по Мичиган-авеню, однажды вечером на небольшом званом ужине он встретил девушку лет двадцати, на первых порах чрезвычайно заинтересовавшую его. Ее имя звучало не слишком привлекательно – Элла Ф. Хабби, как он узнал впоследствии, – но сама она была вполне привлекательной. Ее главным достоинством было бойкое, смешливое выражение лица и веселые глаза. Она была дочерью преуспевающего комиссионера на Саут-Уотер-стрит. Причина ее собственного интереса к Каупервуду была вполне естественной. Она была юной, глупенькой и впечатлительной, легко увлекалась блеском чужой славы, а миссис Хаддлстоун высоко отзывалась о Каупервуде, о его жене и о великом будущем, которое его ждало. Когда Элла увидела его и убедилась, что он еще молод, умеет ценить красоту и далеко не столь суров, по крайней мере к ней, она совершенно зачаровалась им, и когда Эйлин отворачивалась в сторону, ее взгляд постоянно встречался с его взглядом, а его дружелюбный смех вызывал у нее восхищение. Когда они входили в гостиную, он любезно сказал ей, что если она когда-нибудь окажется поблизости от его конторы, то в любой момент может зайти к нему. Его взгляд выражал заинтересованность и был встречен благодарным и смущенным взглядом. Она пришла, и это стало началом довольно короткого романа. Девушка была занятой, но не захватила его. Ей не хватило характера и темперамента, чтобы привязать его к себе после того, как его любопытство было исчерпано.

Потом он недолго встречался с другой женщиной, которую знал раньше, с миссис Жозефиной Лидуэлл, остроумной вдовой, обратившейся к нему по поводу игры на товарной бирже, но сразу же после знакомства осознавшей привлекательность флирта с Каупервудом. Она напоминала Эйлин, но была немного старше, не такой красивой и обладала цепким коммерческим складом ума. Она заинтересовала Каупервуда, потому что была аккуратной, независимой и расчетливой. Она изо всех сил старалась удержать Каупервуда, в итоге ее квартира на Северной стороне была главным местом для их встреч. Эта связь продолжалась месяца полтора. Он не испытывал сильных чувств к ней. Любую женщину, с которой сближался, он сравнивал с красотой Эйлин, каждая, того не ведая, соперничала с ней – той, какой она была в ее былом очаровании. А это было не просто.

Однако в этот период светского затишья, чем-то напоминавший период его теплых отношений с первой женой, Каупервуд наконец встретил женщину, оставившую заметный отпечаток в его жизни. Он не скоро смог забыть ее. Ее звали Рита Сольберг. Она была женой датского скрипача, довольно молодого человека, который тогда жил в Чикаго, но сама не была датчанкой, муж ее не был выдающимся скрипачом, хотя обладал несомненным музыкальным талантом.

Вероятно, вам приходились видеть амбициозных мечтателей и непризнанных гениев, претендующих на успех в какой бы то ни было области. Все это интересные люди, с упрямством предаются делу, которому хотят посвятить жизнь. Они являют все внешние признаки и отличительные черты своих профессий, однако являются «медью звенящей и кимвалами бряцающими». Стоило лишь познакомиться с Гарольдом Сольбергом, чтобы понять, что он принадлежит к такому типу людей искусства. У него был артистический вид, горящий взор, длинные темно-каштановые локоны, которые он зачесывал назад, оставляя одну прядь по-наполеоновски ниспадающей на лоб. Его щеки имели почти младенческий румянец, слишком полные, красные и чувственные губы; большой нос с горбинкой; рыжие усы и брови как будто пылали вместе с его беспокойной и ничтожной душой. Его отослали из Копенгагена, где к двадцати пяти годам он ничего не добился, но постоянно влюблялся в женщин, не желавших иметь ничего общего с ним. В Чикаго он стал давать уроки музыки и имел скромный пансион в сорок долларов, ежемесячно присылаемый матерью. У него было несколько учеников, и благодаря

некой странной экономии, которая позволяла ему то хорошо одеваться и жить впроголодь или хорошо питаться и ходить в обносках, он мог как-то существовать и даже окружил себя романтическим ореолом. Ему было двадцать восемь лет, когда он познакомился с Ритой Гринаф из Уичиты в штате Канзас. Ко времени знакомства с Каупервудом Гарольду было тридцать четыре года, а его жене – двадцать семь лет.

Рита училась в Чикагском колледже изящных искусств и на разных студенческих мероприятиях повстречалась с Гарольдом, чья игра на скрипке показалась ей божественной, а жизнь состояла из сплошного искусства и романтики. Весна и озеро, залитое солнечным светом, белые паруса, несколько мечтательных прогулок и беседы в предвечерние часы, когда город плавал в золотистой дымке, – и дело было сделано. Затем последовало внезапное бракосочетание в субботний день, однодневная свадебная поездка в Милуоки, возвращение в студию, теперь оборудованную для двоих, и поцелуи, поцелуи, пока любовный голод не был удовлетворен.

Но жизнь не может долго продолжаться на такой диете, и постепенно между ними возникли осложнения. К счастью, они не были вызваны острой материальной нуждой, ибо Риту нельзя было назвать бедной. Ее отец держал небольшой, но прибыльный элеватор в Уичите, и после ее внезапного замужества продолжил посылать ей деньги, хотя возвышенное искусство, живопись и музыка была для него чуждой, далекой и неопределенной вещью. Худой, старательный, добродушный человек, заботившийся о своем небольшом деле, довольствующийся ограниченным кругом общения в Уичите, он относился к Гарольду примерно как к адской машинке – с осторожностью и некоторой опаской. Но постепенно, будучи очень добродушным простым человеком, он стал очень гордиться зятем и с гордостью рассказывая в Уичите о Рите и о ее талантливом муже-музыканте. Он пригласил их к себе на лето, чтобы произвести впечатление на соседей, осенью его жена, похожая на фермершу, приехала к ним, посещала художественные вечеринки и чаепития в художественной студии. Это было очень по-американски, забавно, наивно и по-своему нелепо.

Рита Сольберг была по натуре флегматичной. Ее пышное тело обещало располнеть еще до сорока лет, но пока что она была заманчиво привлекательной. Обладая мягкими, шелковистыми светло-каштановыми волосами, влажными голубовато-серыми глазами, со светлой кожей и ровными белыми зубами, она недооценивала свою прелесть. С какой-то детской непосредственностью она притворялась, будто не ведает о трепете, какой вызывает ее облик у влюбчивых мужчин, однако хорошо понимала, что она делает, когда делала это, причем с немалым удовольствием. Она создавала привлекательность своих гладких, округлых рук и шеи, пышность и соблазнительность своих форм, элегантность своей одежды или как минимум индивидуальность и хороший вкус, который она проявляла в выборе нарядов. Она могла взять старую соломенную шляпу, ленту, перо или розочку и с прирожденным художественным мастерством превратить ее в дамскую шляпку, подходящую только ей. Она выбирала простые сочетания белых и голубых, розовых и белых, коричневых и бледно-желтых тонов, которые каким-то образом служили отражением ее бесхитростной души, и дополняла их широким кушаком из коричневого или красного шелка, большими шляпами с мягкими полями, выгодно оттенявшими ее лицо. Она умела грациозно танцевать, немного пела и с чувством, иногда блестяще играла, хорошо рисовала. Ее искусство было основано на импровизации, поэтому ее нельзя было назвать художницей. Самой значительной вещью были ее мысли и настроения, неопределенные, случайные и своевольные. С точки зрения общепринятой морали Рита Сольберг была опасным человеком, однако, по ее собственному мнению, она была лишь мечтательной и чувствительной женщиной.

Отчасти раздвоенное состояние ее души объяснялось тем, что Рита начинала испытывать горькое разочарование в своем муже. По правде говоря, он страдал самым ужасным недугом из всех возможных: неуверенностью в себе и неспособностью найти свое призвание. Иногда

он сомневался, стать ли ему великим скрипачом, композитором или педагогом, хотя он отказывался признавать последнее.

– Я артист! – любил повторять он. – Но как же я страдаю от своего таланта!

«Собаки! Свины! Тупые коровы!» – так он отзывался о других людях. Играл он неровно, хотя временами у него получалось утонченно, нежно и столь проникновенно, что иногда приносило успех. Но обычно исполнение отражало хаотичность его мышления, он играл так страстно, самозабвенно, что терял контроль над техникой игры.

– О Гарольд! – поначалу восторженно восклицала Рита. Потом она стала более сдержанной.

Жизнь и карьера действительно должны куда-то двигаться, чтобы быть достойными восхищения, но Гарольд на самом деле топтался на месте. Он преподавал, горячился и скорбел о своей доле, но неизменно ел три раза в день и временами интересовался другими женщинами. Рита считала достоинством быть всем для единственного мужчины, но с годами Гарольд начал изменять ей, сначала просто заглядываясь на них, а потом и вполне конкретно, – и ее терпение иссякло. Она вела счет его увлечениям: сначала его ученица, потом студентка из школы живописи, жена банкира, в чьем доме Гарольд играл на званом ужине. Рита мрачнела, становилась все более замкнутой, Гарольд раздражался вынужденными, униженными раскаяниями, плакал, затем следовали бурные, страстные примирения, а потом все начиналось сначала. Что тут поделаешь?

Рита больше не ревновала Гарольда и перестала верить в его талант. Но ей было досадно, что ее достоинств оказалось маловато, чтобы он не изменял ей. Это оскорбляло ее красоту, а она все еще оставалась красивой. Она была полноватой, не такой высокой, как Эйлин, но с более округлыми и мягкими формами и по-своему более соблазнительной. Она не была слишком энергичной, но ее глаза, губы и подвижный ум обладали странной притягательностью. Она значительно превосходила Эйлин в своем развитии, лучше разбиралась в живописи, музыке, литературе и текущих событиях; в любви она была гораздо более загадочной и привлекательной. Она многое знала о цветах, драгоценных камнях, птицах, насекомых, читала книги и помнила литературных персонажей.

Когда Каупервуды познакомились с Сольбергами, Гарольд все еще имел студию в Нью-Артс-Билдинг, их жизнь казалась безмятежной, как майское утро, кроме самого хозяина. Он плыл по течению, не в силах причалить к определенному берегу. Знакомство произошло во время чайной вечеринки у Хаадштадтов, с которыми Каупервуды сохраняли дружеские отношения, – Гарольд играл на скрипке. Эйлин, чувствующая себя одинокой, увидела возможность немного порадовать себя и пригласила Сольбергов. Они приехали.

Каупервуд с первого взгляда вынес точное суждение о Сольберге. «Неустойчивый тип, эмоциональная натура, – подумал он. – Вероятно, не может найти себя из-за слабости и нежелания трудиться». Однако Сольберг ему понравился. Скрипач представлял собой интересный художественный тип, вроде персонажа старинной японской гравюры. Он любезно принял его.

– Миссис Сольберг, я полагаю? – любезно сказал он, почувствовав покой, исходивший от нее, и присущий ей вкус. Она была одета в скромное белое с голубой отделкой платье, украшенное узкой синей кружевной оборкой. Ее обнаженные руки и шея были прелестны. Живые глаза были по-детски раскрыты, как будто она все время чему-то удивлялась.

– Вы знаете, – говорила она, по привычке чуть выпятив губы, – я думала, что мы никогда не доберемся сюда. На Двадцатой улице случился пожар. – Она растягивала слова и глотала согласные. – Сколько там пожарных! Столько огня и дыма! Огонь был багровый, почти оранжевый и черный. Очень красиво смотрится, как вы думаете?

Каупервуд был очарован.

– Да, разумеется, – благодушно произнес он, выбрав снисходительный, но сочувственный тон, который был ему свойствен в некоторых случаях. Миссис Сольберг вызывала в нем отеческие чувства, казалась наивной, но и была очаровательной, в ней чувствовался характер и индивидуальность. Ее руки и лицо показались ему прекрасными. Со своей стороны, миссис Сольберг увидела элегантного, волевого, сдержанного мужчину и, как она думала, очень способного, с блестящими, пронизательными глазами. Она подумала также, как сильно он отличается от Гарольда, который никогда не добьется ничего, даже если не станет известным музыкантом.

– Я очень рада, что вы принесли скрипку, – между тем сказала Эйлин Гарольду в другом углу комнаты. – С нетерпением жду, когда вы поиграете для нас.

– Очень мило с вашей стороны, – ответил Гарольд с заметным, но приятным скандинавским акцентом. – У вас замечательный дом, прекрасные книги, нефрит, хрусталь!

Когда Гарольд хочет кому-то польстить, он становится мягким, податливым. Ему нужна сильная, богатая женщина, которая могла бы позаботиться о нем, подумала Эйлин. Сейчас он был похож на энергичного, непоседливого подростка.

После ужина Сольберг играл. Каупервуд заинтересовал весь его облик с устремленным в пространство взглядом и падающими на лоб волосами. Но гораздо больше его заинтересовала миссис Сольберг, на которую он то и дело поглядывал. Он внимательно смотрел на ее пальцы, перебиравшие клавиши, любовался ямочками на локтях. Что за восхитительный рот, подумал он, и какие светлые мягкие волосы! Но больше всего ему нравилась ее игра – приглушенная нежность, которая проникала в его душу и влекла к ней, даже вызывала некоторую страсть. Такие женщины ему нравились. Она была чем-то похожа на Эйлин шесть лет назад (теперь Эйлин было тридцать три года, а миссис Сольберг двадцать семь лет), но Эйлин всегда была более энергичной, иногда грубоватой и не такой мечтательной. Наконец, он пришел к выводу, что миссис Сольберг напоминает ему раковину из тропических морей, теплую, переливчатую, изысканную. Никогда еще в обществе ему не встречались женщины, похожие на нее. Она была влекущей, чувственной и прекрасной. Он не сводил с нее глаз, пока она не осознала, что он смотрит на нее, и тогда ответила ему взглядом, немного изогнув брови и сжав уголки губ. Каупервуд был пленен ею. «Можно ли надеяться? – думал он. – Означает ли эта улыбка большее, чем просто светская учтивость?» Вероятно, нет; но может ли столь богатая натура откликнуться на его чувства? Когда она закончила играть, он воспользовался удобным моментом и спросил:

– Не желаете ли осмотреть картинную галерею? – Он предложил ей руку. – Вы любите живопись?

– Знаете ли, одно время я думала, что стану великой художницей, – кокетливо отозвалась миссис Сольберг. – Ну, разве не смешно! Однажды я послала отцу свой рисунок с надписью «Тому, кому я обязана всем, что имею». Вам стоило бы увидеть тот мой рисунок, чтобы убедиться, как это забавно.

Она тихо рассмеялась.

Каупервуд внезапно почувствовал в душе прилив жизненных сил. Ее смех был подобен дуновению летнего ветерка.

– Посмотрите, – негромко сказал он, когда они вошли в комнату, озаренную мягким сиянием газовых рожков. – Вот Луини, купленный прошлой зимой.

Это было «Мистическое обручение святой Екатерины». Каупервуд помедлил, пока она изучала неземное блаженство на тонком лице святой.

– А здесь, – продолжал он, – находится самое ценное приобретение, сделанное мною.

Они стояли перед исполненным выдающегося мастерства портретом Чезаре Борджиа работы Пинтуриккьо.

– Какое странное лицо! – простодушно заметила миссис Сольберг. – Я не знаю ни одного другого художника, который бы написал его портрет. Здесь он сам похож на художника, не правда ли?

Ей не приходилось читать историю сатанинских походов этого человека, и до нее доходили лишь слухи о его преступлениях и кознях.

– В своем роде он и был художником, – улыбнулся Каупервуд, хорошо знакомый с жизнеописанием Чезаре Борджиа, его отца, папы Александра VI, которое в свое время и послужило причиной для покупки картины. У него лишь недавно появился интерес к деяниям Чезаре Борджиа. Миссис Сольберг едва ли уловила иронию, заключенную в его словах.

– А вот портрет миссис Каупервуд, – заметила она, повернувшись к картине Ван Бирса. – Какие нежные краски, не так ли? – с важным видом произнесла она, но даже эта невинная надменность понравилась ему. В женщинах ему нравилось некоторое тщеславие и чуть-чуть самонадеянности. – Что за роскошные цвета! Мне нравится идея сада и облаков.

Она отступила назад, и Каупервуд, занятый только ею, любовался изгибом ее спины и профилем. Какая гармония линий и красок! «Где каждое движение играет и поет», – хотелось добавить ему, но вместо этого он сказал:

– Это было в Брюсселе. Облака и вазу на стене художник добавил потом.

– Думаю, очень хорошо, – заключила миссис Сольберг и отошла в сторону.

– А как вам этот Израэльс? – спросил он, имея в виду картину «Скудная трапеза».

– Мне нравится, – просто ответила она. – А также вот это полотно Бастьен-Лепажа. (Она имела в виду «Кузницу».) – Но мне кажется, что ваши старые мастера выглядят гораздо интереснее. Если вы сможете приобрести еще, то, наверное, их нужно будет выставить в отдельной зале. Вам так не кажется? Но о вашем Жероме я невысокого мнения.

Она манерно растягивала слова, что казалось ему необыкновенно милым.

– Почему? – поинтересовался Каупервуд.

– Ну, вам не кажется, что он довольно искусственный? Мне нравится колорит, но женские тела слишком совершенны. Хотя выглядит красиво.

Каупервуд мало верил в женские способности, считал их своеобразными произведениями искусства; однако в тот момент женщины могли постичь нечто особенное, что обогащало его собственное восприятие. Он понимал, что Эйлин не в состоянии сделать такого глубокого и обдуманного замечания. Сейчас его жена была не так хороша, как эта женщина, не столь обманчиво-простодушной и наивной, не такой очаровательной и умной. Муж миссис Сольберг, рассуждал Каупервуд, напыщенный глупец. Интересен ли ей он, Фрэнк Каупервуд? Сможет ли такая женщина уступить его обаянию, не настаивая на разводе и повторном браке? Он задавал себе этот вопрос. Со своей стороны, миссис Сольберг думала, каким сильным был этот мужчина во всех отношениях и как близко от нее он стоит. Она ощущала его интерес, поскольку часто чувствовала такое же отношение к себе других мужчин и понимала, что это означает. Она сознавала обаяние своей красоты, и, хотя она кокетничала так же искусно и порой рискованно, но предпочитала держаться осторожно, полагая, что вряд ли встретишь мужчину, который оценит ее по достоинству. Сейчас она подумала, что Эйлин не та женщина, которая должна быть около него.

Глава 15

Новая привязанность

Сближению Каупервуда и Риты Сольберг косвенно поспособствовала Эйлин, у которой появился смешной сентиментальный интерес к Гарольду, не имевший ничего серьезного. Он нравился ей, потому что был любезным, лстивым и чувствительным человеком, когда хотел понравиться женщинам, особенно красивым женщинам. Ее посетила мысль подыскать ему новых учеников, и было просто приятно посетить студию Сольбергов. Ее светская жизнь до сих пор была беспросветно унылой. Поэтому она отправилась к Сольбергам, и Каупервуд, вспоминая миссис Сольберг, присоединился к ней. Всегда практичный, он поощрял интерес Эйлин. Он предложил ей пригласить их на ужин, а также устроить музыкальный вечер, чтобы Сольберг получил какое-нибудь вознаграждение за свою игру. Были забронированы ложи в театре, разосланы билеты и приглашения на музыкальные концерты по воскресеньям и в другие дни.

В таких ситуациях сама жизнь вступает в игру. Не только мысли Каупервуда были постоянно заняты Ритой, но и она начала думать о нем. Он становился для нее все более привлекательным, необычным и властным человеком. Поглощенная мечтаниями о нем, она тем не менее пыталась бороться со своими моральными принципами. Пока еще между ними ничего не было сказано, но он постепенно окружал ее своим вниманием, перекрывая пути для отступления. Однажды в четверг, когда ни он, ни Эйлин не могли приехать на чай к Сольбергам, миссис Сольберг получила великолепный букет темно-алых роз. Надпись на карточке гласила: «Для уголков и закоулков вашего дома». Она прекрасно понимала, кто прислал букет и сколько это могло стоить. Это позволило ей ощутить вкус богатства, которого она никогда не знала. Она ежедневно видела название его банковской и брокерской компании в газетной рекламе. Однажды днем она встретила его в магазине Меррилла, и он пригласил ее на ленч, но она сочла правильным отклонить его предложение. Он всегда смотрел на нее прямым, вызывающим взглядом. Только подумать, что ее красота была способна сотворить такое! Она мысленно представила себе тот момент, когда этот энергичный и обаятельный мужчина возьмет ее под свое крыло и позаботится о ней так, как не снилось Гарольду. Но она продолжала упражняться на рояле, совершать покупки, ходить в гости, читать и размышлять о безволии Гарольда, время от времени сбиваясь с мысли и глядя в одну точку, – так незримо над ней властвовал Каупервуд. Она начинала думать о его сильных, ухоженных руках и больших пронизательных глазах, чей взгляд мог быть то мягким, то жестким. Пуританское воспитание, полученное в Уичите (хотя и немного смягченное богемной жизнью в Чикаго), вступало в борьбу с отточенным мастерством соблазнения, которым владел этот человек.

– Знаете, вы совершенно неуловимы, – обратился он к ней однажды вечером в театре во время антракта, когда он сидел за ее спиной, в то время как Эйлин и Гарольд вышли в фойе. Шум голосов снаружи заглушал их слова от посторонних ушей. Миссис Сольберг выглядела особенно миловидной в вечернем платье с кружевами.

– Отчего же, – с веселым удивлением отозвалась она, польщенная его вниманием и остро ощущая его близость. Мало-помалу она поддавалась его настроению, трепеща от каждого его слова. – Мне кажется, что я вполне материальна, – продолжала она.

Она посмотрела на свою полную округлую руку, лежащую на коленях.

Каупервуд, в полной мере ощущавший притяжение ее материальности и дивившийся ее темпераменту, гораздо более сильному, чем у Эйлин, был глубоко тронут. Незначительные перемены настроения, когда ему не требовалось (или почти не требовалось) никаких слов от нее, слабые эманации чувств и фантазий ее разума неизменно пленяли его. Ее жизнелюбие могло сравниться с Эйлин, но она обладала более утонченной и богатой духовностью. Или он

просто устал от Эйлин, иногда спрашивал он себя. Нет, нет, внушал он себе, этого не может быть. Но Рита Сольберг, пожалуй, была самой приятной из всех женщин, которых он знал.

– Тем не менее вы неуловимы, – продолжал он, наклонившись к ней. – Вы напоминаете мне что-то такое, для чего я не могу найти слов – некий оттенок, аромат или музыкальный тон, моментальный проблеск. Теперь я все время мысленно следую за вами. Ваши познания в живописи очень тронули меня. Мне нравится, как вы играете на фортепиано, словно ваша душа поет, а не инструмент. Вы заставляете меня думать о прекрасных вещах, не имеющих ничего общего с обыденной жизнью. Вы понимаете?

– Если так, то это очень приятно, – она наигранно вздохнула. – Но, понимаете, вы заставляете меня думать о суетных вещах. – Она прелестно округлила губы. – Вы рисуете красивую картинку.

Она немного покраснелась и как будто смутилась от своей чувственной вспышки.

– Но вы такая на самом деле, – настойчиво продолжал он. – Я постоянно это чувствую. И знаете, – добавил он, придвинувшись к ней, – иногда я думаю, что вы еще никогда не жили по-настоящему. Есть много вещей, которые помогут вам достичь полноты жизни. Мне хотелось бы отправить вас за границу или отправиться вместе с вами. В общем, куда-нибудь уехать. Вы замечательная женщина. Я представляю хотя бы какой-то интерес для вас?

– Да, но... – она помедлила. – Понимаете, я боюсь всего этого и побаиваюсь вас. – Ее губы слегка выпятились, привычка, которая пленила его при их первом знакомстве... – Не думаю, что нам стоит продолжать разговор в таком духе, правда? Гарольд очень ревнив или будет ревновать. И как вы полагаете, что подумает миссис Каупервуд?

– Я прекрасно знаю, но сейчас не стоит останавливаться на этом, хорошо? Ей не будет никакого вреда, если я побеседую с вами. Жизнь создается отдельными людьми, Рита. Разве вы не видите, что у нас с вами много общего? Вы самая интересная женщина, которую я когда-либо знал. Вы принесли мне то, о чем я раньше не подозревал. Разве вы не видите этого? Я хочу, чтобы вы были со мной откровенны. Посмотрите на меня. Вы сейчас счастливы, не так ли? Или не вполне счастливы?

– Нет, – она расправила пальцами свой веер.

– Вы вообще счастливы?

– Когда-то я думала, что счастлива, но сейчас я больше так не думаю.

– Ясно почему, – заметил он. – Вы гораздо более талантливы, чем могут позволить ваши нынешние обстоятельства. Вы личность, а вы курите фимиам другому человеку. Мистер Сольберг – очень интересный человек, но он не может сделать вас счастливой. Меня удивляет, что вы еще не поняли этого.

– Ох, – с некоторым беспокойством прошептала она. – Возможно, я уже заметила.

Он пронзительно посмотрел на нее, и она снова затрепетала.

– Не думаю, что нам стоит продолжать этот разговор здесь, – сказала она. – Вам лучше...

Он положил руку на спинку ее сиденья, почти прикасаясь к ее плечу.

– Рита, – произнес он, снова назвав ее только по имени. – Вы замечательная женщина!

– Ох! – только и вздохнула она.

С тех пор Каупервуд не встречался с миссис Сольберг больше недели, – точнее говоря, десять дней, – когда однажды днем Эйлин заехала за ним в коляске новой конструкции, сначала остановившись, чтобы взять Сольбергов. Гарольд сидел впереди рядом с ней, а позади она оставила место для Каупервуда и Риты. Она не имела ни малейшего понятия о его интересе к миссис Сольберг; он был достаточно осторожен. Эйлин воображала, что стоит намного выше этой женщины. Она лучше выглядела, лучше одевалась, а следовательно, была более привлекательной. Она не догадывалась, какой соблазн представлял для Каупервуда женский темперамент, который был таким подвижным и, на первый взгляд, совсем не романтичным. Однако

за крепкой броней его характера скрывался глубоко тлеющий романтический огонек, который удавалось разжечь далеко не каждому.

– Что за прекрасный вечер! – произнес он, усаживаясь рядом с Ритой. – И эта замечательная летняя шляпка с розами и чудесное платье!

Розы были красными, а платье белое с зеленой ленточкой, продетой по краю. Она прекрасно чувствовала его приподнятое настроение. Он так сильно отличался от Гарольда, был такой сильный и жизнерадостный! Сегодня Гарольд принялся опять стенать и клясть свою судьбу, сетовать на неудачу и жизнь в целом.

– На твоём месте я не стала бы жаловаться, – с горечью сказала она. – Ты мог бы больше работать и меньше злиться.

После этих слов он закатил сцену, и она отправилась из дома в магазин. Вскоре после ее возвращения приехала Эйлин, и в ее присутствии конфликт должен был прекратиться.

Рита приободрилась и поспешно переоделась; Сольберг сделал то же самое. Приятно улыбаясь, они отправились на прогулку в экипаже. Теперь, слушая Каупервуда, оно довольно оглядывалась по сторонам. «Я хорошо выгляжу, он влюблен в меня, – думала она. – Как было бы замечательно, если бы мы решились на большее!»

Но вслух она сказала:

– Дело вовсе не во мне, просто день выдался на славу. Это простое платье, и к тому же сегодня у меня нет причин радоваться.

– В чем дело? – жизнерадостно осведомился он; шум проезжавших экипажей заглушал звуки их беседы. – Я что-то могу для вас сделать? Мы собираемся проехать до дальней беседки в Джексон-Парке, а потом, после ужина, вернемся домой, когда уже луна светить будет. Сейчас вы должны улыбаться и нравиться себе, если нет иной причины, о которой мне не известно. Я сделаю для вас что угодно, все, что только можно сделать. Что случилось? Вы же знаете, что я думаю только о вас. Если вы расскажете мне, в чем дело, вам больше не придется ни о чем беспокоиться.

– Ах, но вы ничего не можете с этим поделать, по крайней мере сейчас. Мои дела... Пустяки! Они очень просты.

Она находилась в состоянии мечтательной отрешенности, даже от самой себя. Каупервуд снова был очарован ею.

– Но вы безразличны мне, Рита, – тихо сказал он. – И ваши дела тоже. Я уже говорил, вы важны для меня. Разве вы не видите, что это правда? Вы загадочная, удивительная женщина. Я схожу с ума по вам. После нашей последней встречи я думаю и думаю о вас. Доверьтесь мне. Моя главная проблема, как соединить наши жизни, и тогда у вас не будет никаких забот. Мы нужны друг другу.

– Да, я знаю, – ответила она и немного задумалась. – Ничего особенного, просто мы немного поссорились.

– Из-за чего?

– На самом деле из-за меня. – Ее губы неодолимо манили его к себе. – Как вы сами сказали, я не могу все время курить фимиам. (Она осознала эту мысль спустя время.) Но теперь все в порядке. Только посмотрите, какой прекрасный день!

Каупервуд глянул на нее и покачал головой. Она была прелестна в своей женской непосредственности. Эйлин, занятая управлением коляской и собственным разговором, не обращала на них внимания и не слышала их. Она интересовалась Сольбергом, а поток экипажей, двигавшихся на юг по Мичиган-авеню, отвлекал ее внимание. Они быстро проезжали вдоль аллеи с распускавшейся листвой, ухоженных газонов, расцветающих цветочных клумб и открытых окон, – мимо восхитительного весеннего круговорота, – и Каупервуд чувствовал, как его жизнь снова началась с чистого листа. Его упоение, если бы оно было заметно, окру-

жало бы его сияющей аурой. Теперь миссис Сольберг была вполне уверена, что ей предстоит замечательный вечер.

Ужин в Джексон-парке напоминал вечеринку на свежем воздухе в мэрилендском стиле: жареные цыплята, вафли, шампанское. Эйлин, польщенная действием своих чар на Сольберга, веселилась, как могла; она шутила, смеялась, провозглашала тосты и бегала по лужайке. Сольберг домогался ее расположения глуповато и неумело, но она слегка поощряла его восклицаниями вроде «Негодный мальчишка!» или «Потише, потише!». Она была так уверена в себе, что потом со смехом рассказала об этом Каупервуду. Каупервуд, не сомневавшийся в ее верности, добродушно отнесся к этому. Сольберг весьма кстати оказался настоящим болваном.

– Он неплохой малый, – заметил Каупервуд. – Мне он даже нравится, хотя скрипач он довольно посредственный.

После ужина они прокатились по берегу озера и выехали в открытую прерию. Над деревьями в ясном небе сияла луна, озарявшая поля и наполнявшая озеро серебристым мерцающим светом. Миссис Сольберг была отравлена ядом, который источал Каупервуд, и этот яд начал оказывать на нее свое смертоносное воздействие. В ее характере, несмотря на внешнюю флегматичность, имелась склонность к действию, если ее чувства были затронуты по-настоящему. По своей природе она была активной и страстной женщиной. Каупервуд начинал приобретать в ее сознании черты той движущей силы, которой он был на самом деле. Было восхитительно ощущать любовь такого человека. Их ожидала яркая, бурная жизнь. Это немного пугало ее, но и привлекало, как мотылька к огню, горящему в темноте. Чтобы совладать со своими чувствами, она завела разговор о живописи и художниках, интересовалась Парижем и Римом, и он охотно отвечал, но при этом незаметно дотрагивался до ее руки, а улучив мгновение, в тени деревьев коснулся ее волос, повернул лицом к себе и нежно поцеловал в щеку. Она вспыхнула и задрожала, потом побледнела, охваченная ураганом чувств, но совлалась с собой. Это ни с чем не сравнимое блаженство. Было понятно, ее старая жизнь заканчивается.

– Послушайте, – тихо произнес он, – завтра приходите в три часа дня за мостом на Раш-стрит? Я приеду за вами. Вам не придется ждать ни минуты.

Она помедлила, словно мечтая наяву, завороченная напором его желания.

– Да, – наконец ответила она и прерывисто вздохнула. – Да, – повторила она, как будто пыталась привести свои мысли в порядок.

– Моя милая, – прошептал он и пожал ей руку, глядя на ее профиль в лунном свете.

– Но нам это дорого обойдется, – тихо откликнулась она, немного задыхаясь и бледнея.

Глава 16

Роковая интерлюдия

Каупервуд по-прежнему был зачарован. Он сдержал свое обещание о встрече и получил все, на что надеялся. Она оказалась более обольстительной, яркой и загадочной, чем любая женщина, что были у него прежде. В прелестной квартире на Северной стороне, которую он сразу же снял и где по возможности старался бывать и утром, и днем, и вечером, он, как бы ни был придирчив, не находил в ней недостатков. У нее были молодость и беспечность – дары бесценные. Она не знала, что такое уныние, напротив, она обладала врожденной жизнерадостностью, позволявшей не думать о будущем и не оглядываться на прошлое. Она любила красивые вещи, но не была алчной; он особенно уважал ее привлекательное свойство не откликаться на его попытки, часто деликатные, одарить ее чем-нибудь материальным. Она знала, чего она хочет, поэтому тратила аккуратно, покупала со вкусом и наряжалась так, чтобы ему было приятно на нее глядеть. Иногда его чувство к ней становилось таким сильным, что Каупервуду хотелось едва ли не покончить со всем этим, справиться со своей страстью, преодолеть тягу к ней, но все было напрасно. Ее очарование было непреодолимо. Его чувства лишь взбадривали ее, делали ее еще более милой и соблазнительной. Так ему казалось, когда он смотрел, как она поправляет волосы перед зеркалом, как меняется ее лицо, когда она предается своим мыслям.

– Помнишь ту картину, которую мы видели на днях в художественной галерее, Алджернон? – проворковала она, обращаясь к нему по второму имени, которое ей казалось более приятным и особенным, когда они были вместе. Поначалу Каупервуд возражал, но она настояла на своем. – Помнишь тот чудесный синий оттенок плаща у первого старца? (Речь шла о «Поклонении волхвов».) Так красиво!

Она так мило выпячивала губы, когда говорила с ним, что он не мог удержаться от поцелуя.

– Ты мой цветочек, – сказал он и взял ее за руки. – Ты моя вишня цветущая, моя саксонская статуэтка.

– Ты собираешься растрепать мне волосы, когда я только что уложила их?

– Да, моя шалунья.

– Ты не должен так сильно целовать меня. Ты почти сделал мне больно. Разве ты не хочешь быть нежнее со мной?

– Да, моя милая. Но иногда мне хочется делать тебе больно.

– Ну, раз уж ты так хочешь.

Как бы он ни старался, чары не рассеивались. Она казалась ему похожей на желтую с белым или золотистую бабочку, порхающую над цветущим кустом.

В эти мгновения близости он стал понимать, как много она знает об обществе, несмотря на то что большая часть ее жизни прошла на периферии. Она сразу же ясно поняла его точку зрения на общественное устройство, его художественные увлечения и мечты о чем-то лучшем для себя во всех отношениях. Она как будто хорошо понимала, что он еще не реализовал свои возможности и что Эйлин была не самой подходящей женщиной для него, хотя могла бы стать такой. Потом она стала терпимее отзываться о своем муже и рассказывать о его причудах и слабостях. «В ней нет озлобленности, – думал Каупервуд. – Она просто устала жить в состоянии неопределенности и подвергать испытаниям свою любовь, сомневаться в собственных талантах и способностях». Он предложил Рите снять более просторную студию для нее и Гарольда и покончить с мелочной экономией, осложняющей им жизнь. Предполагалось объяснить это щедростью ее семьи. Сначала она возражала, но Каупервуд действовал тактично и наконец настоял на своем. Чуть позже он сделал новое предложение: она должна убедить Гарольда съез-

дить в Европу на деньги, якобы подаренные ее родными. Убеждение, обещания, ласки в конце концов заставили ее принять его властное великодушие и покориться ему. Она благоразумно пользовалась его щедротами и находила для них самое разумное применение. Более года ни Сольберг, ни Эйлин не подозревали о связи между ними. Гарольд Сольберг, которого было легко одурачить, поехал в Данию посетить родных, а потом учиться в Германию. В следующем году миссис Сольберг отправилась в Европу вслед за Каупервудами. В Экс-ле-Бен, Биаррице, Париже и даже в Лондоне Эйлин не знала о существовании дополнительной фигуры на заднем плане. Между тем Рита отточила художественные представления Каупервуда. Благодаря ей он стал глубже разбираться в музыке, книгах и даже трактовке некоторых фактов. Она поощряла его идею о создании представительной коллекции старых мастеров, но призывала его проявлять осторожность в выборе современных картин. Он ощущал себя прекрасно подготовленным к этому своему увлечению.

Трудность этого положения, как бывает со всеми пиратскими плаваниями по морям любовных сражений и побед, заключалась в возможности гибельных бурь, возникающих в результате обманутого доверия и от наших традиционных этических представлений касательно собственности на женщин. Для Каупервуда, который сам устанавливал законы и не ведал иных законных норм, которые могли быть навязаны ему, кроме как из-за его неспособности все обдумывать наперед, вероятность скандала, порицания, гнева и душевных страданий не являлась особым препятствием. Такие вещи вовсе не обязательно должны были последовать за его действиями. В тех обстоятельствах, где среднему человеку было бы трудно управиться даже с одной любовной интригой, Каупервуд, как мы могли убедиться, завязывал несколько таких интриг почти одновременно. Теперь он предпринял очередную попытку, на этот раз с большим чувством и энтузиазмом. Предыдущие романы были для него всего лишь забавой, более или менее легкими интрижками, которые к его настоящим чувствам отношения не имели. С миссис Сольберг все было по-другому. Сейчас она действительно была для него всем. Женщины обладали для Каупервуда притягательной силой; если не чувственно, то эстетически он ощущал их красоту, загадочность их индивидуальности, и вскоре эта страсть вовлекла его в новое приключение, исход которого оказался не столь успешным.

Антуанетта Новак стала работать у него секретаршей и стенографисткой после окончания средней школы на Западной стороне и Чикагского коммерческого колледжа. Родившаяся в семье эмигрантов, она была в полном расцвете своей юности. Трудно было поверить, что эта стройная, гибкая девушка с прекрасными навыками стенографии, бухгалтерии и ведения деловой переписки дочь бедного поляка, который сначала работал на сталелитейном заводе в юго-западной части Чикаго, а потом открыл в польском квартале убогую лавочку, где торговал газетами, сигарами, игральными картами и канцелярскими принадлежностями, а в задней комнате посетители могли играть в карты. Антуанетта, которую на самом деле звали Минка (имя Антуанетта она случайно нашла в какой-то статье в воскресной газете), была серьезной брюнеткой, честолюбивой и полной надежд, которая уже через десять дней после устройства на новом месте восхищалась Каупервудом и почти с восторженным интересом наблюдала за его решительными действиями. «Как чудесно быть женой такого человека, завоевать его внимание, не говоря уже о его любви!» – думала она. После серого, унылого мира, в котором Антуанетта жила раньше, высшие сферы, в которые она проникла благодаря службе у Каупервуда, и после невзрачных мужчин в агентстве недвижимости, где она прежде работала, Каупервуд, прекрасно одетый, спокойный, с присущими ему властными манерами, затрагивал самые амбициозные струны ее души. Однажды она видела Эйлин, выходящую из своего экипажа в теплой коричневой шубке, модных лакированных ботинках, маленькой шапочке без полей, украшенной длинным темно-красным пером, торчавшим сбоку, словно кинжал. Антуанетта ненавидела ее. Она считала себя лучше и умнее, по крайней мере, не хуже Эйлин. Почему жизнь устроена так несправедливо? И что за человек был Каупервуд, в конце концов? Однажды, когда она

под его диктовку записала лаконичную, в целом правдивую биографию для рассылки в чикагские газеты вскоре после открытия брокерской конторы в Чикаго, она увидела во сне историю его жизни, разумеется, в измененном виде, как это бывает в снах. Ей казалось, что Каупервуд стоит рядом с ней в своей роскошно обставленной конторе на Ласаль-стрит и спрашивает ее: «Антуанетта, что вы обо мне думаете?» Антуанетта была ошеломлена, но решила быть храброй. Во сне она обнаружила, что очень интересуется им. «Не знаю, что и думать, – ответила она. – Мне так жаль!»

Он нежно коснулся ее щеки, и она проснулась. «Какая жалость и какой позор, что такой человек попал в тюрьму!» – подумала она. Он был очень хорош собой. Он был дважды женат. Наверное, его первая жена была дурнушкой или недостойной его женщиной. Она много думала об этом и на следующий день пришла на работу задумчивой. Каупервуд, занятый своими делами, почти не обращал внимания на нее. Он размышлял о следующих атаках своей увлекательной газовой войны. А Эйлин, однажды увидевшая Антуанетту, сочла ее существом низшего порядка. Служащие женщины в то время встречались редко, их считали изгоями. На самом деле Эйлин просто не замечала Антуанетту.

Где-то через год после того, как Каупервуд близко сошелся с миссис Сольберг, его официальные деловые отношения с Антуанеттой Новак приобрели более личный характер. Разве он уже устал от миссис Сольберг? Нисколько. Он был отчаянно влюблен в нее. Или ему так надоела Эйлин, что он готов был таким образом избавиться от нее? Ничего подобного. Временами она была для него такой же привлекательной, как всегда, а возможно, даже еще больше, поскольку ее воображаемые права были грубо нарушены. Каупервуд жалел ее, но был склонен оправдывать себя тем, что отношения с другими женщинами, за исключением миссис Сольберг, были недолговечными. Если бы имелаась возможность жениться на миссис Сольберг, то он, наверное, так бы и поступил. Действительно, иногда он гадал, что может заставить Эйлин уйти от него, но это были праздные измышления. Скорее он воображал, что они будут коротать свой век вместе, памятуя о том, как легко ему удавалось обманывать ее. Что касается такой девушки, как Антуанетта Новак, то она была частью многоголосой симфонии влечения, формулой красоты, которая правит миром. Она была красивой брюнеткой с большими горящими глазами, пылающими огнем неутоленных желаний. Интерес к ней проснулся у Каупервуда постепенно. Глядя на нее, он дивился, как Америка преобразует жизнь людей.

– Ваши родители англичане, Антуанетта? – спросил он ее однажды утром с небрежной фамильярностью, которую позволял себе в общении с подчиненными и людьми недалекими. У них такой тон не мог вызвать неприятия и обычно воспринимался как комплимент.

Антуанетта, опрятная и свежая, в белой блузке с длинными рукавами и черной юбке, с черной бархатной лентой на шее и черными волосами, заплетенными и уложенными в тяжелую косу вокруг головы, скрепленную белым целлулоидным гребнем, одарила его довольным и благодарным взглядом. Она привыкла к общению с разными типами мужчин, серьезными, вспыльчивыми, восторженными, энергичными и равнодушными. Иногда это были пьяные и сквернословившие мужчины из ее детства, которые дрались, маршировали на парадах и молились в католических церквях. Потом это были мужчины из делового мира, жадные до денег, недалекие, не имевшие представления ни о чем, кроме некоторых возможностей заработать в Чикаго кое-какие деньги. В конторе Каупервуда, раскладывая корреспонденцию и слыша его откровенные, располагающие беседы со старым Лафлином, Сиппенсом и другими людьми, она больше узнала о жизни, чем могла себе представить. Он был похож на огромное распахнутое окно, через которое она могла смотреть на безграничные, меняющиеся пейзажи.

– Нет, сэр, – ответила она и опустила узкую, но сильную белокожую руку, в который держала черный карандаш, готовая делать записи. Она радостно улыбнулась, поскольку ей было приятно, что он обратился к ней.

– Я так и думал, – сказал он. – Однако вы настоящая американка.

– Не знаю, как это получилось, – серьезно сказала она. – Но у меня есть брат, такой же американец, как и я. Мы оба не похожи на наших родителей.

– Чем занимается ваш брат? – вскользь спросил Каупервуд.

– Он работает весовщиком в «Арнли и К°». Надеется когда-нибудь стать управляющим, – она улыбнулась.

Каупервуд задумчиво посмотрел на нее, в ответ она опустила глаза. Ее смуглые щеки залились румянцем. Так всегда случалось, когда он смотрел на нее.

– Отправьте это письмо генералу Ван-Сайклу, – сказал он и пустился в объяснения, словно пытаясь выручить ее из неловкого положения. Через несколько минут она полностью оправилась. Но Антуанетта не могла долго находиться рядом с Каупервудом, не испытывая чувства, возникавшего помимо ее воли. Он завораживал ее и наполнял смутным огнем. Иногда она гадала, почему такой замечательный человек вообще может интересоваться девушкой вроде нее.

Венцом этого изначального интереса, разумеется, в конце концов стала влюбленность Антуанетты. Можно во всех скучных подробностях расписать дни, когда она сидела и писала под диктовку, получала инструкции и выполняла свои секретарские обязанности строго и деловито, но это будет бессмысленно. И хотя она работала сосредоточенно и аккуратно, но мысленно оставалась с человеком, который находился рядом в своем кабинете, – с ее необыкновенным боссом, который встречался со своими помощниками, к которому непрерывной чередой приходили серьезные и деловые люди. Они оставляли визитные карточки, вели с ним беседы. Она обратила внимание, что лишь редкие посетители устаивались долгого разговора с Каупервудом, и это очень интересовало ее. Его поручения к ней всегда были лаконичными, он полагался на ее природную сообразительность там, где приходилось ограничиваться лишь намеками.

– Вы понимаете, не так ли? – обычно спрашивал он в таких случаях.

– Да, – отвечала она и чувствовала себя более значительной персоной, чем обычно.

Контора была опрятная и красивая, как сам Каупервуд. Утреннее солнце освещало огромное восточное окно, закрытое бледно-зелеными спущенными шторами, и создавало ей романтическое настроение. Личный кабинет Каупервуда, как в Филадельфии, представлял собой обшитое вишневыми панелями звуконепроницаемое помещение, в котором он мог полностью отгородиться от окружающего мира. За закрытыми дверями кабинет превращался в святая святых. Он завел благоразумное правило как можно чаще держать дверь открытой, даже когда не диктовал письма. Именно в получасовые интервалы, предназначенные для диктовки, он больше всего сближался с мисс Новак. По прошествии многих месяцев, поскольку он был увлечен связью с другой женщиной, о которой она ничего не знала, Антуанетта иногда приходила на работу с ощущением нехватки воздуха или девичьей стыдливости. Ей никогда не приходило в голову откровенно признаться в своем желании близости с Каупервудом. Это бы отпугнуло ее, заставив усомниться в собственной нравственности, и тем не менее она продолжала постоянно думать о нем. О его густых, светлых, всегда аккуратно расчесанных волосах, о его больших, ясных, спокойных глазах, о его ухоженных руках, таких сильных и ловких, о его великолепных костюмах в изысканную тонкую полоску. Как все это восхищало ее! Он всегда казался далеким и недостижимым, кроме тех случаев, когда оказывался рядом с ней, и тогда он вдруг становился невероятно близким и доступным.

Однажды, диктуя ей письмо, он несколько раз пристально смотрел на нее, при этом она неизменно отводила глаза, потом встал и закрыл приоткрытую дверь. Она не придавала этому значения, поскольку это случалось и раньше, но сегодня из-за его взгляда, пристального, без улыбки, она почувствовала, что сейчас случится что-то необычное. Она похолодела, потом ее бросило в жар, шея и руки покраснели. У нее была великолепная фигура, о чем она не подозревала, стройные ноги, изящное тело. Четкий профиль напоминал очертания с древнегрече-

ской монеты, а волосы ее сейчас были уложены на манер античных статуй. Каупервуд заметил это. Он обошел вокруг стола, и, не садясь, наклонился и дружески взял ее за руку.

– Антуанетта, – произнес он, бережно держа ее руку.

Она подняла глаза и встала, тем более что он слегка притягивал ее к себе, едва дыша, побледневшая и совершенно утратившая присущее ей самообладание. Она ощущала себя податливой и безвольной. Потом она приподняла голову и сразу же столкнулась с его прямым, страстным взглядом. У нее закружилась голова, и она смятенно посмотрела на него.

– Антуанетта!

– Да, – прошептала она.

– Вы любите меня, не правда ли?

Она пыталась сосредоточиться, собраться с силами и вернуть себе твердость духа, ту самую твердость духа, которая обычно не оставляла ее, но ничего не получилось. Вместо этого перед ней возник образ Блю-Айленд-авеню, где она выросла: одноэтажные старые домишки, а потом эта красивая, светлая контора и этот сильный мужчина. Ее кровь как будто вскипела. Она была словно волшебным образом заколдованная. Волшебным образом заколдованная и счастливая.

– Антуанетта!

– Ох, не знаю, что сказать, – выдохнула она. – Я... о да, да!

– Мне нравится ваше имя, – просто сказал он. – Антуанетта.

Он привлек ее к себе и обнял за талию.

Она вдруг испугалась, и из ее глаз хлынули слезы, не столько от стыда, сколько от потрясения. Она отвернулась, положила голову на руку, опущенную на стол, и разразилась рыданиями.

– Почему, Антуанетта? – ласково спросил он, нагнувшись над ней. – Вы плохо знаете жизнь? Кажется, вы сказали, что любите меня. Вы хотите, чтобы я забыл об этом, и все продолжалось, как раньше? Разумеется, я могу это сделать, если вы хотите.

Он уже знал, что она любит его.

Она ясно слышала его слова, несмотря на рыдания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.